

А. Волков

Волшебник Изумрудного города

«МАЛЫШ»

Изумрудный город

Александр Волков

**Волшебник Изумрудного
города (сборник)**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волков А. М.

Волшебник Изумрудного города (сборник) / А. М. Волков —
«ФТМ», «Издательство АСТ», 2013 — (Изумрудный город)

ISBN 978-5-17-065134-4

В книгу вошли все сказочные повести А. М. Волкова, рассказывающие об удивительных приключениях девочки Элли и ее друзей – Страшилы, Смелого Льва и Железного Дровосека – в Волшебной стране. Иллюстрации к этим повестям сделал замечательный художник Л. В. Владимирский. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-065134-4

© Волков А. М., 2013
© ФТМ, 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Волшебник Изумрудного города	9
Ураган	11
Дорога из желтого кирпича	18
Элли в удивительной стране Жевунов	18
Страшила	26
Спасение Железного Дровосека	32
Элли в плену у Людоода	37
Встреча с Трусливым Львом	43
Саблезубые тигры	45
Переправа через реку	49
Коварное маковое поле	53
На кого похож Гудвин?	57
Великий и Ужасный	60
Изумрудный город	60
Удивительные превращения волшебника Гудвина	64
Последнее волшебство Бастинды	74
Победа	79
Как вернулись к жизни Страшила и Железный Дровосек	87
Возвращение в Изумрудный город	90
Разоблачение Великого и Ужасного	93
История Гудвина	99
Исполнение желаний	103
Чудесное искусство Великого Обманщика	103
Снова в путь	109
Наводнение	112
Лев становится царем зверей	118
Стелла, вечно юная волшебница Розовой страны	119
Заключение	124
Урфин Джюс и его деревянные солдаты	126
Одинокий столяр	127
Чудесный порошок	131
Необыкновенное растение	131
Честолюбивые планы Урфина Джюса	138
Рождение деревянной армии	142
Поход дуболомов	147
Новый замысел	150
История вороны Кагги-Карр	156
Осада Изумрудного города	157
Измена	162
Железный Дровосек попадает в плен	166
Новый правитель Изумрудной страны	173
На помощь к друзьям	179
Странное письмо	179
Через пустыню	186
В плену у черного камня	191
Спасение	193

Долина чудесного винограда	195
Дорога в горах	197
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Александр Волков

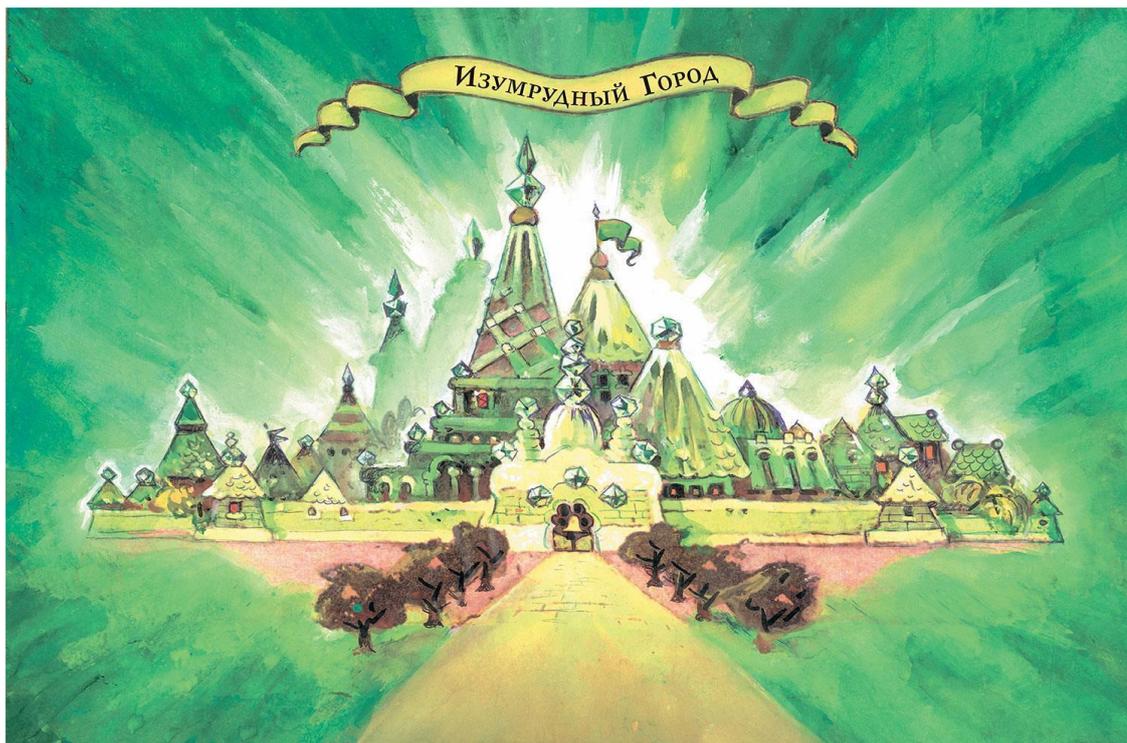
Волшебник Изумрудного города (сборник)

© А. Волков, наследники, 2003

© Л. В. Владимирский, иллюстрации, 1959, 1997

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Волшебник Изумрудного города

Ураган

Среди обширной канзасской степи жила девочка Элли. Ее отец, фермер Джон, целый день работал в поле, а мать Анна хлопотала по хозяйству.

Жили они в небольшом фургоне, снятом с колес и поставленном на землю.

Обстановка домика была бедна: железная печка, шкаф, стол, три стула и две кровати. Рядом с домом, у самой двери, был выкопан «ураганный погреб». В погребе семья отсиживалась во время бурь.

Степные ураганы не раз опрокидывали легонькое жилище фермера Джона. Но Джон не унывал: когда утихал ветер, он поднимал домик, печка и кровати становились на места. Элли собирала с пола оловянные тарелки и кружки – и все было в порядке до нового урагана.

До самого горизонта расстилалась ровная, как скатерть, степь. Кое-где виднелись такие же бедные домики, как и домик Джона. Вокруг них были пашни, где фермеры сеяли пшеницу и кукурузу.

Элли хорошо знала всех соседей на три мили кругом. На западе проживал дядя Роберт с сыновьями Бобом и Диком. В домике на севере жил старый Рольф. Он делал детям чудесные ветряные мельницы.

Широкая степь не казалась Элли унылой: ведь это была ее родина, Элли не знала никаких других мест. Горы и леса она видела только на картинках, и они не манили ее, быть может, потому, что в дешевых Эллиных книжках были нарисованы плохо.

Когда Элли становилось скучно, она звала веселого песика Тотошку и отправлялась навещать Дика и Боба или шла к дедушке Рольфу, от которого никогда не возвращалась без самодельной игрушки.

Тотошка с лаем прыгал по степи, гонялся за воронами и был бесконечно доволен собой и своей маленькой хозяйкой. У Тотошки была черная шерсть, остренькие ушки и маленькие, забавно блестящие глазки. Тотошка никогда не скучал и мог играть с девочкой целый день.

У Элли было много забот. Она помогала матери по хозяйству, а отец учил ее читать, писать и считать, потому что школа находилась далеко, а девочка была еще слишком мала, чтобы ходить туда каждый день.

Однажды летним вечером Элли сидела на крыльце и читала вслух сказку. Анна стирала белье.

– «И тогда сильный, могучий богатырь Арнаульф увидел волшебника ростом с башню, – нараспев читала Элли, водя пальцем по строкам. – Из рта и ноздрей волшебника вылетал огонь...»

– Мамочка, – спросила Элли, отрываясь от книги, – а теперь волшебники есть?

– Нет, моя дорогая. Жили волшебники в прежние времена, а потом перевелись. Да и к чему они? И без них хлопот довольно...

Элли смешно наморщила нос:

– А все-таки без волшебников скучно. Если бы я вдруг сделалась королевой, то обязательно приказала бы, чтобы в каждом городе и в каждой деревне был волшебник. И чтобы он совершал для детей всякие чудеса.

– Какие же, например? – улыбаясь, спросила мать.

– Ну, какие... Вот, чтобы каждая девочка и каждый мальчик, просыпаясь утром, находили под подушкой большой сладкий пряник... Или... – Элли грустно посмотрела на свои грубые поношенные башмаки. – Или чтобы у всех детей были хорошенькие легкие туфельки.

– Туфельки ты и без волшебника получишь, – возразила Анна. – Поедешь с папой на ярмарку, он и купит...

Пока девочка разговаривала с матерью, погода начала портиться.

* * *

Как раз в это самое время в далекой стране, за высокими горами колдовала в угрюмой глубокой пещере злая волшебница Гингема.

Страшно было в пещере Гингемы. Там под потолком висело чучело огромного крокодила. На высоких шестах сидели большие филины, с потолка свешивались связки сушеных мышей, привязанных к веревочкам за хвостики, как луковки. Длинная толстая змея обвилась вокруг столба и равномерно качала плоской головой. И много еще всяких странных и жутких вещей было в обширной пещере Гингемы.

В большом закопченном котле Гингема варила волшебное зелье. Она бросала в котел мышей, отрывая одну за другой от связки.

– Куда это подевались змеиные головы? – злобно ворчала Гингема. – Не все же я съела за завтраком!.. А, вот они, в зеленом горшке! Ну, теперь зелье выйдет на славу!.. Достанется же этим проклятым людям! Ненавижу я их! Расселились по свету! Осушили болота! Вырубили чащи!.. Всех лягушек вывели!.. Змей уничтожают! Ничего вкусного на земле не осталось! Разве только червячком полакомишься!..

Гингема погрозила в пространство костлявым иссохшим кулаком и стала бросать в котел змеиные головы.

– Ух, ненавистные люди! Вот и готово мое зелье на погибель вам! Окроплю леса и поля, и поднимется буря, какой еще на свете не бывало!

Гингема подхватила котел за «ушки» и с усилием вытащила его из пещеры. Она опустила в котел большое помело и стала расплескивать вокруг свое варево.

– Разразись, ураган! Лети по свету, как бешеный зверь! Рви, ломай, круши! Опрокидывай дома, поднимай на воздух! Сусака, масака, лэма, рэма, гэма!.. Буридо, фуридо, сэма, пэма, фэма!..

Она выкрикивала волшебные слова и брызгала вокруг растрепанным помелом, и небо омрачалось, собирались тучи, начинал свистеть ветер. Вдали блестели молнии...

– Круши, рви, ломай! – дико вопила колдунья. – Сусака, масака, буридо, фуридо! Уничтожай, ураган, людей, животных, птиц! Только лягушечек, мышек, змеек, паучков не трогай, ураган! Пусть они по всему свету размножаются на радость мне, могучей волшебнице Гингеме! Буридо, фуридо, сусака, масака!

И вихрь завывал все сильнее и сильнее, сверкали молнии, оглушительно грохотал гром.

Гингема в диком восторге кружилась на месте, и ветер развеивал полы ее длинной мантии...

* * *

Вызванный волшебством Гингемы ураган донесся до Канзаса и с каждой минутой приближался к домику Джона. Вдали у горизонта сгущались тучи, поблескивали молнии.

Тотошка беспокойно бегал, задрав голову, и задорно лаял на тучи, которые быстро мчались по небу.

– Ой, Тотошка, какой ты смешной, – сказала Элли. – Пугаешь тучи, а ведь сам трусишь!

Песик и в самом деле очень боялся гроз. Он их уже немало видел за свою недолгую жизнь. Анна забеспокоилась.

– Заболталась я с тобой, дочка, а ведь, смотри-ка, надвигается самый настоящий ураган...

Вот уже ясно стал слышен грозный гул ветра. Пшеница на поле прилегла к земле, и по ней, как по реке, покатались волны. Прибежал с поля взволнованный фермер Джон.

– Буря, идет страшная буря! – закричал он. – Прячьтесь скорее в погреб, а я побегу загоню скот в сарай!

Анна бросилась к погребу, откинула крышку.

– Элли, Элли! Скорей сюда! – кричала она.

Но Тотошка, перепуганный ревом бури и беспрестанными раскатами грома, убежал в домик и спрятался там под кровать, в самый дальний угол. Элли не хотела оставить своего любимца одного и бросилась за ним в фургон.

И в это время случилась удивительная вещь.

Домик повернулся два или три раза, как карусель. Он оказался в самой середине урагана. Вихрь закружил его, поднял вверх и понес по воздуху.

В дверях фургона показалась испуганная Элли с Тотошкой на руках. Что делать? Спрыгнуть на землю? Но было уже поздно: домик летел высоко над землей...

Ветер трепал волосы Анны. Она стояла возле погребка, протягивала вверх руки и отчаянно кричала. Прибежал из сарая фермер Джон и бросился к тому месту, где стоял фургон. Осиротевшие отец и мать долго смотрели в темное небо, поминутно освещаемое блеском молний...

Ураган все бушевал, и домик, покачиваясь, неся по воздуху. Тотошка, потрясенный тем, что творилось вокруг, бегал по темной комнате с испуганным лаем. Элли, растерянная, сидела на полу, схватившись руками за голову. Она чувствовала себя очень одинокой. Ветер гулял так, что оглушал ее. Ей казалось, что домик вот-вот упадет и разобьется. Но время шло, а домик все еще летел. Элли вскарабкалась на кровать и легла, прижав к себе Тотошку. Под гул ветра, плавно качавшего домик, Элли крепко заснула.

Дорога из желтого кирпича

Элли в удивительной стране Жевунов

Элли проснулась оттого, что песик лизал ей лицо горячим мокрым язычком и скулил. Сначала ей показалось, что она видела удивительный сон, и Элли уже собралась рассказать о нем матери. Но, увидев опрокинутые стулья, валявшуюся на полу печку, Элли поняла, что все было наяву.

Девочка спрыгнула с постели. Домик не двигался. Солнце ярко светило в окно. Элли подбежала к двери, распахнула ее и вскрикнула от удивления.

Ураган занес домик в страну необычайной красоты. Вокруг расстилалась зеленая лужайка, по краям ее росли деревья со спелыми сочными плодами; на полянках виднелись клумбы красивых розовых, белых и голубых цветов. В воздухе порхали крошечные птицы, сверкавшие ярким оперением. На ветках деревьев сидели золотисто-зеленые и красногрудые попугаи и кричали высокими странными голосами. Невдалеке журчал прозрачный поток, в воде резвились серебристые рыбки.

Пока девочка нерешительно стояла на пороге, из-за деревьев появились самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Мужчины, одетые в голубые бархатные кафтаны и узкие панталоны, ростом были не выше Элли; на ногах у них блестели голубые ботфорты с отворотами. Но больше всего Элли понравились остроконечные шляпы: их верхушки украшали хрустальные шарики, а под широкими полями нежно звенели маленькие бубенчики.

Старая женщина в белой мантии важно выступала впереди трех мужчин; на остроконечной шляпе ее и на мантии сверкали крошечные звездочки. Седые волосы старушки падали ей на плечи.

Вдали, за плодовыми деревьями, виднелась целая толпа маленьких мужчин и женщин; они стояли, перешептываясь и переглядываясь, но не решались подойти ближе.

Подойдя к девочке, эти робкие маленькие люди приветливо и несколько боязливо улыбнулись Элли, но старушка смотрела на нее с явным недоумением. Трое мужчин дружно двинулись вперед и разом сняли шляпы. «Дзинь-дзинь-дзинь!» – прозвенели бубенчики. Элли заметила, что челюсти маленьких мужчин беспрестанно двигались, как будто что-то пережевывая.

Старушка обратилась к Элли:

– Скажи мне, как ты очутилась в стране Жевунов, милое дитя?

– Меня принес сюда ураган в этом домике, – робко ответила Элли.

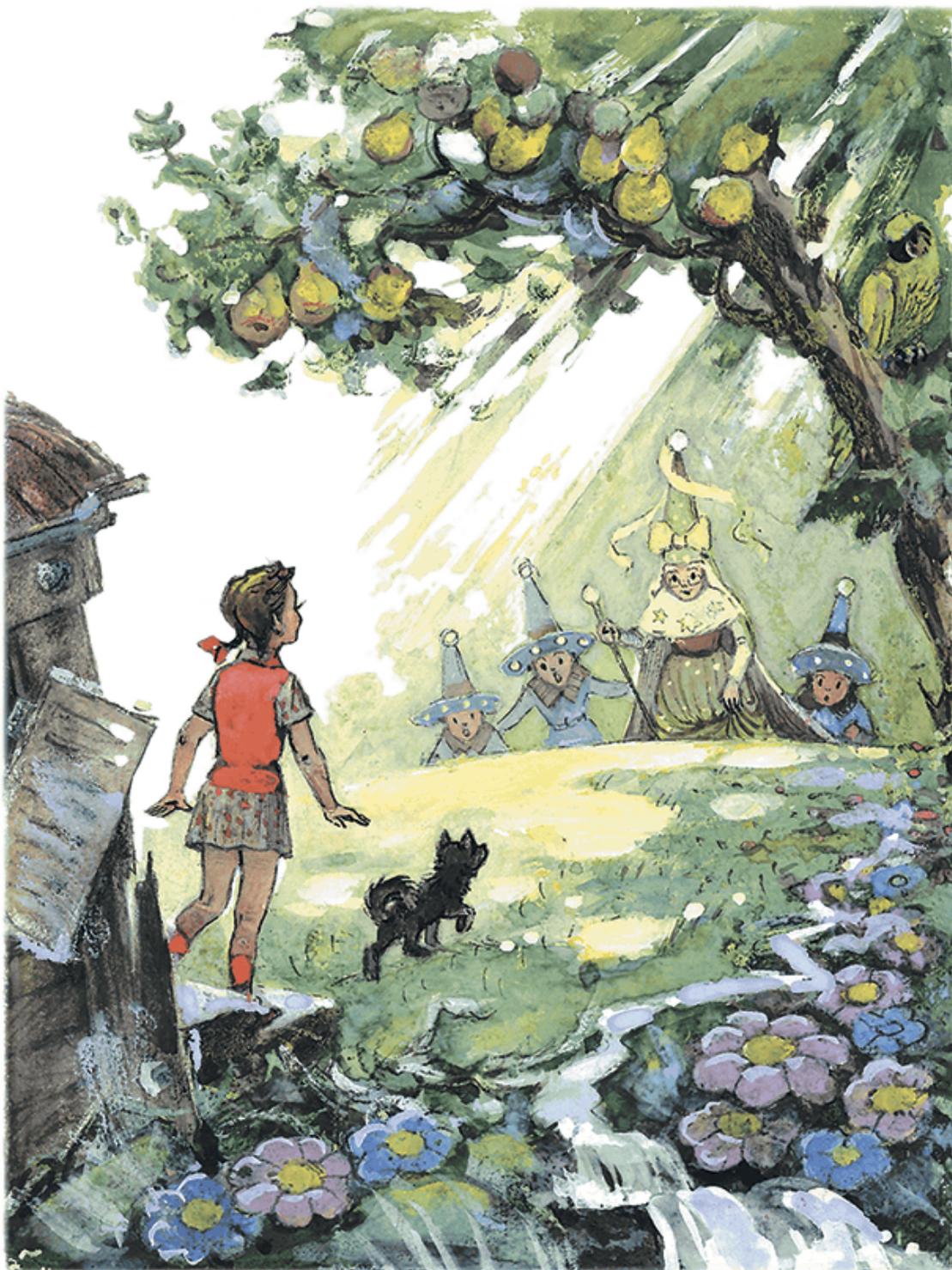
– Странно, очень странно! – покачала головой старушка. – Сейчас ты поймешь мое недоумение. Дело было так. Я узнала, что злая волшебница Гингема выжила из ума и захотела погубить человеческий род и населить землю крысами и змеями. И мне пришлось употребить все мое волшебное искусство...

– Как, сударыня! – со страхом воскликнула Элли. – Вы волшебница? А как же мама говорила мне, что теперь нет волшебников?

– Где живет твоя мама?

– В Канзасе.

– Никогда не слыхала такого названия, – сказала волшебница, поджав губы. – Но что бы ни говорила твоя мама, в этой стране живут волшебники и мудрецы. Нас здесь было четыре волшебницы. Две из нас – волшебница Желтой страны (это я, Виллина!) и волшебница Розовой страны Стелла – добрые. А волшебница Голубой страны Гингема и волшебница Фиолетовой страны Бастинда – очень злые. Твой домик раздавил Гингему, и теперь осталась только одна злая волшебница в нашей стране.

Элли была изумлена. Как могла уничтожить злую волшебницу она, маленькая девочка, не убившая в своей жизни даже воробья?

Элли сказала:

– Вы, конечно, ошибаетесь: я никого не убивала.

– Я тебя в этом и не виню, – спокойно возразила волшебница Виллина. – Ведь это я, чтобы спасти людей от беды, лишила ураган разрушительной силы и позволила ему захватить только один домик, чтобы сбросить его на голову коварной Гингема, потому что вычитала в моей волшебной книге, что он всегда пустует в бурю...

Элли смущенно ответила:

– Это правда, сударыня, во время ураганов мы прячемся в погреб, но я побежала в домик за моей собачкой...

– Такого безрассудного поступка моя волшебная книга никак не могла предвидеть! – огорчилась волшебница Виллина. – Значит, во всем виноват этот маленький зверь...

– Тотошка, ав-ав, с вашего позволения, сударыня! – неожиданно вмешался в разговор песик. – Да, с грустью признаюсь, это я во всем виноват...

– Как, ты заговорил, Тотошка? – с удивлением вскрикнула Элли.

– Не знаю, как это получается, Элли, но, ав-ав, из моего рта невольно вылетают человеческие слова...

– Видишь ли, Элли, – объяснила Виллина, – в этой чудесной стране разговаривают не только люди, но и все животные и даже птицы. Посмотри вокруг, нравится тебе наша страна?

– Она недурна, сударыня, – ответила Элли, – но у нас дома лучше. Посмотрели бы вы на наш скотный двор! Посмотрели бы вы на нашу Пестрянку, сударыня! Нет, я хочу вернуться на родину, к маме и папе...

– Вряд ли это возможно, – сказала волшебница. – Наша страна отделена от всего света пустыней и огромными горами, через которые не переходил ни один человек. Боюсь, моя крошка, что тебе придется остаться с нами.

Глаза Элли наполнились слезами. Добрые Жевуны очень огорчились и тоже заплакали, утирая слезы голубыми носовыми платочками. Жевуны сняли шляпы и поставили их на землю, чтобы бубенчики своим звоном не мешали им рыдать.

– А вы совсем-совсем не поможете мне? – грустно спросила Элли.

– Ах, да, – спохватилась Виллина, – я совсем забыла, что моя волшебная книга при мне. Надо посмотреть в нее: может быть, я там что-нибудь вычитаю полезное для тебя...

Виллина вынула из складок одежды крошечную книжку величиной с наперсток. Волшебница подула на нее, и на глазах удивленной и немного испуганной Элли книга начала расти, расти и превратилась в громадный том. Он был так тяжел, что старушка положила его на большой камень.

Виллина смотрела на листы книги, и они сами переворачивались под ее взглядом.

– Нашла, наша! – воскликнула вдруг волшебница и начала медленно читать: – «Бамбара, чуфара, скорики, морики, турабо, фурабо, лорики, ёрики... Великий Волшебник Гудвин вернет домой маленькую девочку, занесенную в его страну ураганом, если она поможет трем существам добиться исполнения их самых заветных желаний, пикапу, трикапу, ботало, мотало...»

– Пикапу, трикапу, ботало, мотало... – в священном ужасе повторяли Жевуны.

– А кто такой Гудвин? – спросила Элли.

– О, это самый Великий Мудрец нашей страны, – прошептала старушка. – Он могущественнее всех нас и живет в Изумрудном городе.

– А он злой или добрый?

– Этого никто не знает. Но ты не бойся, разыщи три существа, исполни их заветные желания, и Волшебник Изумрудного города поможет тебе вернуться в твою страну!

– Где Изумрудный город? – спросила Элли.

– Он в центре страны. Великий Мудрец и Волшебник Гудвин сам построил его и управляет им. Но он окружил себя необычайной таинственностью, и никто не видел его после постройки города, а она закончилась много-много лет назад.

– Как же я дойду до Изумрудного города?

– Дорога далека. Не везде страна хороша, как здесь. Есть темные леса со страшными зверями, есть быстрые реки – переправа через них опасна...

– Не пойдете ли вы со мной? – спросила девочка.

– Нет, дитя мое, – ответила Виллина. – Я не могу надолго покидать Желтую страну. Ты должна идти одна. Дорога в Изумрудный город вымощена желтым кирпичом, и ты не заблудишься. Когда придешь к Гудвину, проси у него помощи...

– А долго мне придется здесь прожить, сударыня? – спросила Элли, опустив голову.

– Не знаю, – ответила Виллина. – Об этом ничего не сказано в моей волшебной книге. Иди, ищи, борись! Я буду время от времени заглядывать в волшебную книгу, чтобы знать, как идут твои дела... Прощай, моя дорогая!

Виллина наклонилась к огромной книге, и та тотчас сжалась до размеров наперстка и исчезла в складках мантии. Налетел вихрь, стало темно, и, когда мрак рассеялся, Виллины уже не было: волшебница исчезла.

Элли и Жевуны задрожали от страха, и бубенчики на шляпах маленьких людей зазвенели сами собой.

Когда все немного успокоились, самый смелый из Жевунов, их старшина, обратился к Элли:

– Могущественная фея! Приветствуем тебя в Голубой стране! Ты убила злую Гингему и освободила Жевунов!

Элли сказала:

– Вы очень любезны, но тут ошибка: я не фея. И ведь вы же слышали, что мой домик упал на Гингему по приказу волшебницы Виллины...

– Мы этому не верим, – упрямо возразил старшина Жевунов. – Мы слышали твой разговор с доброй волшебницей, ботало, мотало, но мы думаем, что и ты – могущественная фея. Ведь только феи могут развезжать по воздуху в своих домиках, и только фея могла освободить нас от Гингемы, злой волшебницы Голубой страны. Гингема много лет правила нами и заставляла нас работать день и ночь...

– Она заставляла нас работать день и ночь! – хором сказали Жевуны.

– Она приказывала нам ловить пауков и летучих мышей, собирать лягушек и пиявок по канавам. Это были ее любимые кушанья...

– А мы, – заплакали Жевуны, – мы очень боимся пауков и пиявок!

– О чем же вы плачете? – спросила Элли. – Ведь все это прошло!

– Правда, правда! – Жевуны дружно рассмеялись, и бубенчики на их шляпах зазвенели.

– Могущественная госпожа Элли! – заговорил старшина. – Хочешь стать нашей повелительницей вместо Гингемы? Мы уверены, что ты очень добра и не слишком часто станешь нас наказывать!..

– Нет, – возразила Элли, – я только маленькая девочка и не гожусь в правительницы страны. Если вы хотите помочь мне, дайте возможность исполнить ваши заветные желания!

– У нас было единственное желание – избавиться от злой Гингемы, пикапу, трикапу! Но твой домик – крак! крак! – раздавил ее, и у нас больше нет желаний!.. – сказал старшина.

– Тогда мне нечего здесь делать. Я пойду искать тех, у кого есть желания. Только вот башмаки у меня очень уж старые и рваные – они не выдержат долгого пути. Правда, Тотошка? – обратилась Элли к песику.

– Конечно, не выдержат, – согласился Тотошка. – Но ты не горюй, Элли, я тут неподалеку видел кое-что и помогу тебе!

– Ты? – удивилась девочка.

– Да, я! – с гордостью ответил Тотошка и исчез за деревьями. Через минуту он вернулся с красивым серебряным башмачком в зубах и торжественно положил его у ног Элли. На башмачке блестела золотая пряжка.

– Откуда ты его взял? – изумилась Элли.

– Сейчас расскажу! – отвечал запыхавшийся песик, скрылся и вновь вернулся с другим башмачком.

– Какая прелесть! – восхищенно сказала Элли и примерила башмачки – они как раз прилипли ей по ноге, точно были на нее сшиты.

– Когда я бегал на разведку, – важно начал Тотошка, – я увидел за деревьями большое черное отверстие в горе...

– Ай-ай-ай! – в ужасе закричали Жевуны. – Ведь это вход в пещеру злой волшебницы Гингема! И ты осмелился туда войти?..

– А что тут страшного? Ведь Гингема-то умерла! – возразил Тотошка.

– Ты, должно быть, тоже волшебник! – со страхом молвил старшина; все другие Жевуны согласно кивали головами, и бубенчики под шляпами дружно зазвенели.

– Вот там-то, войдя в эту, как вы ее называете, пещеру, я увидел много смешных и странных вещей, но больше всего мне понравились стоящие у входа башмачки. Какие-то большие птицы со страшными желтыми глазами пытались помешать мне взять башмачки, но разве Тотошка испугается чего-нибудь, когда он хочет услужить своей Элли?

– Ах ты мой милый смельчак! – воскликнула Элли и нежно прижала песика к груди. – В этих башмачках я пройду без усталости сколько угодно...

– Это очень хорошо, что ты получила башмачки злой Гингема, – перебил ее старший Жевун. – Кажется, в них заключена волшебная сила, потому что Гингема надевала их только в самых важных случаях. Но какая это сила, мы не знаем... И ты все-таки уходишь от нас, милостивая госпожа Элли? – со вздохом спросил старшина. – Тогда мы принесем тебе что-нибудь поесть на дорогу.

Жевуны ушли, и Элли осталась одна. Она нашла в домике кусок хлеба и съела его на берегу ручья, запивая прозрачной холодной водой. Затем она стала собираться в далекий путь, а Тотошка бегал под деревом и старался схватить сидящего на нижней ветке крикливого пестрого попугая, который все время дразнил его.

Элли вышла из фургона, заботливо закрыла дверь и написала на ней мелом: «Меня нет дома».

Тем временем вернулись Жевуны. Они натащили столько еды, что Элли хватило бы ее на несколько лет. Здесь были бараны, жареные гуси и утки, корзина с фруктами...

Элли со смехом сказала:

– Ну куда мне столько, друзья мои?

Она положила в корзину немного хлеба и фруктов, попрощалась с Жевунами и смело отправилась в путь с веселым Тотошкой.

* * *

Неподалеку от домика было перепутье: здесь расходились несколько дорог. Элли выбрала дорогу, вымощенную желтым кирпичом, и бодро зашагала по ней. Солнце сияло, птички пели, и маленькая девочка, заброшенная в удивительную чужую страну, чувствовала себя совсем неплохо.

Дорога была огорожена с обеих сторон красивыми голубыми изгородями. За ними начинались возделанные поля. Кое-где виднелись круглые домики. Крыши их были похожи на остроконечные шляпы Жевунов. На крышах сверкали хрустальные шарики. Домики были выкрашены в голубой цвет.

На полях работали маленькие мужчины и женщины; они снимали шляпы и приветливо кланялись Элли. Ведь теперь каждый Жевун знал, что девочка в серебряных башмачках освободила их страну от злой волшебницы, опустив свой домик – крак! крак! – прямо ей на голову.

Все Жевуны, которых встречала Элли на пути, с боязливым удивлением смотрели на Тотошку и, слыша его лай, затыкали уши. Когда же веселый песик подбегал к кому-нибудь из Жевунов, тот удирал от него во весь дух: в стране Гудвина совсем не было собак.

К вечеру, когда Элли проголодалась и подумывала, где провести ночь, она увидела у дороги большой дом. На лужайке перед домом плясали маленькие мужчины и женщины. Музыканты усердно играли на маленьких скрипках и флейтах. Тут же резвились дети, такие крошечные, что Элли глаза раскрыла от изумления: они походили на кукол. На террасе были расставлены длинные столы с вазами, полными фруктов, орехов, конфет, вкусных пирогов и больших тортов.

Завидев Элли, из толпы танцующих вышел красивый высокий старик (он был на целый палец выше Элли) и с поклоном сказал:

– Я и мои друзья празднуем сегодня освобождение нашей страны от злой волшебницы. Осмелюсь ли просить могущественную фею Убивающего Домика принять участие в нашем пире?

– Почему вы думаете, что я фея? – спросила Элли.

– Ты раздавила злую волшебницу Гингему – крак! крак! – как пустую яичную скорлупу; на тебе ее волшебные башмаки; с тобой удивительный зверь, какого мы никогда не видели, и, по рассказам наших друзей, он тоже одарен волшебной силой...

На это Элли не сумела ничего возразить и пошла за стариком, которого звали Прем Кокус. Ее встретили, как королеву, и бубенчики непрестанно звенели, и были бесконечные танцы, и было съедено великое множество пирожных и выпито бесчисленное количество прохладительного, и весь вечер прошел так весело и приятно, что Элли вспомнила о папе и маме, только засыпая в постели.

Утром, после сытного завтрака, она спросила Кокуса:

– Далеко ли отсюда до Изумрудного города?

– Не знаю, – задумчиво ответил старик. – Я никогда не бывал там. Лучше держаться подальше от Великого Гудвина, особенно если не имеешь к нему важного дела. Да и дорога до Изумрудного города длинная и трудная. Тебе придется проходить темные леса и переправляться через быстрые глубокие реки.

Элли немного огорчилась, но она знала, что только Великий Гудвин вернет ее в Канзас, и поэтому распрощалась с друзьями и снова отправилась в путь по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Страшила

Элли шла уже несколько часов и устала. Она присела отдохнуть у голубой изгороди, за которой расстилалось поле спелой пшеницы.

Около изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное чучело – отгонять птиц. Голова чучела была сделана из мешочка, набитого соломой, с нарисованными на нем глазами и ртом, так что получалось смешное человеческое лицо. Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики, на ногах – старые голубые ботфорты, какие носили мужчины в этой стране.

Чучело имело забавный и вместе с тем добродушный вид.

Элли внимательно разглядывала смешное разрисованное лицо чучела и удивилась, увидев, что оно вдруг подмигнуло ей правым глазом. Она решила, что ей почудилось: ведь чучела никогда не мигают в Канзасе. Но фигура закивала головой с самым дружеским видом.

Элли испугалась, а храбрый Тотошка с лаем набросился на изгородь, за которой был шест с чучелом.

– Спокойной ночи! – сказал чучело немного хриплым голосом. – Простите, я хотел сказать – добрый день!

– Ты умеешь говорить? – удивилась Элли.

– Не очень хорошо, – призналось чучело. – Еще путаю некоторые слова, ведь меня так недавно сделали. Как ты поживаешь?

– Спасибо, хорошо! Скажи, нет ли у тебя заветного желания?

– У меня? О, у меня целая куча желаний! – И чучело скороговоркой начало перечислять: – Во-первых, мне нужны серебряные бубенчики на шляпу, во-вторых, мне нужны новые сапоги, в-третьих...

– О, хватит, хватит, – перебила Элли. – Какое из них самое-самое заветное?

– Самое-самое? – Чучело задумалось. – Чтобы меня посадили на кол!

– Да ты и так сидишь на колу, – рассмеялась Элли.

– А ведь и в самом деле, – согласилось чучело. – Видишь, какой я путник... то есть нет, путаник. Значит, меня нужно снять. Очень скучно торчать здесь день и ночь и пугать противных ворон, которые, кстати сказать, совсем меня не боятся.

Элли наклонила кол и, вцепившись обеими руками в чучело, стащила его.

– Чрезвычайно сознателен... то есть признателен, – пропыхтело чучело, очутившись на земле. – Я чувствую себя прямо новым человеком. Если бы еще получить серебряные бубенчики на шляпу да новые сапоги!

Чучело заботливо расправило кафтан, стряхнуло с себя соломинки и, шаркнув ножкой по земле, представилось девочке:

– Страшила!

– Что ты говоришь? – не поняла Элли.

– Я говорю: Страшила. Это меня так называли: ведь я должен пугать ворон. А тебя как зовут?

– Элли.

– Красивое имя! – сказал Страшила.

Элли смотрела на него с удивлением. Она не могла понять, как чучело, набитое соломой и с нарисованным лицом, ходит и говорит.

Но тут возмутился Тотошка и с негодованием воскликнул:

– А почему ты со мной не здороваешься?

– Ах, виноват, виноват! – извинился Страшила и пожал песику лапу. – Честь имею представиться: Страшила!

– Очень приятно! А я Тото! Но близким друзьям позволительно звать меня Тотошкой!

– Ах, Страшила, как я рада, что исполнила самое заветное твое желание! – сказала Элли.

– Извини, Элли, – Страшила снова шаркнул ножкой, – но я, оказывается, ошибся. Мое самое заветное желание – получить мозги!

– Мозги?

– Ну да, мозги. Очень хорошо, простите, неприятно, когда голова у тебя набита соломой...

– Как же тебе не стыдно обманывать? – с упреком спросила Элли.

– А что значит – обманывать? Меня сделали только вчера, и я ничего не знаю...

– Откуда же ты узнал, что у тебя в голове солома, а у людей – мозги?

– Это мне сказала одна ворона, когда я с ней ссорился. Дело, видишь ли, Элли, было так.

Сегодня утром поблизости от меня летала большая взъерошенная ворона и не столько клевала пшеницу, сколько выбивала из нее на землю зерна. Потом она нахально уселась на мое плечо и клюнула меня в щеку. «Кагги-карр! – насмешливо прокричала ворона. – Вот так чучело! Толку-то от него ничуть! Какой это чудак фермер думал, что мы, вороны, будем его бояться?...» Ты понимаешь, Элли, я страшно рассмеялся... то есть рассердился и изо всех сил пытался заговорить. И какова была моя радость, когда это мне удалось. Но, понятно, у меня сначала вышло не очень складно. «Пш... пш... пшла прочь, гадкая! – закричал я. – Нс... нс... не смей клевать меня! Я прт... шрт... я – страшный!» Я даже сумел ловко сбросить ворону с плеча, схватив ее за крыло рукой. Ворона, впрочем, ничуть не смутилась и принялась нагло клевать колосья прямо передо мной. «Эка, удивил! – сказала она. – Точно я не знаю, что в стране Гудвина и чучело сможет заговорить, если сильно захочет! А все равно я тебя не боюсь! С шеста ведь не слезешь!» – «Пшш... пшш... Пшла! Ах я, несчастный! – чуть не захохотал... простите, зарыдал я. – И правда, куда я годеи? Даже поля от ворон убережешь не могу! И слова все время говорю не те, что нужно».

– При всем своем нахальстве эта ворона была, по-видимому, добрая птица, – продолжал Страшила. – Ей стало меня жаль. «А ты не печалься так! – хрипло сказала она мне. – Если бы у тебя были мозги в голове, ты был бы как все люди! Мозги – единственная стоящая вещь у вороны... и у человека!» Вот так-то я и узнал, что у людей бывают мозги, а у меня их нет. Я грустно... то есть весело закричал: «Эй-гей-гей-го! Да здравствуют мозги! Я себе обязательно их раздобуду!...» Но ворона очень капризная птица, и она сразу охладила мою радость. «Кагги-карр! – захохотала она. – Коли нет мозгов, так и не будет! Карр-карр!...» И она улетела, а вскоре пришли вы с Тотошкой, – закончил Страшила свой рассказ. – Вот теперь, Элли, скажи: сможешь ты дать мне мозги?

– Нет, что ты! Это может сделать разве только Гудвин в Изумрудном городе. Я как раз сама иду к нему просить, чтобы он вернул меня в Канзас, к папе и маме.

– А где это Изумрудный город и кто такой Гудвин?

– Разве ты не знаешь?

– Нет, – печально ответил Страшила. – Я ничего не знаю. Ты же видишь, я набит соломой и у меня совсем нет мозгов.

– Ох, как мне тебя жалко! – вздохнула девочка.

– Спасибо! А если я пойду с тобой в Изумрудный город, Гудвин обязательно даст мне мозги?

– Не знаю. Но если Великий Гудвин и не даст тебе мозгов, хуже не будет, чем теперь.

– Это верно, – сказал Страшила. – Видишь ли, – доверчиво продолжал он, – меня нельзя ранить, так как я набит соломой. Ты можешь насквозь проткнуть меня иглой, и мне не будет больно. Но я не хочу, чтобы люди называли меня глупцом, а разве без мозгов чему-нибудь научишься?

– Бедный! – сказала Элли. – Пойдем с нами! Я попрошу Гудвина помочь тебе.

– Здравствуйте!.. Ох, спасибо! – поправился Страшила и снова раскланялся.

Право, для чучела, прожившего на свете один только день, он был удивительно вежлив. Девочка помогла Страшילה сделать первые два шага, и они вместе пошли в Изумрудный город по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Сначала Тотошке не нравился новый спутник. Он бегал вокруг чучела и обнюхивал его, считая, что в соломе внутри кафтана есть мышинное гнездо. Он недружелюбно лаял на Страшилу и делал вид, что хочет его укусить.

– Не бойся Тотошки, – сказала Элли, – он не укусит тебя.

– Да я и не боюсь! Разве можно укусить солому? Дай я понесу твою корзинку. Мне это нетрудно: я ведь не могу уставать. Скажу тебе по секрету, – прошептал он на ухо девочке своим хриловатым голосом, – есть только одна вещь на свете, которой я боюсь.

– О! – воскликнула Элли. – Что же это такое? Мышь?

– Нет! Горящая спичка!

* * *

Через несколько часов дорога стала неровной; Страшила часто спотыкался. Попадались ямы. Тотошка перепрыгивал через них, а Элли обходила кругом. Но Страшила шел прямо, падал и растягивался во всю длину. Он не ушибался. Элли брала его за руку, поднимала, и Страшила шагал дальше, смеясь над своей неловкостью.

Потом Элли подобрала у края дороги толстую ветку и предложила ее Страшиле вместо трости. Тогда дело пошло лучше, и походка Страшилы стала тверже.

Домики попадались все реже, плодовые деревья совсем исчезли. Страна становилась безлюдной и угрюмой.

Путники уселись у ручейка. Элли достала хлеб и предложила кусочек Страшиле, но он вежливо отказался.

– Я никогда не хочу есть. И это очень удобно для меня.

Элли не настаивала и отдала кусок Тотошке: песик жадно проглотил его и встал на задние лапки, прося еще.

– Расскажи мне о себе, Элли, о своей стране, – попросил Страшила.

Элли долго рассказывала о широкой канзасской степи, где летом все так серо и пыльно и все совершенно не такое, как в этой удивительной стране Гудвина.

Страшила слушал внимательно.

– Я не понимаю, почему ты хочешь вернуться в свой сухой и пыльный Канзас.

– Ты потому не понимаешь, что у тебя нет мозгов, – горячо ответила девочка. – Дома всегда лучше.

Страшила лукаво улыбнулся:

– Солома, которой я набит, выросла в поле, кафтан сделал портной, сапоги сшил сапожник. Где же мой дом? На поле, у портного или у сапожника?

Элли растерялась и не знала, что ответить.

Несколько минут сидели молча.

– Может быть, теперь ты мне расскажешь что-нибудь? – спросила девочка.

Страшила взглянул на нее с упреком:

– Моя жизнь так коротка, что я ничего не знаю. Ведь меня сделали только вчера, и я понятия не имею, что было раньше на свете. К счастью, когда хозяин делал меня, он прежде всего нарисовал мне уши, и я мог слышать, что делается вокруг.

У хозяина гостил другой Жевун, и первое, что я услышал, были его слова: «А ведь уши-то велики!» – «Ничего! В самый раз!» – ответил хозяин и нарисовал мне правый глаз.

Я с любопытством начал разглядывать все, что делается вокруг, так как – ты понимаешь – ведь я первый раз смотрел на мир.

«Подходящий глазок! – сказал гость. – Не пожалел голубой краски!»

«Мне кажется, другой вышел немного больше», – сказал хозяин, кончив рисовать мой второй глаз.

Потом он сделал мне из заплатки нос и нарисовал рот, но я не умел еще говорить, потому что не знал, зачем у меня рот. Хозяин надел на меня свой костюм и шляпу, с которой ребята срезали бубенчики. Я был страшно горд. Мне казалось, что я выгляжу как настоящий человек.

«Этот парень будет чудесно пугать ворон», – сказал фермер.

«Знаешь что? Назови его Страшилой!» – посоветовал гость, и хозяин согласился.

Дети фермера весело закричали: «Страшила! Страшила! Пугай ворон!»

Меня отнесли на поле, проткнули шестом и оставили одного. Было скучно висеть, но слезть я не мог. Вчера птицы еще боялись меня, но сегодня уже привыкли. Тут я и познакомился с доброй вороной, которая рассказала мне про мозги. Вот было бы хорошо, если бы Гудвин дал их мне...

– Я думаю, он тебе поможет, – подбодрила его Элли.

– Да, да! Неудобно чувствовать себя глупцом, когда даже вороны смеются над тобой.

– Идем! – сказала Элли, встала и подала Страшиле корзинку.

К вечеру путники вошли в большой лес. Ветви деревьев низко спускались и загораживали дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Солнце зашло, и стало совсем темно.

– Если увидишь домик, где можно переночевать, скажи мне, – попросила Элли сонным голосом. – Очень неудобно и страшно идти в темноте.

Скоро Страшила остановился.

– Я вижу справа маленькую хижину. Пойдем туда?

– Да, да! – ответила Элли. – Я так устала!..

Они свернули с дороги и скоро дошли до хижины. Элли нашла в углу постель из мха и сухой травы и сейчас же уснула, обняв Тотошку. А Страшила сидел на пороге, оберегая покой обитателей хижины.

Оказалось, что Страшила караулил не напрасно. Ночью какой-то зверь с белыми полосками на спине и на черной свиной мордочке попытался проникнуть в хижину. Скорее всего, его привлек запах съестного из Эллиной корзинки, но Страшиле показалось, что Элли угрожает большая опасность.

Он, затаившись, подпустил врага к самой двери (врагом этим был молодой барсук, о чем Страшила, конечно, не знал). И когда барсучишка уже просунул в дверь свой любопытный нос, принюхиваясь к соблазнительному запаху, Страшила стегнул его прутиком по жирной спине.

Барсучишка взвыл, кинулся в чашу леса, и долго еще слышался из-за деревьев его обиженный визг...

Остаток ночи прошел спокойно: лесные звери поняли, что у хижины есть надежный защитник. А Страшила, который никогда не уставал и никогда не хотел спать, сидел на пороге, пялил глаза в темноту и терпеливо дожидался утра.

Спасение Железного Дровосека

Элли проснулась. Страшила сидел на пороге, а Тотошка гонял в лесу белок.

– Надо поискать воды, – сказала девочка.

– Зачем тебе вода?

– Умыться и попить. Сухой кусок не идет в горло.

– Фу, как неудобно быть сделанным из мяса и костей! – задумчиво сказал Страшила. –

Вы должны и спать, и есть, и пить. Впрочем, у вас есть мозги, а за них можно терпеть всю эту кучу неудобств.

Они нашли ручеек, и Элли с Тотошкой позавтракали. В корзинке оставалось еще немного хлеба. Элли собралась идти к дороге, как вдруг услышала в лесу стон.

– Что это? – спросила она со страхом.

– Понятия не имею, – отвечал Страшила. – Пойдем посмотрим.

Стон раздался снова. Они стали пробираться сквозь чашу. Скоро они увидели среди деревьев какую-то фигуру. Элли подбежала и остановилась с криком изумления.

У надрубленного дерева с высоко поднятым топором в руках стоял человек, целиком сделанный из железа. Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была медная воронка, галстук на шее был железный. Человек стоял неподвижно, с широко раскрытыми глазами.

Тотошка с яростным лаем попытался укусить незнакомца за ногу и отскочил с визгом: он чуть не сломал зубы.

– Что за безобразие, ав-ав-ав! – пожаловался он. – Разве можно подставлять порядочной собаке железные ноги?..

– Наверное, это лесное пугало, – догадался Страшила. – Не понимаю только, что оно здесь охраняет?

– Это ты стонал? – спросила Элли.

– Да... – ответил железный человек. – Уже целый год никто не приходит мне помочь...

– А что нужно сделать? – спросила Элли, растроганная жалобным голосом незнакомца.

– Мои суставы заржавели, и я не могу двигаться. Но если меня смазать, я буду как новенький. Ты найдешь масленку в моей хижине на полке.

Элли с Тотошкой убежали, а Страшила ходил вокруг Железного Дровосека и с любопытством рассматривал его.

– Скажи, друг, – поинтересовался Страшила, – год – это долго?

– Еще бы! Год – это долго, очень долго! Это целых триста шестьдесят пять дней.

– Триста... шестьдесят... пять... – повторил Страшила. – А что, это больше, чем три?

– Какой ты глупый! – ответил Дровосек. – Ты, видно, совсем не умеешь считать!

– Ошибаешься! – гордо возразил Страшила. – Я очень хорошо умею считать! – И он начал считать, загибая пальцы: – Хозяин сделал меня – раз! Я поссорился с вороной – два! Элли сняла меня с кола – три! А больше со мной ничего не случилось, значит, дальше и считать незачем!

Железный Дровосек так удивился, что даже не смог ничего возразить. В это время Элли принесла масленку.

– Где смазывать? – спросила она.

– Сначала шею, – ответил Железный Дровосек.

И Элли смазала шею, но она так заржавела, что Страшиле долго пришлось поворачивать голову Дровосека вправо и влево, пока шея не перестала скрипеть.

– Теперь, пожалуйста, руки!

И Элли стала смазывать суставы рук, а Страшила осторожно поднимал и опускал руки Дровосека, пока они не стали действительно как новенькие. Тогда Железный Дровосек глубоко вздохнул и бросил топор.

– Ух, как хорошо, – сказал он. – Я поднял вверх топор, прежде чем заржаветь, и очень рад, что могу от него избавиться. Ну, а теперь дайте мне масленку, я смажу себе ноги, и все будет в порядке.

Смазав ноги так, что он мог свободно двигать ими, Железный Дровосек много раз поблагодарил Элли, потому что он был очень вежливым.

– Я стоял бы здесь до тех пор, пока не обратился бы в железную пыль. Вы спасли мне жизнь. Кто вы такие?

– Я – Элли, а это мои друзья...

– Тото!

– Страшила! Я набит соломой!

– Об этом нетрудно догадаться по твоим разговорам, – заметил Железный Дровосек. – Но как вы сюда попали?

– Мы идем в Изумрудный город к Великому Волшебнику Гудвину и провели в твоей хижине ночь.

– Зачем вы идете к Гудвину?

– Я хочу, чтобы Гудвин вернул меня в Канзас, к папе и маме, – сказала Элли.

– А я хочу попросить у него немножечко мозгов для моей соломенной головы, – сказал Страшила.

– А я иду просто потому, что люблю Элли, и потому, что мой долг – защищать ее от врагов! – сказал Тотошка.

Железный Дровосек глубоко задумался.

– Как вы полагаете, Гудвин может дать мне сердце?

– Думаю, что может, – отвечала Элли. – Ему это не труднее, чем дать Страшиле мозги.
– Так вот, если вы примете меня в компанию, я пойду с вами в Изумрудный город и попрошу Великого Гудвина дать мне сердце. Ведь иметь сердце – самое заветное мое желание!

Элли радостно воскликнула:

– Ах, друзья мои, как я рада! Теперь вас двое, и у вас два заветных желания!

– Поплывем... то бишь пойдем с нами, – добродушно согласился Страшила.

Железный Дровосек попросил Элли доверху наполнить маслом масленку и положить ее на дно корзинки.

– Я могу попасть под дождь и заржаветь, – сказал он, – и без масленки мне придется плохо...

Потом он поднял топор, и они пошли через лес к дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Большим счастьем было для Элли и Страшилы найти такого спутника, как Железный Дровосек, – сильного и ловкого.

Когда Дровосек заметил, что Страшила опирается на корявую сучковатую дубину, он тотчас срезал с дерева прямую ветку и сделал для товарища удобную и крепкую трость.

Скоро путники пришли к месту, где дорога заросла кустарником и стала непроходимой. Но Железный Дровосек заработал своим огромным топором и быстро расчистил путь.

Элли шла задумавшись и не заметила, как Страшила свалился в яму. Ему пришлось звать друзей на помощь.

– Почему ты не обошел кругом? – спросил Железный Дровосек.

– Не знаю! – чистосердечно ответил Страшила. – Понимаешь, у меня голова набита соломой, и я иду к Гудвину попросить немножечко мозгов.

– Так! – сказал Дровосек. – Во всяком случае мозги – не самое лучшее на свете.

– Вот еще! – удивился Страшила. – Почему ты так думаешь?

– Раньше у меня были мозги, – пояснил Железный Дровосек. – Но теперь, когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я предпочитаю сердце.

– А почему? – спросил Страшила.

– Послушайте мою историю, и тогда вы все поймете.

И, пока они шли, Железный Дровосек рассказывал им свою историю:

– Я – дровосек. Став взрослым, я задумал жениться. Я полюбил от всего сердца одну хорошенькую девушку, а я тогда был еще из мяса и костей, как и все люди. Но злая тетка, у которой жила девушка, не хотела расставаться с ней, потому что девушка работала на нее. Тетка пошла к волшебнице Гингеме и обещала ей набрать целую корзину самых жирных пиявок, если та расстроит свадьбу...

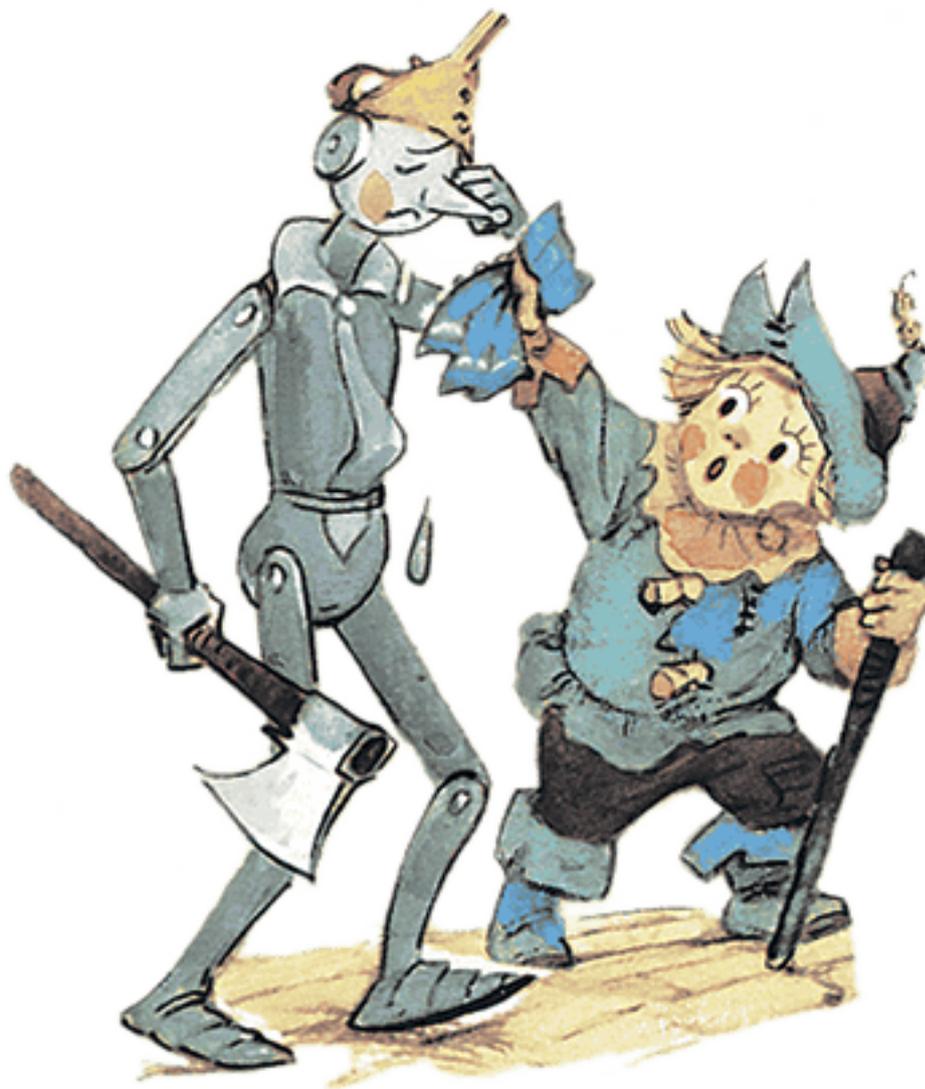
– Злая Гингема убита! – перебил Страшила.

– Кем?

– Элли! Она прилетела на Убивающем Домике и – крак! крак! – села волшебнице на голову.

– Жаль, что этого не случилось раньше! – вздохнул Железный Дровосек и продолжал: – Гингема заколдовала мой топор, он отскочил от дерева и отрубил мне левую ногу. Я очень опечалился: ведь без ноги я не мог быть дровосеком. Я пошел к кузнецу, и он сделал прекрасную железную ногу. Гингема снова заколдовала мой топор, и он отрубил мне правую ногу. Я опять пошел к кузнецу. Девушка любила меня по-прежнему и не отказывалась выйти за меня замуж. «Мы много сэкономим на сапогах и брюках!» – говорила она мне. Однако злая волшебница не успокоилась: ведь ей очень хотелось получить целую корзину пиявок. Я потерял руки, и кузнец сделал мне железные. Когда топор отрубил мне голову, я подумал, что мне пришел конец. Но об этом узнал кузнец и сделал мне отличную железную голову. Я продолжал работать, и мы с девушкой по-прежнему любили друг друга...

– Тебя, значит, делали по кускам, – глубокомысленно заметил Страшила. – А меня мой хозяин сделал зараз...

– Самое худшее впереди, – печально продолжал Дровосек. – Коварная Гингема, видя, что у нее ничего не выходит, решила окончательно dokonать меня. Она еще раз заколдовала топор, и он разрубил мне туловище пополам. Но, к счастью, кузнец снова узнал об этом, сделал железное туловище и прикрепил к нему на шарнирах мою голову, руки и ноги. Но – увы! – у меня не было больше сердца: кузнец не сумел его вставить. И мне подумалось, что я, человек без сердца, не имею права любить девушку. Я вернул моей невесте ее слово и заявил, что она свободна от своего обещания. Странная девушка почему-то совсем этому не обрадовалась, сказала, что любит меня, как прежде, и будет ждать, когда я одумаюсь. Что с ней теперь, я не знаю: ведь я не видел ее больше года...

Железный Дровосек вздохнул, и слезы покатались из его глаз.

– Осторожней! – в испуге вскричал Страшила и вытер ему слезы голубым носовым платком. – Ведь ты заржавеешь от слез!

– Благодарю, мой друг! – сказал Дровосек. – Я забыл, что мне нельзя плакать. Вода вредна мне во всех видах... Итак, я гордился своим новым железным телом и уже не боялся заколдованного топора. Мне страшна была только ржавчина, но я всегда носил с собой масленку. Только раз я позабыл ее, попал под ливень и так заржавел, что не мог сдвинуться с места, пока

вы не спасли меня. Я уверен, что и этот ливень обрушила на меня коварная Гингема... Ах, это ужасно – стоять целый год в лесу и думать о том, что у тебя нет сердца!

– С этим может сравниться только торчание на колу посреди пшеничного поля, – перебил его Страшила. – Но, правда, мимо ходили люди, и можно было разговаривать с воронами...

– Когда меня любили, я был счастливейшим человеком, – продолжал Железный Дровосек, вздыхая. – Если Гудвин даст мне сердце, я вернусь в страну Жевунов и женюсь на девушке. Может быть, она все-таки ждет меня...

– А я, – упрямо сказал Страшила, – все-таки предпочитаю мозги: когда нет мозгов, тогда и сердце ни к чему.

– Ну, а мне нужно сердце! – возразил Железный Дровосек. – Мозги не делают человека счастливым, а счастье – лучшее, что есть на земле.

Элли молчала, так как не знала, кто из ее новых друзей прав.

Элли в плену у Людоеда

Лес становился глуше. Ветви деревьев, сплетаясь вверху, не пропускали солнечных лучей. На дороге, вымощенной желтым кирпичом, была полутьма.

Шли до позднего вечера. Элли очень устала, и Железный Дровосек взял ее на руки. Страшила плелся сзади, сгибаясь под тяжестью топора.

Наконец остановились на ночлег. Железный Дровосек сделал для Элли уютный шалаш из ветвей. Он и Страшила просидели всю ночь у входа в шалаш, прислушиваясь к дыханию девочки и охраняя ее сон.

Новые друзья потихоньку беседовали. Беседа шла Страшילה на пользу. Хотя у него еще и не было мозгов, но он оказался очень способным, хорошо запоминал новые слова и с каждым часом делал все меньше ошибок в разговоре.

Утром снова двинулись в путь. Дорога стала веселее: деревья опять отступили в стороны, и солнышко ярко освещало желтые кирпичи.

За дорогой здесь, видимо, кто-то ухаживал: сучья и ветки, сбитые ветром, были собраны и аккуратно сложены по краям дороги.

Вдруг Элли заметила впереди столб и на нем доску с надписью:

ПУТНИК, ТОРОПИСЬ!

ЗА ПОВОРОТОМ ДОРОГИ ИСПОЛНЯТСЯ ВСЕ ТВОИ ЖЕЛАНИЯ!

Элли прочитала надпись и удивилась:

– Что это? Я попаду отсюда прямо в Канзас, к маме и папе?

– А я, – подхватил Тотошка, – поколочу соседского Гектора, этого хвастунишку, который уверяет, что он сильнее меня?

Элли обрадовалась, забыла обо всем на свете и бросилась вперед. Тотошка побежал за ней с веселым лаем.

Железный Дровосек и Страшила, увлеченные все тем же интересным спором, что лучше – сердце или мозги, не заметили, что Элли убежала, и мирно шли по дороге. Внезапно они услышали крик девочки и злобный лай Тотошки. Друзья устремились к месту происшествия и успели заметить, как что-то лохматое и темное мелькнуло среди деревьев и скры-

лось в чаще леса. Возле дерева лежал бесчувственный Тотошка, из его ноздрей текли струйки крови.

– Что случилось? – горестно спросил Страшила. – Должно быть, Элли унес хищный зверь...

Железный Дровосек ничего не говорил: он зорко всматривался вперед и грозно размахивал огромным топором.

– Квирр... квир... – вдруг раздалось насмешливое чоканье Белки с верхушки высокого дерева. – Что случилось?.. Двое больших, сильных мужчин отпустили маленькую девочку, и ее унес Людоед!

– Людоед? – переспросил Железный Дровосек. – Я не слышал, что в этом лесу живет Людоед.

– Квирр... квир... Каждый муравей в лесу знает о нем. Эх, вы! Не могли присмотреть за маленькой девочкой. Только черненький зверек смело вступился за нее и укусил Людоеда, но тот так хватил его своей огромной ногой, что он, наверное, умрет...

Белка осыпала друзей такими насмешками, что им стало стыдно.

– Надо спасти Элли! – закричал Страшила.

– Да, да! – горячо подхватил Железный Дровосек. – Элли спасла нас, а мы должны отбить ее у Людоеда. Иначе я умру с горя... – И слезы покатались по щекам Железного Дровосека.

– Что ты делаешь! – в испуге закричал Страшила, вытирая ему слезы платочком. – Масленка у Элли!

– Если вы хотите выручить маленькую девочку, я покажу вам, где живет Людоед, хотя очень его боюсь, – сказала Белка.

Железный Дровосек бережно уложил Тотошку на мягкий мох и сказал:

– Если нам удастся вернуться, мы позаботимся о нем... – И он повернулся к Белке: – Веди нас!

Белка запрыгала по деревьям, друзья поспешили за ней. Когда они зашли в глубь леса, показалась серая стена.

Замок Людоеда стоял на холме. Его окружала высокая стена, на которую не вскарабкалась бы и кошка. Перед стеной был ров, наполненный водой. Стащив Элли, Людоед поднял перекидной мост и запер на два засова чугунные ворота.

Людоед жил один. Прежде у него были бараны, коровы и лошади, и он держал много слуг. В те времена мимо замка в Изумрудный город часто проходили путники. Людоед нападал на них и съедал. Потом Жевуны узнали о Людоеде, и движение по дороге прекратилось.

Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом добрался до слуг и съел всех, одного за другим. Последние годы Людоед прятался в лесу, ловил неосторожного кролика или зайца и съедал его с кожей и костями.

Людоед страшно обрадовался, поймав Элли, и решил устроить себе настоящий пир. Он притащил девочку в замок, связал и положил на кухонный стол, а сам принялся точить большой нож.

«Клинк... клинк...» – звенел нож.

А Людоед приговаривал:

– Ба-га-ра! Знатная попалась добыча! Уж теперь полакомлюсь вволю, ба-гар-ра!

Людоед был так доволен, что даже разговаривал с Элли:

– Ба-га-ра! А ловко я придумал повесить доску с надписью! Ты думаешь, я действительно исполню твои желания? Как бы не так! Это я нарочно сделал, заманивать таких простаков, как ты! Ба-гар-ра!

Элли плакала и просила у Людоеда пощады, но он не слушал ее и продолжал точить нож. «Клинк... клинк... клинк...»

И вот Людоед занес над девочкой нож. Она в ужасе закрыла глаза. Однако Людоед опустил руку и зевнул.

– Ба-га-ра! Устал я точить этот большой нож! Пойду-ка отдохну часок-другой. После сна и еда приятней.

Людоед пошел в спальню, и скоро его храп раздался по всему замку и даже был слышен в лесу.

Железный Дровосек и Страшила в недоумении стояли перед рвом, наполненным водой.

– Я бы переплыл через воду, – сказал Страшила, – но вода смоем мои глаза, уши и рот, и я стану слепым, глухим и немым.

– А я утону, – проговорил Железный Дровосек, – ведь я очень тяжел. Если даже и вылезу из воды, сейчас же заржавею, а масленки у меня нет.

Так они стояли, раздумывая, и вдруг услышали храп Людоода.

– Надо спасать Элли, пока он спит, – сказал Железный Дровосек. – Погоди, я придумал! Сейчас мы переберемся через ров.

Он срубил высокое дерево с развилкой на верхушке, и оно упало на стену замка и прочно легло на ней.

– Полезай! – сказал он Страшиле. – Ты легче меня.

Страшила подошел к мосту, но испугался и попятился. Белка не вытерпела и одним махом взбежала по дереву на стену.

– Квирр... квирр... Эх ты, трус! – крикнула она Страшиле. – Смотри, как это просто делается! – Но взглянув в окно замка, она даже ахнула от волнения. – Девочка лежит связанная на кухонном столе... Около нее большой нож... Девочка плачет... Я вижу, как из ее глаз катятся слезы...

Услышав такие вести, Страшила забыл опасность и чуть ли не быстрее Белки взлетел на стену.

– Ох! – только и сказал он, увидев через окно кухни бледное лицо Элли, и мешком свалился во двор.

Прежде чем он встал, Белка прыгнула ему на спину, перебежала двор, шмыгнула через решетку окна и принялась грызть веревку, которой была связана Элли.

Страшила открыл тяжелые засовы ворот, опустил подъемный мост, и Железный Дровосек вошел во двор, свирепо вращая глазами и воинственно размахивая огромным топором.

Все это он делал, чтобы устроить Людоеда, если тот проснется и выйдет во двор.

– Сюда! Сюда! – пропищала Белка из кухни, и друзья бросились на ее зов.

Железный Дровосек вложил острие топора в щель между дверью и косяком, нажал, и – трах! – дверь слетела с петель. Элли прыгнула со стола, и все четверо – Железный Дровосек, Страшила, Элли и Белка – побежали из замка в лес.

Железный Дровосек в спешке так топал ногами по каменным плитам двора, что разбудил Людоеда. Людоед выскочил из спальни, увидел, что девочки нет, и пустился в погоню.

Людоед был невысок, но очень толст. Голова его походила на котел, а туловище – на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных шкур. На голову вместо шлема Людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями.

Он рычал от злости, и его сапожищи грохотали: «Топ-топ-топ...» А острые зубы стучали: «Клац-клац-клац...»

– Ба-гар-ра! Не уйдете, мошенники!..

Людоед быстро догонял беглецов. Видя, что от погони не убежать, Железный Дровосек прислонил испуганную Элли к дереву и приготовился к бою. Страшила отстал: ноги его цеплялись за корни, а грудью он задевал за ветки деревьев. Людоед догнал Страшилу, и тот вдруг бросился ему под ноги. Не ожидавший этого Людоед кувырком перелетел через Страшилу.

– Ба-гар-ра! Это еще что за чучело!

Людоед не успел опомниться, как к нему сзади подскочил Железный Дровосек, поднял огромный острый топор и разрубил Людоеда пополам вместе с кастрюлей.

– Квир... квир... Славно сделано! – восхитилась Белка и поскакала по деревьям, рассказывая всему лесу о гибели свирепого Людоеда.

– Очень остроумно! – похвалил Железный Дровосек Страшила. – Ты не смог бы лучше свалить Людоеда, если бы у тебя были мозги.

– Милые друзья мои, спасибо вам за вашу самоотверженность! – со слезами на глазах воскликнула Элли.

– Са-мо-от-вер-жен-ность... – с восхищением повторил Страшила по слогам. – У, какое хорошее длинное слово, я таких еще и не слыхивал. А это не та самая вещь, которая бывает в мозгах?

– Нет, в мозгах бывает ум, – объяснила девочка.

– Значит, у меня еще нет ума, а только само-отвер-жен-ность. Жалко! – огорчился Страшила.

– Не горюй, – сказал Дровосек. – Самоотверженность – это тоже хорошо, это когда человек не жалеет себя для других. Болит твоя рана?

– Да что там, просто красота! То есть я хотел сказать – чепуха. Разве может болеть солома? Вот только я боюсь, что мое содержимое вылезет из меня.

Элли достала иголку с ниткой и принялась зашивать прорехи. В это время из леса послышался тихий визг. Железный Дровосек бросился в чашу и принес Тотошку. Храбрый маленький песик опомнился от бесчувствия и полз по следу Людоеда...

Элли взяла обессиленного Тотошку на руки, и путники пошли через лес. Вскоре они выбрались к дороге, вымощенной желтым кирпичом, и бодро двинулись к Изумрудному городу.

Встреча с Трусливым Львом

В эту ночь Элли спала в дупле, на мягкой постельке из мха и листьев. Сон ее был тревожен: ей чудилось, что она лежит связанная и что Людоед заносит над ней руку с огромным ножом. Девочка вскрикивала и просыпалась.

Утром двинулись в путь. Лес был мрачен. Из-за деревьев доносился рев зверей. Элли вздрагивала от страха, а Тотошка, поджав хвостик, прижимался к ногам Железного Дровосека: он стал очень уважать его после победы над Людоедом.

Путники шли, тихо разговаривая о вчерашних событиях, и радовались спасению Элли. Дровосек не переставал хвалить находчивость Страшила.

– Как ты ловко бросился под ноги Людоеду, друг Страшила! – говорил он. – Уж не завелись ли у тебя в голове мозги?

– Нет, солома... – отвечал Страшила, пощупав голову.

Эта мирная беседа была прервана громовым рычанием. На дорогу выскочил огромный Лев. Одним ударом он подбросил Страшила в воздух; тот полетел кувырком и упал на краю дороги, распластавшись, как тряпка. Лев ударил Железного Дровосека лапой, но когти застряли по железу, а Дровосек от толчка сел, и воронка слетела у него с головы.

Крохотный Тотошка смело бросился на врага.

Громадный зверь разинул пасть, чтобы проглотить собачку, но Элли смело выбежала вперед и загородила собой Тотошку.

– Стой! Не смей трогать Тотошку! – гневно закричала она.

Лев замер в изумлении.

– Простите, – оправдывался Лев, – но я ведь не съел его...

– Однако ты пытался. Как тебе не стыдно обижать слабых! Ты просто трус!

– А... а как вы узнали о том, что я трус? – спросил ошеломленный Лев. – Вам кто-нибудь сказал?

– Сама вижу по твоим поступкам!

– Удивительно... – сконфуженно проговорил Лев. – Как я ни стараюсь скрыть свою трусость, а дело все-таки выплывает наружу. Я всегда был трусом, но ничего не могу с этим поделать!

– Подумать только: ты ударил бедного, набитого соломой Страшилу!

– Он набит соломой? – спросил Лев, удивленно глядя на Страшилу.

– Конечно, – ответила Элли, еще рассерженная на Льва.

– Понимаю теперь, почему он такой мягкий и такой легонький, – сказал Лев. – А тот, второй, – тоже набитый?

– Нет, он из железа.

– Ага! Недаром я чуть не поломал об него когти. А что это за маленький зверек, которого ты так любишь?

– Это моя собачка, Тотошка.

– Она из железа или набита соломой?

– Ни то, ни другое. Она настоящая собачка, из мяса и костей.

– Скажи, какая маленькая, а ведь храбрая! – изумился Лев.

– У нас в Канзасе все собаки такие! – с гордостью молвил Тотошка.

– Смешное животное! – сказал Лев. – Только такой трус, как я, мог напасть на такую крошку...

– Почему же ты трус? – спросила Элли, с удивлением глядя на громадного Льва.

– Таким уродился. Конечно, все считают меня храбрым: ведь Лев – царь зверей. Когда я реву – а я реву очень громко, вы слышали, – звери и люди убегают с моей дороги. Но если бы на меня напал тигр, я бы испугался, честное слово! Хорошо еще, что никто не знает, какой я

трус, – сказал Лев, утирая слезы пушистым кончиком хвоста. – Мне очень стыдно, но я не могу переделать себя.

– Может быть, у тебя сердечная болезнь? – спросил Дровосек.

– Возможно, – согласился Трусливый Лев.

– Счастливый! А у меня так и сердечной болезни не может быть: у меня нет сердца.

– Если бы у меня не было сердца, – задумчиво сказал Лев, – может быть, я и не был бы трусом.

– Скажи, пожалуйста, а ты когда-нибудь дерешься с другими львами? – поинтересовался Тотошка.

– Где уж мне... Я от них бегу, как от чумы, – признался Лев.

– Фу! – насмешливо фыркнул песик. – Куда же ты после этого годишь!

– А у тебя есть мозги? – спросил Льва Страшила.

– Есть, вероятно. Я их никогда не видел.

– Моя голова набита соломой, и я иду к Великому Гудвину просить немножечко мозгов, – сказал Страшила.

– А я иду к нему за сердцем, – сказал Железный Дровосек.

– А я иду к нему просить, чтобы он вернул нас с Тотошкой в Канзас...

– Где я сведу счеты с соседским щенком, хвастунишкой Гектором, – добавил песик.

– Гудвин такой могущественный? – удивился Лев.

– Ему это ничего не стоит, – ответила Элли.

– В таком случае, не даст ли он мне смелости?

– Ему это так же легко, как дать мне мозги, – заверил Страшила.

– Или мне сердце, – прибавил Железный Дровосек.

– Или вернуть меня в Канзас, – закончила Элли.

– Тогда примите меня в компанию, – сказал Трусливый Лев. – Ах, если бы я мог получить хоть немного смелости... Ведь это мое заветное желание!

– Я очень рада! – сказала Элли. – Это третье желание, и если исполнятся все три, Гудвин вернет меня на родину. Идем с нами...

– И будь нам добрым товарищем, – сказал Дровосек. – Ты будешь отгонять от Элли других зверей. Должно быть, они еще трусливее тебя, раз бегут от одного твоего рева.

– Они трусы, – проворчал Лев, – да я-то от этого не становлюсь храбрее.

Путешественники двинулись дальше по дороге, и Лев пошел величавым шагом рядом с Элли. Тотошке и этот спутник сначала не понравился. Он помнил, как Лев хотел проглотить его. Но вскоре он привык ко Льву, и они сделались большими друзьями.

Саблезубые тигры

В этот вечер шли долго и остановились ночевать под развесистым деревом. Железный Дровосек нарубил дров и развел большой костер, около которого Элли чувствовала себя очень уютно. Она и друзей пригласила разделить это удовольствие, но Страшила решительно отказался, ушел от костра подальше и внимательно следил, чтобы ни одна искорка не попала на его костюм.

– Моя солома и огонь – такие вещи, которые не могут быть соседями, – объяснил он.

Трусливый Лев тоже не пожелал приблизиться к костру.

– Мы, дикие звери, не очень-то любим огонь, – сказал Лев. – Теперь, когда я в твоей компании, Элли, я, может быть, и привыкну, но сейчас он меня еще слишком пугает...

Только Тотошка, не боявшийся огня, лежал на коленях у Элли, щурил на костер свои маленькие блестящие глаза и наслаждался его теплом. Элли по-братски разделила с Тотошкой последний кусок хлеба.

– Что я буду теперь есть? – спросила она, бережно собирая крошки.

– Хочешь, я поймаю в лесу лань? – спросил Лев. – Правда, у вас, людей, плохой вкус, и вы предпочитаете жареное мясо сырому, но ты можешь поджарить его на углях.

– О, только никого не убивать! – взмолился Железный Дровосек. – Я буду так плакать о бедной лани, что никакого масла не хватит смазывать мое лицо...

– Как угодно, – пробурчал Лев и отправился в лес. Он вернулся оттуда не скоро, улегся с сытым мурлыканьем поодаль от костра и уставил на пламя свои желтые глаза с узкими щелчками зрачков.

Зачем Лев ходил в лесную чащу, никому не было известно. Сам он молчал, а остальные не спрашивали.

Страшила тоже пошел в лес, и ему посчастливилось найти дерево, на котором росли орехи. Он рвал их своими мягкими непослушными пальцами. Орехи выскальзывали у него из рук, и ему приходилось собирать их в траве. В лесу было темно, как в погребке, и только Страшила, видевшему ночью, как днем, это не причиняло никаких неудобств. Но когда он набирал полную горсть орехов, они вдруг вываливались у него из рук, и все приходилось начинать снова. Все же Страшила с удовольствием собирал орехи, боясь подходить к костру. Только увидев, что костер начинает угасать, он приблизился к Элли с полной корзиной орехов, и девочка поблагодарила его за труды.

Утром Элли позавтракала орехами. Она и Тототшке предложила орехов, но песик с презрением отвернул от них нос: встав спозаранку, он поймал в лесу жирную мышь (к счастью, Дровосек этого не видел).

Путники снова двинулись к Изумрудному городу. Этот день принес им много приключений. Пройдя около часа, они остановились перед оврагом, который тянулся по лесу вправо и влево, насколько хватало глаз.

Овраг был широк и глубок. Когда Элли подползла к его краю и заглянула вниз, у нее закружилась голова, и она невольно отпрянула назад. На дне пропасти лежали острые камни, и между ними журчал невидимый ручей.

Стены оврага были отвесны. Путники стояли опечаленные: им казалось, что путешествие к Гудвину окончилось и придется идти назад. Страшила в недоумении тряс головой, Железный Дровосек схватился за грудь, а Лев огорченно опустил морду.

– Что же делать? – спросила Элли в отчаянии.

– Не имею понятия, – огорченно ответил Железный Дровосек, а Лев в недоумении почесал лапой нос.

Страшила сказал:

– Ух, какая большая яма! Через нее мы не перепрыгнем. Тут нам и сидеть!

– Я бы, пожалуй, перепрыгнул, – сказал Лев, смерив взглядом расстояние.

– Значит, ты перенесешь нас? – догадался Страшила.

– Попробую, – сказал Лев. – Кто осмелится первым?

– Придется мне, – сказал Страшила. – Если ты упадешь, Элли разобьется насмерть, да и Железному Дровосеку плохо будет. А уж я не расшибусь, будьте спокойны!..

– Да я-то сам боюсь свалиться или нет? – сердито перебил Лев разболтавшегося Страшила. – Ну, раз больше ничего не остается, прыгаю. Садись!

Страшила влез ему на спину, и Лев съезжился на краю расселины, готовясь к прыжку.

– Почему ты не разбегаешься? – спросила Элли.

– Это не в наших львиных привычках. Мы прыгаем с места.

Он сделал огромный прыжок и благополучно перескочил на другую сторону. Все обрадовались, и Лев, ссадив Страшила, тотчас прыгнул обратно.

Следующей села Элли. Держа Тотошку в одной руке, другой она вцепилась в жесткую гриву Льва.

Элли взлетела на воздух, и ей показалось, что она снова поднимается на Убивающем Домике. Но не успела она испугаться, как была уже на твердой земле.

Последним переправился Железный Дровосек, чуть не потеряв во время прыжка свою шапку-воронку.

Когда Лев отдохнул, путешественники двинулись дальше по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Элли догадалась, что овраг появился, вероятно, от землетрясения уже после того, как провели дорогу к Изумрудному городу. Элли слыхала, что от землетрясения в земле могут образоваться трещины. Правда, отец не рассказывал ей о таких громадных трещинах, но ведь страна Гудвина была совсем особенная, и в ней было не так, как на всем прочем свете.

За оврагом по обеим сторонам дороги потянулся еще более угрюмый лес, и стало темно. Из зарослей послышались глухое сопение и протяжный рев. Путникам стало жутко, а Тотошка совсем запутался в ногах у Льва, считая теперь, что Лев сильнее Железного Дровосека. Трусливый Лев сообщил спутникам, что в этом лесу живут саблезубые тигры.

– Что это за звери? – осведомился Дровосек.

– Это страшные чудовища, – боязливо прошептал Лев. – Они куда больше обыкновенных тигров, живущих в других частях страны. У них из верхней челюсти торчат клыки, как сабли. Такими клыками эти тигры могут проколоть меня, как котенка... Я ужасно боюсь саблезубых тигров...

Все сразу притихли и стали осторожно ступать по желтым кирпичам.

Элли сказала шепотом:

– Я читала в книжке, что у нас в Канзасе саблезубые тигры водились в древние времена, но потом все вымерли, а здесь, видно, живут до сих пор...

– Да вот живут, к несчастью, – отозвался Трусливый Лев. – Я увидел одного издали, так три дня болел от страха...

За этими разговорами путники неожиданно подошли к новому оврагу, который оказался шире и глубже первого. Взглянув на него, Лев отказался прыгать: эта задача была ему не под силу. Все стояли в молчании, не зная, что делать. Вдруг Страшила сказал:

– Вот на краю большое дерево. Пусть Дровосек подрубит его так, чтобы оно упало через пропасть, и у нас будет мост.

– Ловко! – восхитился Лев. – Можно подумать, что все-таки у тебя в голове есть мозги.

– Нет, – скромно отозвался Страшила, на всякий случай пощупав голову, – я просто вспомнил, что так сделал Железный Дровосек, когда мы с ним спасали Элли от Людоеда.

Несколькими мощными ударами топора Железный Дровосек подрубил дерево, потом все путешественники, не исключая Тотошки, уперлись в ствол кто руками, а кто лапами и лбом. Дерево загремело и упало вершиной на ту сторону рва.

– Ура! – разом крикнули все.

Но едва только путники пошли по стволу, придерживаясь за ветки, как в лесу послышался продолжительный вой, и к оврагу подбежали два свирепых зверя с клыками, торчащими из пасти, как сверкающие белые сабли.

– Саблезубые тигры... – прошептал Лев, дрожа как лист.

– Спокойствие! – закричал Страшила. – Переходите!

Лев, замыкавший шествие, обернулся к тиграм и испустил такое великолепное рычание, что Элли с перепугу чуть не свалилась в пропасть. Даже чудовища остановились и глядели на Льва, не понимая, как такой небольшой зверь может так громко реветь.

Эта задержка дала возможность путникам перейти овраг, и Лев в три прыжка нагнал их. Саблезубые тигры, видя, что добыча ускользает, вступили на мост. Они шли по дереву, то и дело останавливаясь, негромко, но грозно рыча и блестя белыми клыками. Вид их был так страшен, что Лев сказал Элли:

– Мы погибли! Бегите, а я постараюсь задержать этих бестий. Жаль, что я не успел получить от Гудвина хоть немного смелости! Однако буду драться, пока не умру.

В соломенную голову Страшилы в этот день приходили блестящие мысли.

Толкнув Дровосека, он закричал:

– Руби дерево!

Железный Дровосек не заставил себя долго просить. Он наносил своим огромным топором такие отчаянные удары, что в два-три взмаха перерубил верхушку дерева, и ствол с гро-

хотом повалился в пропасть. Громадные звери полетели вместе с ним и разбились об острые камни на дне оврага.

– Ффу! – сказал Лев с глубоким вздохом облегчения и торжественно подал Страшиле лапу. – Спасибо! Поживем еще, а то я совсем было простился с жизнью. Не очень-то приятная штука – попасть на зубы к таким чудовищам. Слышите, как у меня бьется сердце?

– Ах! – печально вздохнул Железный Дровосек. – Хотел бы я, чтобы у меня так билось сердце!

Друзья торопились покинуть мрачный лес, из которого могли выскочить другие саблезу-бые тигры.

Но Элли так устала и напугалась, что не могла идти. Лев посадил ее и Тотошку к себе на спину, и путники быстро пошли вперед. Как они обрадовались, увидев вскоре, что деревья становятся все реже и тоньше! Солнышко веселыми лучами освещало дорогу, и скоро путники вышли на берег широкой и быстрой реки.

– Теперь уж можно не беспокоиться, – радостно сказал Лев. – Тигры никогда не выходят из своего леса: эти зверюги почему-то боятся открытого пространства...

Все вздохнули свободно, но сейчас же у них появилась новая забота.

– Как же мы переправимся? – сказали Элли, Железный Дровосек, Трусливый Лев и Тотошка, и все разом посмотрели на Страшилу – все уже убедились, что его ум и способности развиваются не по дням, а по часам.

Польщенный общим вниманием, Страшила принял важный вид и приложил палец ко лбу. Думал он не очень долго.

– Ведь река – то не суша, а суша – не река! – важно изрек он. – По реке не пойдешь пешком, значит...

– Значит? – переспросила Элли.

– Значит, Железный Дровосек должен сделать плот, и мы переплывем реку!

– Какой ты умный! – восхищенно воскликнули все.

– Нет, я еще не умный, а только само-отвер-жен-ный, – возразил Страшила. – Вот когда я получу от Гудвина мозги, тогда перестану быть само-отвер-жен-ным, а сделаюсь умным.

Дровосек принялся рубить деревья, а сильный Лев стаскивал их к реке. Элли прилегла на траве отдохнуть.

Страшиле, по обыкновению, не сиделось на месте. Он разгуливал по берегу реки и нашел деревья со спелыми плодами. Путники решили устроить здесь ночлег.

Элли, поужинав вкусными плодами, заснула под охраной своих верных друзей и во сне видела удивительный Изумрудный город и Великого Волшебника Гудвина.

Переправа через реку

Ночь прошла спокойно. Утром Железный Дровосек dokonчил плот, срубил шести для себя и Страшилы и предложил путникам садиться. Элли с Тотошкой на руках устроилась посередине плота. Трусливый Лев ступил на край, плот накренился, и Элли закричала от страха. Но Железный Дровосек и Страшила поспешили вскочить на другой край, и равновесие восстановилось. Железный Дровосек и Страшила погнали плот через реку, за которой начиналась чудесная равнина, кое-где покрытая веселыми рощами и вся освещенная солнцем.

Все шло прекрасно, пока плот не приблизился к середине реки. Здесь быстрое течение подхватило его и понесло по реке, а шести не доставали дна. Путешественники растерянно смотрели друг на друга.

– Очень скверно! – воскликнул Железный Дровосек. – Река унесет нас в Фиолетовую страну, и мы попадем в рабство к злой волшебнице.

– И я тогда не получу мозгов! – сказал Страшила.

– А я смелости! – сказал Лев.

– А я сердца! – добавил Железный Дровосек.

– А мы никогда не вернемся в Канзас! – закончили Элли и Тотошка.

– Нет, мы должны добраться до Изумрудного города! – вскричал Страшила и налег на шест.

К несчастью, в этом месте оказалась илистая отмель, и шест глубоко воткнулся в нее. Страшила не успел выпустить шест из рук, а плот несло по течению, и через мгновение Страшила уже висел на шесте посреди реки, без опоры под ногами.

– Здравствуйте! – только и успел крикнуть растерявшийся Страшила друзьям, но плот был уже далеко.

Положение Страшилы было отчаянным. «Здесь мне хуже, чем до встречи с Элли, – думал бедняга. – Там я хоть ворон пытался пугать – все-таки занятие. А кто же ставит пугала посреди реки? Ох, кажется, я никогда не получу мозгов!»

Тем временем плот несся вниз по течению. Несчастный Страшила остался далеко позади и скрылся за поворотом реки.

– Придется мне лезть в воду, – молвил Трусливый Лев, задрожав всем телом. – Ух, как я боюсь воды! Вот если бы я получил от Гудвина смелость, мне вода была бы нипочем... Но ничего не поделаешь, надо же добраться до берега. Я поплыву, а вы держитесь за мой хвост.

Лев плыл, пытая от напряжения, а Железный Дровосек крепко держался за кончик его хвоста. Трудна была работа – тащить плот, но все же Лев медленно подвигался к другому берегу. Скоро Элли убедилась, что шест достает дно, и начала помогать Льву. После больших усилий совершенно измученные путники наконец достигли берега – далеко-далеко от того места, где начали переправу.

Лев тут же растянулся на траве лапами кверху, чтобы просушить намокшее брюхо.

– Куда теперь пойдём? – спросил он, щурясь на солнышко.

– Обратно, туда, где остался наш друг, – ответила Элли. – Ведь не можем же мы уйти отсюда, не выручив нашего милого Страшилу.

Путники пошли берегом против течения реки. Долго брели они, повесив головы и заплетаясь ногами в густой траве, и с грустью думали об оставшемся над рекой товарище. Вдруг Железный Дровосек закричал изо всех сил:

– Смотрите!

И они увидели Страшилу, мужественно висевшего на шесте посреди широкой и быстрой реки. Страшила издали выглядел таким одиноким, маленьким и печальным, что у путников на глаза навернулись слезы. Железный Дровосек разволновался больше всех. Он бесцельно

бегал по берегу, рискнул было зачем-то сунуться в воду, но сейчас же отбежал назад. Потом сдернул воронку, приложил ко рту, как рупор, и оглушительно заорал:

– Страшила! Милый друг! Держись! Сделай одолжение, не падай в воду!

Железный Дровосек умел очень вежливо просить.

До путников слабо долетел ответ:

– ...жусь!.. огда... е... стаю...

Это означало: «Держусь! Никогда не устаю!»

Вспомнив, что Страшила и в самом деле никогда не уставал, друзья очень ободрились, и Железный Дровосек снова заорал в свою воронку-рупор:

– Не падай духом! Не уйдем отсюда, пока не выручим тебя!

И ветер донес ответ:

– ...ду!.. е... нуйтесь... а... ня...

И это означало: «Жду! Не волнуйтесь за меня!»

Железный Дровосек предложил сплести длинную веревку из древесной коры. Потом он, Дровосек, полезет в воду и снимет Страшилу, а Лев вытащит их за веревку. Но Лев насмешливо покачал головой:

– Ты ведь плаваешь не лучше топора!

Железный Дровосек сконфуженно замолчал.

– Должно быть, придется мне опять плыть, – сказал Лев. – Только трудно будет так рассчитывать, чтобы течение принесло меня прямо к Страшиле...

– А я сяду к тебе на спину и буду тебя направлять! – предложил Тотошка.

Пока путники судили да рядили, издали на них с любопытством поглядывал длинноногий важный Аист. Потом он потихоньку подошел и встал на безопасном расстоянии, поджав правую ногу и прищутив левый глаз.

– Что вы за публика? – спросил он.

– Я – Элли, а это мои друзья – Железный Дровосек, Трусливый Лев и Тотошка. Мы идем в Изумрудный город.

– Дорога в Изумрудный город не здесь, – заметил Аист.

– Мы знаем ее. Но нас унесла река, и мы потеряли товарища.

– А где он?

– Вон он, видишь, – Элли показала, – висит на шесте.

– Зачем он туда забрался?

Аист был обстоятельной птицей и хотел знать все до мельчайших подробностей. Элли рассказала, как Страшила оказался посреди реки.

– Ах, если бы ты его спас! – вскричала Элли и умоляюще сложила руки. – Как бы мы были тебе благодарны!

– Я подумаю, – важно сказал Аист и закрыл правый глаз, потому что аисты, когда думают, обязательно закрывают правый глаз. Но левый глаз он закрыл еще раньше. И вот он стоял с закрытыми глазами на левой ноге и покачивался, а Страшила висел на шесте посреди реки и тоже покачивался от ветра. Путникам надоело ждать, и Железный Дровосек сказал:

– Послушаю я, о чем он думает, – и потихоньку подошел к Аисту.

Но до него донеслось ровное, с присвистом, дыхание Аиста, и Дровосек удивленно крикнул:

– Да он спит!

Аист и в самом деле заснул, пока думал. Лев ужасно разгневался и рявкнул:

– Я его съем!

Аист спал чутко и вмиг открыл глаза.

– Вам кажется, что я сплю? – схитрил он. – Нет, я просто задумался. Такая трудная задача... Но, пожалуй, я перенес бы вашего товарища на берег, не будь он такой большой и тяжелый.

– Это он-то тяжелый? – вскричала Элли. – Да ведь Страшила набит соломой и легкий, как перышко! Даже я его поднимаю.

– В таком случае, я попытаюсь! – сказал Аист. – Но смотрите, если он окажется слишком тяжел, я брошу его в воду. Хорошо бы сначала взвесить вашего друга на весах, но так как это невозможно, то я лечу.

Как видно, Аист был очень осторожной и обстоятельной птицей.

Аист взмахнул широкими крыльями и полетел к Страшиле. Он вцепился ему в плечи крепкими когтями, легко поднял и перенес на берег, где сидела Элли с друзьями.

Когда Страшила вновь очутился на берегу, он горячо обнял друзей и потом обратился к Аисту:

– Я думал, мне вечно придется торчать на шесте посреди реки и пугать рыб! Сейчас я не могу поблагодарить тебя как следует, потому что у меня в голове солома. Но, побывав у Гудвина, я разыщу тебя, и ты узнаешь, какова благодарность человека с мозгами.

– Очень рад, – солидно отвечал Аист. – Я люблю помогать другим в несчастье, особенно когда это не стоит мне большого труда... Однако заболтался я с вами. Меня ждут жена и дети. Желаю вам дойти благополучно до Изумрудного города и получить то, за чем идете!

И он вежливо подал каждому путнику свою красную морщинистую лапу, и каждый путник дружески пожал ее, а Страшила так тряс, что чуть не оторвал.

Аист улетел, а путешественники пошли по берегу. Счастливый Страшила шел, приплясывая, и пел:

– Эй-гей-гей-го! Я снова с Элли!

Потом, через три шага:

– Эй-гей-гей-го! Я снова с Железным Дровосеком!

И так он перебирал всех, не исключая и Тотошки, а потом снова начинал свою нескладную, но веселую и добродушную песенку.

Коварное маковое поле

Путники весело шли по лугу, усеянному великолепными белыми и голубыми цветами. Часто попадались красные маки невиданной величины с очень сильным ароматом. Всем было весело: Страшила был спасен, ни Людоед, ни овраги, ни саблезубые тигры, ни быстрая река не остановили друзей на пути к Изумрудному городу, и они предполагали, что все опасности остались позади.

– Какие чудные цветы! – воскликнула Элли.

– Они хороши! – молвил Страшила. – Конечно, будь у меня мозги, я восхищался бы цветами больше, чем теперь.

– А я бы полюбил их, если бы у меня было сердце, – вздохнул Железный Дровосек.

– Я всегда был в дружбе с цветами, – сказал Трусливый Лев. – Они милые и безобидные создания и никогда не выскакивают на тебя из-за угла, как эти страшные саблезубые тигры. Но в моем лесу не было таких больших и ярких цветов.

Чем дальше шли путники, тем больше становилось в поле маков. Все другие цветы исчезли, заглушенные зарослями мака. И скоро путешественники оказались среди необозримого макового поля. Запах мака усыпляет, но Элли этого не знала и продолжала идти, беспечно вдыхая сладковатый усыпляющий аромат и любясь огромными красными цветами. Веки ее отяжелели, и ей ужасно захотелось спать. Однако Железный Дровосек не позволил ей прилечь.

– Надо спешить, чтобы к ночи добраться до дороги, вымощенной желтым кирпичом, – сказал он, и Страшила поддержал его.

Они прошли еще несколько сот шагов, но Элли не могла больше бороться со сном – шатаясь, она опустилась среди маков, со вздохом закрыла глаза и крепко заснула.

– Что же с ней делать? – спросил в недоумении Дровосек.

– Если Элли останется здесь, она будет спать, пока не умрет, – сказал Лев, широко зевая. – Аромат этих цветов смертелен. У меня тоже слипаются глаза, а собачка уже спит.

Тотошка действительно лежал на ковре из маков возле своей маленькой хозяйки. Только на Страшилу и Железного Дровосека не действовал губительный запах цветов, и они были бодры, как всегда.

– Беги! – сказал Страшила Трусливому Льву. – Спасайся из этого опасного места. Мы донесем девочку, а если ты заснешь, нам с тобой не справиться. Ведь ты слишком тяжел.

Лев прыгнул вперед и мигом скрылся из глаз. Железный Дровосек и Страшила скрестили руки и посадили на них Элли. Они сунули Тотошку в руки сонной девочки, и та бессознательно вцепилась в его мягкую шерсть. Страшила и Железный Дровосек шли среди макового поля по широкому примятому следу, оставленному Львом, и им казалось, что полю не будет конца.

Но вот вдали показались деревья и зеленая трава. Друзья облегченно вздохнули: они боялись, что долгое пребывание в отравленном воздухе убьет Элли. На краю макового поля они увидели Льва. Аромат цветов победил мощного зверя, и он спал, широко раскинув лапы в последнем усилии достигнуть спасительного луга.

– Мы не сможем ему помочь! – печально сказал Железный Дровосек. – Он слишком тяжел для нас. Теперь он заснул навсегда, и быть может, ему снится, что он наконец получил смелость...

– Очень, очень жаль! – сказал Страшила. – Несмотря на свою трусость, Лев был добрым товарищем, и мне горько покинуть его здесь, среди проклятых маков. Но идем, надо спасти Элли.

Они вынесли спящую девочку на зеленую лужайку у реки, подальше от смертоносного макового поля, положили на траву и сели рядом, дожидаясь, когда свежий воздух разбудит Элли.

Пока друзья сидели и смотрели по сторонам, невдалеке заколыхалась трава, и на лужайку выскочил желтый дикий кот. Оскалив острые зубы и прижав уши к голове, он гнался за добычей. Железный Дровосек вскочил и увидел бегущую серую полевую мышку. Кот занес над ней когтистую лапу, и мышка, отчаянно пискнув, закрыла глаза, но Железный Дровосек сжалился над беззащитным созданием и отрубил голову дикому коту. Мышка открыла глаза и увидела, что враг мертв. Она сказала Железному Дровосеку:

– Благодарю вас! Вы спасли мне жизнь.

– О, полно, не стоит говорить об этом, – возразил Железный Дровосек, которому, по правде, неприятно было оттого, что пришлось убить кота. – Вы знаете, у меня нет сердца, но я всегда стараюсь помочь в беде слабому, будь это даже простая мышь.

– Простая мышь? – в негодовании пискнула мышка. – Что вы хотите сказать этим, сударь? Да знаете ли вы, что я – Рамина, королева полевых мышей?

– О, в самом деле? – вскричал пораженный Дровосек. – Тысяча извинений, ваше величество!

– Во всяком случае, спасая мне жизнь, вы исполнили свой долг, – сказала королева, смягчаясь.

В этот момент несколько мышей, запыхавшись, выскочили на полянку и со всех ног бросились к королеве.

– О, ваше величество! – наперебой запищали они. – Мы думали, что вы погибли, и приготовились оплакивать вас! Но кто убил злого кота? – И они так низко поклонились маленькой королеве, что встали на головы и задние лапки их заболтались в воздухе.

– Его разрубил вот этот странный железный человек. Вы должны служить ему и исполнять его желания, – важно сказала Рамина.

– Пусть он приказывает! – хором закричали мыши. Но в тот же момент они во главе с самой королевой пустились врассыпную. Дело в том, что Тотошка, открыв глаза и увидев вокруг себя мышей, издал восхищенный вопль и ринулся в середину стаи. Еще в Канзасе он славился как великий охотник на мышей, и ни один кот не мог сравниться с ним в ловкости. Но Железный Дровосек схватил песика и закричал мышам:

– Сюда! Сюда! Обратно! Я держу его!

Королева мышей высунула голову из травы и боязливо спросила:

– Вы уверены, что он не съест меня и моих придворных?

– Успокойтесь, ваше величество! Я его не выпущу!

Мыши собрались снова, и Тотошка после бесполезных попыток вырваться из железных рук Дровосека утихомирился. Чтобы песик больше не пугал мышей, его пришлось привязать к колышку, вбитому в землю.

Главная фрейлина-мышь заговорила:

– Великодушный незнакомец! Чем прикажете отблагодарить вас за спасение королевы?

– Я, право, теряюсь, – начал Железный Дровосек, но находчивый Страшила быстро перебил его:

– Спасите нашего друга Льва! Он в маковом поле!

– Лев! – вскричала королева. – Он съест всех нас.

– О, нет! – ответил Страшила. – Это Трусливый Лев, он очень смирен, да кроме того, он ведь спит.

– Ну что же, попробуем. Как это сделать?

– Много ли мышей в вашем королевстве?

– О, целые тысячи!

– Велите собрать их всех, и пусть каждая принесет с собой длинную нитку.

Королева Рамина отдала приказ придворным, и они с таким усердием кинулись по всем направлениям, что только лапки замелькали.

– А ты, друг, – обратился Страшила к Железному Дровосеку, – сделай прочную тележку – вывезти Льва из маков.

Железный Дровосек принялся за дело и работал с таким рвением, что, когда появились первые мыши с длинными нитками в зубах, крепкая тележка с колесами из цельных деревянных обрубков была готова.

Мыши сбегались отовсюду; их были многие тысячи, всех величин и возрастов: тут собрались и маленькие мыши, и средние мыши, и большие старые мыши. Одна дряхлая ста-

рушка-мышь приплелась на полянку с большим трудом и, поклонившись королеве, тотчас свалилась лапками вверх. Две внучки уложили бабушку на лист лопуха и усердно махали над ней травинками, чтобы ветерок привел ее в чувство.

Трудно было запрячь в телегу такое множество мышей: пришлось привязать к передней оси целые тысячи ниток. Притом Дровосек и Страшила торопились, боясь, что Лев умрет в маковом поле, и нитки путались у них в руках. Да еще некоторые молодые шаловливые мышки перебегали с места на место и запутывали упряжку. Наконец каждая нитка была одним концом привязана к телеге, а другим – к мышиному хвосту, и порядок установился.

В это время проснулась Элли и с удивлением смотрела на странную картину. Страшила в немногих словах рассказал ей о том, что случилось, и обратился к королеве-мышь:

– Ваше величество! Позвольте представить вам Элли – фею Убивающего Домика.

Две высокие особы вежливо раскланялись и завязали дружеский разговор...

Приготовления кончились.

Нелегко было двум друзьям взвалить тяжелого Льва на телегу. Но они все же подняли его, и мыши с помощью Страшилы и Железного Дровосека вывезли телегу с макового поля.

Лев был перевезен на полянку, где сидела Элли под охраной Тотошки. Девочка сердечно благодарила мышей за спасение верного друга, которого успела сильно полюбить.

Мыши перегрызли нитки, привязанные к их хвостам, и поспешили к своим домам. Королева-мышь подала девочке крошечный серебряный свисточек.

– Если я буду вам нужна снова, – сказала Рамина, – свистните трижды в этот свисток, и я – к вашим услугам. До свиданья!

– До свиданья! – ответила Элли.

Но в это время Тотошка сорвался с привязи, и Рамине пришлось спасаться в густой траве с поспешностью, совсем не приличной для королевы.

* * *

Путники терпеливо ждали, когда проснется Трусливый Лев; он слишком долго дышал отравленным воздухом макового поля. Но Лев был крепок и силен, и коварные маки не смогли убить его. Он открыл глаза, несколько раз широко зевнул и попробовал потянуться, но переклады телеги помешали ему.

– Где я? Разве я еще жив?

Увидев друзей, Лев страшно обрадовался и скатился с телеги.

– Расскажите, что случилось? Я изо всех сил бежал по маковому полю, но с каждым шагом лапы мои становились все тяжелее, усталость свалила меня, и дальше я ничего не помню.

Страшила рассказал, как мыши вывезли Льва с макового поля. Лев покачал головой.

– Как это удивительно! Я всегда считал себя очень большим и сильным. И вот цветы, такие ничтожные по сравнению со мной, чуть не убили меня, а жалкие, маленькие существа, мыши, на которых я всегда смотрел с презрением, спасли меня! А все это потому, что их много, они действуют дружно и становятся сильнее меня, Льва, царя зверей! Но что мы будем делать, друзья мои?

– Продолжать путь к Изумрудному городу, – ответила Элли. – Три заветных желания должны быть выполнены, и это откроет мне путь на родину!

На кого похож Гудвин?

Когда Лев оправился, вся компания весело двинулась в путь. По мягкой зеленой траве они вышли к дороге, вымощенной желтым кирпичом, и обрадовались ей, как милому старому другу.

Скоро по сторонам дороги появились красивые изгороди, за ними стояли фермерские домики, а на полях работали мужчины и женщины. Изгороди и дома были выкрашены в красивый ярко-зеленый цвет, и люди носили зеленую одежду.

– Это значит, началась Изумрудная страна, – сказал Железный Дровосек.

– Почему? – спросил Страшила.

– Разве ты не знаешь, что изумруд – зеленый?

– Я ничего не знаю, – с гордостью возразил Страшила. – Вот когда у меня будут мозги, тогда я все буду знать!

Жители Изумрудной страны ростом были не выше Жевунов. На головах у них были такие же широкополые шляпы с острым верхом, но без серебряных бубенчиков. Казалось, они были неприветливы: никто не подходил к Элли и даже издали не обращался к ней с вопросами. На самом деле они просто боялись большого грозного Льва и маленького Тотошки.

– Думаю я, что нам придется ночевать в поле, – заметил Страшила.

– А мне хочется есть, – сказала девочка. – Фрукты здесь хороши, а все-таки надоели мне так, что я их видеть не могу и всех их променяла бы на корочку хлеба! И Тотошка отощал совсем... Что ты, бедненький, ешь?

– Да так, что придется... – уклончиво отвечал песик.

Он совсем не хотел признаться, что каждую ночь сопровождал Льва на охоту и питался остатками его добычи.

Завидев домик, на крыльце которого стояла хозяйка, казавшаяся приветливее других жительниц селения, Элли решила попроситься на ночлег. Оставив приятелей за забором, она смело подошла к крыльцу. Женщина спросила:

– Что тебе нужно, дитя?

– Пустите нас, пожалуйста, переночевать!

– Но с тобой лев!

– Не бойтесь его: он ручной, да и, кроме того, трус!

– Если это так, входите, – ответила женщина, – вы получите ужин и постели.

Компания вошла в дом, удивив и перепугав детей и хозяина дома. Когда прошел всеобщий испуг, хозяин спросил:

– Кто вы такие и куда идете?

– Мы идем в Изумрудный город, – ответила Элли, – и хотим увидеть Великого Гудвина.

– О, неужели? Уверены ли вы, что Гудвин захочет вас видеть?

– А почему нет?

– Видите ли, он никого не принимает. Я много раз бывал в Изумрудном городе, это удивительное и прекрасное место, но мне никогда не удавалось увидеть Великого Гудвина, и я знаю, что его никто никогда не видел...

– Разве он не выходит?

– Нет. И день и ночь он сидит в большом тронном зале своего дворца, и даже те, кто ему прислуживает, не видят его лица.

– На кого же он похож?

– Трудно сказать, – задумчиво ответил хозяин. – Дело в том, что Гудвин – Великий Мудрец и может принимать любой вид. Иногда он появляется в виде птицы или леопарда, а то вдруг оборотится кротом. Иные видели его в образе рыбы или мухи и во всяком другом виде, какой ему заблагорассудится принять. Но каков его настоящий вид – не знает никто из людей.

– Это поразительно и страшно, – сказала Элли. – Но мы попытаемся увидеть его, иначе наше путешествие окажется напрасным.

– Зачем вы хотите увидеть Гудвина Ужасного? – спросил хозяин.

– Я хочу попросить у него немножечко мозгов для моей соломенной головы, – отвечал Страшила.

– О, для него это сущие пустяки! Мозгов у него гораздо больше, чем ему требуется. Они все разложены по кулямкам, и в каждом кулямке – особый сорт.

– А я хочу, чтобы он дал мне сердце, – промолвил Дровосек.

– И это ему нетрудно, – отвечал хозяин, лукаво подмигивая. – У него на веревочке сушится целая коллекция сердец всевозможных форм и размеров.

– А я хотел бы получить от Гудвина смелость, – сказал Лев.

– У Гудвина в тронной комнате большой горшок смелости, – объявил хозяин. – Он накрыт золотой крышкой, и Гудвин смотрит, чтобы смелость не перекипела через край. Конечно, он с удовольствием даст вам порцию.

Все три друга, услышав обстоятельные разъяснения хозяина, просияли и с довольными улыбками посматривали один на другого.

– А я хочу, – сказала Элли, – чтобы Гудвин вернул нас с Тотошкой в Канзас.

– Где это Канзас? – спросил удивленный хозяин.

– Я не знаю, – печально отвечала Элли. – Но это моя родина, и она где-нибудь да есть.

– Ну, я уверен, что Гудвин найдет для тебя Канзас. Но надо сначала увидеть его самого, а это нелегкая задача. Гудвин не любит показываться, и очевидно, у него есть на этот счет свои соображения, – добавил хозяин шепотом и огляделся по сторонам, как бы боясь, что Гудвин вот-вот выскочит из-под кровати или из шкафа.

Всем было немножко жутко, а Лев чуть не ушел на улицу: он считал, что там безопаснее.

Ужин был подан, и все сели за стол. Элли ела восхитительную гречневую кашу, и яичницу, и черный хлеб; она была очень рада этим кушаньям, напоминавшим ей далекую родину. Льву тоже дали каши, но он съел ее с отвращением и сказал, что это кушанье для кроликов, а не для Львов. Страшила и Дровосек ничего не ели. Тотошка съел свою порцию и попросил еще.

Женщина уложила Элли в постель, и Тотошка устроился рядом со своей маленькой хозяйкой. Лев растянулся у порога комнаты и сторожил, чтобы никто не вошел, Железный Дровосек и Страшила простояли всю ночь в уголке, изредка разговаривая шепотом.

Великий и Ужасный

Изумрудный город

На следующее утро после нескольких часов пути друзья увидели на горизонте слабое зеленое сияние.

– Это, должно быть, Изумрудный город, – сказала Элли.

По мере того как они шли, сияние становилось ярче и ярче, но только после полудня путники подошли к высокой городской стене, сложенной из кирпича. Перед ними были большие ворота, украшенные огромными изумрудами, сверкающими так ярко, что они ослепили даже нарисованные глаза Страшилы. У этих ворот кончилась дорога, вымощенная желтым кирпичом, которая много дней верно вела их и наконец привела к долгожданной цели.

Над воротами висел колокол, а рядом, над калиткой, другой, поменьше. Элли трижды дернула за веревку большого колокола, и он ответил глубоким серебристым звоном. Ворота открылись, и путники вошли в сводчатую комнату, на стенах которой блесело множество изумрудов.

Путников встретил маленький человек, с ног до головы одетый в зеленое; на боку у него висела зеленая сумка.

- Зеленый человек очень удивился, увидев такую странную компанию, и спросил:
- Кто вы такие?
 - Я соломенное чучело, и мне нужны мозги! – сказал Страшила.
 - А я сделан из железа, и мне недостает сердца, – сказал Дровосек.
 - А я Трусливый Лев и желаю получить храбрость, – сказал Лев.
 - А я Элли из Канзаса и хочу вернуться на родину, – сказала Элли.
 - Зачем же вы пришли в Изумрудный город?

– Мы хотим видеть Великого Гудвина! Мы надеемся, что он исполнит наши желания: ведь, кроме Волшебника, никто не может нам помочь.

– Много лет никто не просил у меня пропуска к Гудвину Ужасному, – задумчиво сказал человечек. – Он могуч и грозен, и если вы пришли с пустой и коварной целью отвлечь Волшебника от мудрых размышлений, он уничтожит вас в одно мгновение.

– Но мы ведь пришли к Великому Гудвину по важным делам, – внушительно сказал Страшила. – И мы слышали, что Гудвин – добрый мудрец.

– Это так, – сказал зеленый человечек. – Он управляет Изумрудным городом мудро и хорошо. Однако для тех, кто приходит в город из пустого любопытства, он ужасен. Я Страж Ворот Фарамант, и раз вы пришли, я должен провести вас к Гудвину, только наденьте очки.

– Очки? – удивилась Элли.

– Без очков вас ослепит великолепие Изумрудного города. Даже все жители города носят очки и день и ночь. Таков приказ Мудрого Гудвина. Очки запираются на замочек, чтобы никто не мог снять их.

Фарамант открыл зеленую сумку, и там оказалась куча зеленых очков всевозможных размеров. Все путники, не исключая Льва и Тотошки, оказались в очках, которые Страж Ворот закрыл на затылке крошечными замочками.

Страж Ворот тоже надел очки, вывел притихших путников через противоположную дверь, и они оказались на улице Изумрудного города.

Блеск Изумрудного города ослепил путников, хотя глаза их были защищены очками. По бокам улицы возвышались великолепные дома из зеленого мрамора, стены которых были украшены изумрудами. Мостовая была из зеленых мраморных плит, и между ними тоже были вделаны изумруды. На улицах толпился народ.

На странных товарищей Элли жители смотрели с любопытством, но никто из них не заговаривал с девочкой: и здесь боялись Льва и Тотошки. Жители города были в зеленой одежде, и кожа их отливала смугло-зеленоватым оттенком. Все было зеленого цвета в Изумрудном городе, и даже солнце светило зелеными лучами.

Фарамант провел путников по зеленым улицам, и они очутились перед большим красивым зданием, расположенным в центре города. Это и был дворец Великого Мудреца и Волшебника Гудвина.

Сердце Элли затрепетало от волнения и страха, когда она шла по дворцовому парку, украшенному фонтанами и клумбами; сейчас решится ее судьба, сейчас она узнает, отправит ли Волшебник Гудвин ее на родину или она напрасно стремилась сюда, преодолев столько испытаний.

Дворец Гудвина был хорошо защищен от врагов: его окружала высокая стена, а перед ней был ров, наполненный водой, и через ров в случае надобности можно было перекинуть мост.

Когда Фарамант и путники подошли ко рву, мост был поднят. На стене стоял высокий Солдат, одетый в зеленый мундир. Зеленая борода Солдата спускалась ниже колен. Он ужасно гордился своей бородой, и не удивительно: другой такой не было в стране Гудвина. Завистники говорили, что у Солдата не было никаких достоинств, кроме бороды, и что только борода поставила его в то высокое положение, которое он занимал.

В руках у Солдата было зеркальце и гребешок. Он смотрелся в зеркальце и расчесывал гребешком свою великолепную бороду, и это занятие настолько поглощало его внимание, что он ничего не видел и не слышал.

– Дин Гиор! – крикнул Солдату Страж Ворот. – Я привел чужестранцев, которые хотят видеть Великого Гудвина!

Никакого ответа.

Страшила закричал своим хрипловатым голосом:

– Господин Солдат, впустите нас, знаменитых путешественников, победителей саблезубых тигров и отважных пловцов по рекам!

Никакого ответа.

– Кажется, ваш друг страдает рассеянностью? – спросила Элли.

– Да, к сожалению, это за ним водится, – отвечал Фарамант.

– Почтеннейший! Обратите на нас внимание! – крикнул Дровосек. – Нет, не слышит. Давайте-ка все хором!..

Все приготовились, а Дровосек даже поднес ко рту свою воронку вместо рупора. По знаку Страшили все заорали что было мочи:

– Гос-по-дин Сол-дат! Впу-сти-те нас! Гос-по-дин Солдат!! Впу-сти-те нас!!!

Страшила оглушительно колотил по перилам рва своей тростью, а Тотошка звонко лаял. Никакого впечатления. Солдат по-прежнему любовно укладывал в своей бороде волосок к волоску.

– Я вижу, мне придется рявкнуть по-лесному, – сказал Лев.

Он покрепче уперся на лапах, поднял голову и испустил такой рык, что зазвенели стекла домов, вздрогнули цветы, выплеснулась вода из бассейнов, а любопытные, издали наблюдавшие за странной компанией, врассыпную бросились бежать, заткнув уши. Спрятав гребешок и зеркальце в карман, Солдат свесился со стены и с удивлением начал рассматривать пришельцев. Узнав среди них Стража Ворот, он вздохнул с облегчением.

– Это ты, Фарамант? – спросил он. – В чем дело?

– Дело в том, Дин Гиор, – сердито ответил Страж Ворот, – что мы целых полчаса не могли докричаться до тебя!

– А, только полчаса? – беспечно отозвался Солдат. – Ну, это сущие пустяки. Лучше скажи мне, кто это с тобой?

– Это чужестранцы, которые хотят видеть Великого Гудвина!

– Ну что ж, пусть войдут, – со вздохом сказал Дин Гиор. – Я доложу о них Великому Гудвину...

Он опустил мост, и путники, попрощавшись с Фарамантом, перешли через мост и очутились во дворце. Их ввели в приемную. Солдат попросил их вытереть ноги о зеленый половик у входа и усадил в зеленые кресла.

– Побудьте здесь, а я пойду к двери тронного зала и доложу Великому Гудвину о вашем прибытии.

Через несколько минут Дин Гиор вернулся, и Элли спросила его:

– Видели Гудвина?

– О, нет, я его никогда не вижу! – последовал ответ. – Великий Гудвин всегда говорит со мной из-за двери: вероятно, вид его так страшен, что Волшебник не хочет попусту пугать людей. Я доложил о вашем приходе. Сначала Гудвин рассердился и не хотел меня слушать. Потом вдруг стал спрашивать о том, как вы одеты. А когда узнал, что на вас серебряные башмачки, то чрезвычайно заинтересовался этим и сказал, что примет вас всех. Но каждый день к нему допускается только один проситель – таков его обычай. И так как вы проживете здесь несколько дней, он приказал отвести вам комнаты, чтобы вы отдохнули от долгого пути.

– Передайте нашу благодарность Великому Гудвину, – ответила Элли.

Девочка решила, что Волшебник не так страшен, как говорят, и что он вернет ее на родину.

Дин Гиор свистнул в зеленый свисточек, и явилась красивая девушка в зеленом шелковом платье. У нее была красивая гладкая зеленая кожа, зеленые глаза и пышные зеленые волосы. Флита (так звали девушку) низко поклонилась Элли и сказала:

– Идите за мной, я отведу вас в вашу комнату.

Они прошли по богатым покоем, много раз спускались и поднимались по лестницам, и наконец Элли очутилась в отведенной ей комнате. Это была самая восхитительная и уютная комната в мире, с маленькой кроватью, с фонтаном посередине, из которого била тоненькая струйка воды, падавшая в красивый бассейн. Конечно, и здесь все было зеленого цвета.

– Располагайтесь, как дома, – сказала Флита. – Великий Гудвин примет вас завтра утром.

Оставив Элли, девушка развела остальных путешественников по их комнатам. Комнаты были прекрасно обставлены и находились в лучшей части дворца.

Впрочем, на Страшилу окружающая роскошь не произвела никакого впечатления. Очувтившись в своей комнате, он встал около двери с самым равнодушным видом и простоял, не сходя с места, до самого утра. Всю ночь он таращил глаза на паука, который так беззаботно плел паутину, как будто находился не в прекраснейшем дворце, а в бедной лачужке сапожника.

Железный Дровосек хотя и лег в постель, но сделал это по привычке тех времен, когда он был еще из плоти и крови. Но и он не спал всю ночь, то и дело двигая головой, руками и ногами, чтобы убедиться, что они не заржавели.

Лев с удовольствием улегся бы на заднем дворе, на подстилке из соломы, но ему этого не позволили. Он забрался на кровать, свернулся клубком, как кот, и захрапел на весь дворец. Его громкому храпу вторил тоненький храп Тотошки, который на этот раз решил поместиться вместе со своим могучим другом.

Удивительные превращения волшебника Гудвина

Наутро Флита умыла и причесала Элли и повела ее в тронный зал Гудвина.

В зале рядом с тронным собрались придворные кавалеры и дамы в нарядных костюмах. Гудвин никогда не выходил к ним и не принимал их у себя. Однако в продолжение многих лет они каждое утро проводили во дворце, пересмеиваясь и сплетничая; называли это придворной службой и очень гордились ею.

Придворные посмотрели на Элли с удивлением и, заметив на ней серебряные башмачки, отвесили ей поклоны до самой земли.

– Фея... Фея... Это Фея... – слышался шепот.

Один из самых смелых придворных приблизился к Элли и, беспрестанно кланяясь, спросил:

– Осмелюсь осведомиться, милостивая госпожа Фея, неужели вы действительно удостоитесь приема у Гудвина Ужасного?

– Да, Гудвин хочет меня видеть, – скромно ответила Элли.

В толпе пронесся гул удивления. В это время зазвенел колокольчик.

– Сигнал! – сказала Флита. – Гудвин требует вас в тронный зал.

Солдат открыл дверь. Элли робко вошла и очутилась в удивительном месте. Тронный зал Гудвина был круглый, с высоким сводчатым потолком; и повсюду – на полу, на потолке, на стенах – блестели бесчисленные драгоценные камни.

Элли посмотрела вперед. В центре комнаты стоял трон из зеленого мрамора, сияющий изумрудами. И на этом троне лежала огромная Живая Голова, одна голова, без туловища...

Голова имела настолько внушительный вид, что Элли обомлела от страха. Лицо Головы было гладкое и лоснящееся, с полными щеками, с огромным носом, с крупными, плотно сжатыми губами. Голый череп сверкал, как выпуклое зеркало. Голова казалась безжизненной: ни морщины на лбу, ни складки у губ, и на всем лице жили только глаза. Они с непонятым проворством повернулись в орбитах и уставились в потолок. Когда глаза вращались, в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли.

Девочка смотрела на непонятное движение глаз и так растерялась, что забыла поклониться Голове.

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты такая и зачем беспокоишь меня?

Элли заметила, что рот Головы не двигается и голос, негромкий и даже приятный, слышится как будто со стороны.

Девочка приободрилась и ответила:

– Я – Элли, маленькая и слабая. Я пришла издалека и прошу у вас помощи.

Глаза снова повернулись в орбитах и застыли, глядя в сторону; казалось, они хотели посмотреть на Элли, но не могли.

Голос спросил:

– Откуда у тебя серебряные башмачки?

– Из пещеры злой волшебницы Гингема. На нее упал мой домик, раздавил ее, и теперь славные Жевуны свободны...

– Жевуны освобождены? – оживился голос. – И Гингема больше нет? Приятное известие! – Глаза Головы завертелись и наконец уставились на Элли. – Но чего же ты от меня хочешь?

– Пошлите меня на родину, в Канзас, к папе и маме...

– Ты из Канзаса? – перебил голос, и в нем послышались добрые человеческие нотки. – А как там сейчас... – Но голос вдруг умолк, а глаза Головы отвернулись от Элли.

– Я из Канзаса, – повторила девочка. – Хоть ваша страна и великолепна, но я не люблю ее, – храбро продолжала она. – Здесь на каждом шагу такие опасности.

– А что с тобой приключилось? – поинтересовался голос.

– Дорогой на меня напал Людоед. Он съел бы меня, если бы меня не выручили мои верные друзья, Страшила и Железный Дровосек. А потом за нами гнались саблезубые тигры... А потом мы попали в ужасное маковое поле... Ох, это настоящее сонное царство! Мы со Львом и Тотошкой заснули там. И если бы не Страшила и Железный Дровосек, да еще мыши, мы спали бы там до тех пор, пока не умерли... Да всего этого хватит рассказывать на целый день. И теперь я вас прошу: исполните, пожалуйста, три заветных желания моих друзей, и когда вы их исполните, вы и меня должны будете вернуть домой.

– А почему я должен буду вернуть тебя домой?

– Потому что так написано в волшебной книге Виллины...

– А, это добрая волшебница Желтой страны, слышал о ней, – молвил голос. – Ее предсказания не всегда исполняются.

– И еще потому, – продолжала Элли, – что сильные должны помогать слабым. Вы великий мудрец и волшебник, а я беспомощная маленькая девочка.

– Ты оказалась достаточно сильной, чтобы убить злую волшебницу, – возразила Голова.

– Это сделало волшебство Виллины, – просто ответила девочка. – Я тут ни при чем.

– Вот мой ответ, – сказала Живая Голова, и глаза ее завертелись с такой необычайной быстротой, что Элли вскрикнула от испуга. – Я ничего не делаю даром. Если хочешь воспользоваться моим волшебным искусством, чтобы вернуться домой, ты должна сделать то, что я тебе прикажу.

Глаза Головы мигнули много раз подряд. Несмотря на испуг, Элли с интересом следила за глазами и ждала, что они будут делать дальше. Движения глаз совершенно не соответствовали словам Головы и тону ее голоса, и девочке казалось, что глаза живут самостоятельной жизнью.

Голова ждала вопроса.

– Но что я должна сделать? – спросила удивленная Элли.

– Освободи Фиолетовую страну от власти злой волшебницы Бастинды, – ответила Голова.

– Но я же не могу! – вскричала Элли в испуге.

– Ты покончила с рабством Жевунов и сумела получить волшебные серебряные башмачки Гингемы. Осталась одна злая волшебница в моей стране, и под ее властью изнывают бедные, робкие Мигуны, жители Фиолетовой страны. Нужно им тоже дать свободу...

– Но как же это сделать? – спросила Элли. – Ведь не могу же я убить волшебницу Бастинду!

– Гм, гм... – голос на мгновение запнулся. – Мне это безразлично. Можно посадить ее в клетку, можно изгнать из Фиолетовой страны, можно... Да в конце концов, – рассердился голос, – ты на месте увидишь, что можно сделать! Важно лишь избавиться от ее владычества Мигунов, а судя по тому, что ты рассказала о себе и своих друзьях, вы сможете и должны это сделать. Так сказал Гудвин, Великий и Ужасный, и слово его – закон!

Девочка заплакала.

– Вы требуете от нас невозможного!

– Всякая награда должна быть заслужена, – сухо возразила Голова. – Вот мое последнее слово: ты вернешься в Канзас к отцу и матери, когда освободишь Мигунов. Помни, что Бастинда – волшебница могущественная и злая, ужасно могущественная и злая, и надо лишить ее волшебной силы. Иди и не возвращайся ко мне, пока не выполнишь свою задачу.

Грустная Элли оставила тронный зал и вернулась к друзьям, которые с беспокойством ожидали ее.

– Нет надежды! – сказала девочка со слезами. – Гудвин приказал мне лишить злую Бастинду ее волшебной силы, а мне этого никогда не сделать!..

Все опечалились, но никто не мог утешить Элли. Она вошла в свою комнату и плакала, пока не уснула.

На следующее утро зеленобородый Солдат явился за Страшилой.

– Идите за мной, вас ждет Гудвин.

Страшила зашел в тронный зал и увидел на троне прекрасную Морскую Деву с блестящим рыбьим хвостом.

Лицо Девы было неподвижно, как маска, глаза смотрели в одну точку. Дева обмахивалась веером, делая рукой однообразные механические движения.

Страшила, ожидавший увидеть Живую Голову, растерялся, но потом собрался с духом и почтительно поклонился. Морская Дева сказала приятным низким голосом, звучащим, казалось, со стороны:

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и зачем пришел ко мне?

– Я – чучело, набитое соломой, – ответил Страшила. – Я прошу вас дать мозгов для моей соломенной головы. Тогда я буду, как все люди в ваших владениях, и это самое заветное мое желание.

– Почему ты обращаешься с этой просьбой ко мне?

– Потому что вы мудры, и никто, кроме вас, не поможет мне.

– Мои милости не даются даром, – ответила Морская Дева. – И вот мой ответ: лиши Бастинду волшебной силы, и я дам тебе столько мозгов – и прекрасных мозгов! – что ты станешь мудрейшим человеком в стране Гудвина.

– Но ведь вы приказали сделать это Элли! – с удивлением вскричал Страшила.

– Мне не важно, кто это сделает, – ответил голос. – Но знай: пока Мигуны остаются рабами Бастинды, твоя просьба не будет исполнена. Иди и заслужи мозги.

Страшила печально поплелся к друзьям и рассказал им, как принял его Гудвин.

Все удивились, услышав, что Гудвин явился Страшילה в виде прекрасной Морской Девы.

На следующий день Солдат вызвал Железного Дровосека. Когда тот явился в тронный зал, неся на плече топор, с которым никогда не расставался, он не увидел ни Живой Головы, ни прекрасной Девы.

На троне громоздился чудовищный зверь. Морда у него была, как у кабана, только с рогом, и на ней было разбросано около десятка глаз, тупо смотревших в разные стороны. Штук двенадцать лап разной длины и толщины свисали с неуклюжего туловища. Кожу зверя кое-где покрывала косматая шерсть; местами кожа была голая, и на грубой серой поверхности выступали бородавчатые наросты.

Более отвратительного чудовища невозможно было себе представить. У любого человека при виде его сердце забилося бы от страха. Но Дровосек не имел сердца, поэтому он не испугался и вежливо приветствовал чудовище. Все-таки он сильно разочаровался, так как ожидал увидеть Гудвина в образе прекрасной Девы, которая, по мнению Дровосека, скорее наделила бы его сердцем.

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! – проревел зверь голосом, выходявшим не из пасти чудовища, а из дальнего угла комнаты. – Кто ты такой и зачем тревожишь меня?

– Я – Дровосек и сделан из железа. Я не имею сердца и не могу любить. Дайте мне сердце, и я буду, как все люди в вашей стране. И это самое мое заветное желание.

– Все желания да желания! Право, чтобы удовлетворить все ваши заветные желания, я должен день и ночь сидеть за своими волшебными книгами. – И после молчания голос добавил: – Если хочешь иметь сердце, заработай его!

– Как?

– Схвати Бастинду, заключи ее в каменную темницу! Ты получишь самое большое, самое доброе и самое любвеобильное сердце в стране Гудвина! – прорычало чудовище.

Железный Дровосек рассердился и шагнул вперед, снимая с плеча топор. Движение Дровосека было таким стремительным, что зверь испугался. Он злобно провизжал:

– Ни с места! Еще шаг вперед – и тебе и твоим друзьям не поздоровится!

Железный Дровосек в смущении покинул тронный зал и поспешил с плохими известиями к своим друзьям.

Трусливый Лев свирепо сказал:

– Хоть я и трус, а придется мне завтра помериться силами с Гудвином. Если он явится в образе зверя, я рявкну, как на саблезубых тигров, и напугаю его. Если он примет вид Морской Девы, я схвачу его и поговорю с ним по-своему. А лучше всего, если бы он был Живой Головой – я катал бы ее из угла в угол и подбрасывал бы, как мяч, пока он не исполнит наших желаний.

На следующее утро наступила очередь Льва идти к Гудвину, но когда он вошел в тронный зал, то отпрыгнул в изумлении: над тронном качался и сиял Огненный Шар. Лев зажмурил глаза.

Из угла раздался голос:

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и зачем докучаешь мне?

– Я – Трусливый Лев! Я хотел бы получить от вас немного смелости, чтобы стать царем зверей, как меня все величают.

– Помоги прогнать Бастинду из Фиолетовой страны, и вся смелость, какая есть во дворце Гудвина, будет твоя! Но если ты этого не сделаешь, ты навсегда останешься трусом. Я заколдую тебя, и ты будешь бояться мышей и лягушек!

Рассерженный Лев начал подкрадываться к Шару, чтобы схватить его, но на него повеяло таким жаром, что Лев взвыл и, поджав хвост, выбежал из зала. Он вернулся к друзьям и рассказал о приеме, который устроил ему Гудвин.

– Что же с нами будет? – печально спросила Элли.

– Ничего не остается, как попробовать выполнить приказ Гудвина, – сказал Лев.

– А если не удастся? – возразила девочка.

– Я никогда не получу смелости, – ответил Лев.

– Я никогда не получу мозгов, – сказал Страшила.

– А я никогда не получу сердца, – добавил Дровосек.

– А я никогда не вернусь домой, – молвила Элли и заплакала.

– А соседский Гектор всю жизнь будет утверждать, что я сбежал с фермы только потому, что испугался решительного боя с ним, – закончил Тотошка.

Потом Элли вытерла слезы и сказала:

– Попробую! Но я уверена, что ни за какие блага в мире не решусь поднять руку на Бастинду.

– Я пойду с тобой, – сказал Лев. – Хоть я и слишком труслив, чтобы помочь тебе в борьбе со злой волшебницей, но, может быть, мои услуги тебе в чем-нибудь пригодятся.

– Я тоже пойду, – сказал Страшила. – Правда, я ничем не смогу быть полезен: я ведь слишком глуп!

– У меня не хватит духу обидеть Бастинду, хотя она очень и очень скверная женщина, – сказал Железный Дровосек. – Но если вы идете, я, конечно, пойду с вами, друзья!

– Ну, а Тотошка, – важно заявил песик, – Тотошка, понятно, никогда не покинет товарищей в беде.

Элли горячо поблагодарила верных друзей.

Решили отправиться на следующий день ранним утром.

Железный Дровосек наточил топор, тщательно смазал все суставы и доверху наполнил масленку лучшим маслом. Страшила попросил набить себя свежей соломой. Элли добыла кисточку и краски и заново подвела ему глаза, рот и уши, поблекшие от дорожной пыли и яркого солнца. Флита наполнила корзинку Элли вкусными кушаньями. Она расчесала шерстку Тотошки и привязала ему на шею серебряный колокольчик.

На рассвете их разбудил крик петуха, жившего на заднем дворе.

Последнее волшебство Бастинды

К воротам Изумрудного города путников отвел зеленобородый Солдат Дин Гиор. Страж Ворот снял со всех очки и спрятал их в сумку.

– Вы уже покидаете нас? – вежливо спросил он.

– Да, мы вынуждены идти, – с грустью ответила Элли. – Где начинается дорога в Фиолетовую страну?

– Туда нет дороги, – ответил Фарамант. – Никто по доброй воле не ходит в страну злой Бастинды.

– Как же мы найдем ее?

– Вам не придется беспокоиться об этом! – воскликнул Страж Ворот. – Когда вы придете в Фиолетовую страну, Бастинда сама найдет вас и заберет в рабство.

– А может быть, мы сумеем лишить ее волшебной силы? – сказал Страшила.

– Ах, вы хотите победить Бастинду? Тем хуже для вас! С ней еще никто не пробовал бороться, кроме Гудвина, да и тот, – Страж Ворот понизил голос, – потерпел неудачу. Она постарается захватить вас в плен, прежде чем вы сможете что-нибудь предпринять. Будьте осторожны! Бастинда очень злая и искусная волшебница, и справиться с ней очень трудно. Идите туда, где восходит солнце, и вы придете в ее страну! Желаю вам успеха!

Путники распрощались с Фарамантом, и он закрыл за ними ворота Изумрудного города. Элли повернула на восток, остальные пошли за ней. Все были печальны, зная, какое трудное дело им предстоит. Только беспечный Тототшка весело носился по полю и гонялся за большими пестрыми бабочками: он верил в силу Льва и Железного Дровосека и надеялся на изобретательность Страшилы.

Элли взглянула на собачку и вскрикнула от изумления: ленточка на шее из зеленой превратилась в белую.

– Что это значит? – спросила она друзей.

Все посмотрели друг на друга, и Страшила глубокомысленно заявил:

– Колдовство!

За неимением другого объяснения все согласились с этим и зашагали дальше. Изумрудный город исчезал вдаль. Страна становилась пустынной: путники приближались к владениям Бастинды.

До самого полудня солнце светило путникам в глаза, ослепляя их, но они шли по каменистому плоскогорью, и не было ни одного дерева, чтобы спрятаться в тень. К вечеру Элли устала, а Лев поранил лапу и хромал.

Остановились на ночлег. Страшила и Железный Дровосек встали на караул, а остальные заснули.

* * *

У злой Бастинды был только один глаз, зато она видела им так, что не было уголка в Фиолетовой стране, который ускользнул бы от ее острого взора.

Выйдя вечером посидеть на крылечке, Бастинда обвела глазом свои владения и вздрогнула от ярости: далеко-далеко, на границе своих владений, она увидела маленькую спящую девочку и ее друзей.

Волшебница свистнула в свисток. Ко дворцу Бастинды с шумом сбежалась стая огромных волков со злыми желтыми глазами и с большими клыками, торчавшими из разинутых пастей. Волки присели на задние лапы и, тяжело дыша, смотрели на Бастинду.

– Бегите на запад! Там найдете маленькую девочку, нагло забравшуюся в мою страну, и с ней ее спутников. Всех разорвите в клочки!

– Почему ты не возьмешь их в рабство? – спросил предводитель стаи.

– Девчонка слаба. Ее спутники не могут работать: один набит соломой, другой – из железа. И с ними Лев, от которого тоже не жди толку.

Вот как видела Бастинда своим единственным глазом!

Волки помчались.

– В клочки! В клочки! – визжала волшебница вдогонку.

Но Страшила и Железный Дровосек не спали. Они вовремя заметили приближение волков.

– Разбуди Льва, – сказал Страшила.

– Не стоит, – ответил Железный Дровосек. – Это мое дело – управляться с волками. Я им устрою хорошую встречу!

И он вышел вперед. Когда вожак подбежал к Железному Дровосеку, широко разевая красную пасть, Дровосек взмахнул остро отточенным топором – голова волка отлетела. Волки бежали один за другим; как только следующий бросился на Железного Дровосека, тот был уже наготове с поднятым кверху топором, и голова волка упала наземь.

Сорок свирепых волков было у Бастинды, и сорок раз поднимал Железный Дровосек свой топор. И когда он поднял его в сорок первый раз, ни одного волка не осталось в живых: все они лежали у ног Железного Дровосека.

– Прекрасная битва! – воскликнул Страшила.

– Деревья рубить труднее, – скромно ответил Дровосек.

Друзья дожидались утра. Проснувшись и увидев кучу мертвых волков, Элли испугалась. Страшила рассказал ей о ночной битве, и девочка от всей души благодарила Железного Дровосека. После завтрака вся компания смело двинулась в путь.

Старая Бастинда любила понежиться в постели. Она встала поздно и вышла на крыльцо расспросить волков, как они загрызли дерзких путников.

Каков же был ее гнев, когда она увидела, что путники продолжают идти, а верные волки лежат мертвые!

Бастинда свистнула дважды, и в воздухе закружилась стая хищных ворон с железными клювами. Волшебница крикнула:

– Летите к западу. Там чужестранцы! Заклюйте их до смерти! Скорей! Скорей!

Вороны со злобным карканьем понеслись навстречу путникам. Завидев их, Элли перепугалась. Но Страшила сказал:

– С этими управиться – мое дело! Ведь недаром же я воронье пугало! Становитесь сзади меня! – И он нахлобучил шляпу на голову, широко расставил руки и принял вид заправского пугала.

Вороны растерялись и нестройно закружились в воздухе. Но вожак стаи хрипло прокаркал:

– Чего испугались? Чучело набито соломой! Вот я ему задам!

И вожак хотел сесть Страшילה на голову, но тот поймал его за крыло и мигом свернул ему шею. Сорок хищных ворон с железными клювами было у Бастинды, и всем свернул шею храбрый Страшила и побросал их в кучу.

Путники поблагодарили Страшилу за находчивость и снова двинулись на восток.

Когда Бастинда увидела, что и верные ее вороны лежат на земле мертвой грудой, а путники неустранимо идут вперед, ее охватили злоба и страх.

– Как? Неужели всего моего волшебного искусства неостанет задержать наглую девчонку и ее спутников?!

Бастинда затопала ногами и трижды просвистела в свисток. На ее зов слетелась туча свирепых черных пчел, укусы которых были смертельны.

– Летите на запад! – прорычала волшебница. – Найдите там чужестранцев и зажальте до смерти! Быстрее! Быстрее!

И пчелы с оглушительным жужжанием полетели навстречу путникам. Железный Дровосек и Страшила заметили их издали. Страшила мигом сообразил, что делать.

– Вытаскивай из меня солому! – закричал он Железному Дровосеку. – Забрасывай Элли, Льва и Тотошку, и пчелы не доберутся до них!

Он проворно расстегнул кафтан, и из него высыпался целый ворох соломы. Лев, Элли и Тотошка бросились на землю. Дровосек быстро забросал их и выпрямился во весь рост.

Туча пчел с яростным жужжанием набросилась на Железного Дровосека. Дровосек улыбнулся: пчелы ломали ядовитые жала о железо и тотчас умирали, так как пчела не может жить без жала. Они падали, на их место налетали другие и также пытались вонзить жала в железное тело Дровосека.

Скоро все пчелы лежали мертвыми на земле, как куча черных угольков. Лев, Элли и Тотошка вылезли из-под соломы, собрали ее и набили Страшилу. Друзья снова двинулись в путь.

Злая Бастинда необыкновенно разгневалась и испугалась, видя, что и верные ее пчелы погибли, а путники идут вперед и вперед. Она рвала на себе волосы, скрежетала зубами и от злости долго не могла выговорить ни слова.

Наконец волшебница пришла в себя и созвала своих слуг – Мигунов. Бастинда приказала Мигунам вооружиться и уничтожить дерзких путников. Мигуны были не очень-то храбры – они жалостно замигали, и слезы покатались у них из глаз, но они не осмелились послушаться приказа своей повелительницы и начали искать оружие. Но так как им никогда не приходилось воевать (Бастинда впервые обратилась к ним за помощью), то у них не было никакого оружия, и они вооружились кто кастрюлей, кто сковородником, кто цветочным горшком, а некоторые громко хлопали детскими хлопушками.

Когда Лев увидел, как Мигуны осторожно приближаются, прячась друг за друга, подталкивая один другого сзади и боязливо мигая и шурясь, он расхохотался:

– С этими битва будет недолгой!

Он выступил вперед, раскрыл огромную пасть и так рывкнул, что Мигуны побросали горшки, сковородки и хлопушки и разбежались кто куда.

Злая Бастинда позеленела от страха, видя, что путники идут да идут вперед и уже приближаются к ее дворцу.

Пришлось воспользоваться последним волшебным средством, которое у нее оставалось. В потайном дне сундука у Бастинды хранилась Золотая Шапка. Владелец Шапки мог когда угодно вызвать племя Летучих Обезьян и заставить их выполнить любое приказание. Но Шапку можно было употребить только три раза, а Бастинда уже дважды до этого призывала Летучих Обезьян. В первый раз она с их помощью стала повелительницей страны Мигунов, а во второй раз отбила войска Гудвина Ужасного, который пытался освободить Фиолетовую страну от ее власти.

Вот почему Гудвин боялся злой Бастинды и послал на нее Элли, надеясь на силу ее серебряных башмачков.

Бастинде не хотелось воспользоваться Шапкой в третий раз: ведь на этом кончалась ее волшебная сила. Но у колдуньи уже не было ни волков, ни ворон, ни черных пчел, а Мигуны оказались плохими вояками, и на них нельзя было рассчитывать.

И вот Бастинда достала Шапку, надела на голову и начала колдовать. Она топала ногой и громко выкрикивала волшебные слова:

– Бамбара, чуфара, лорики, ёрики, пикапу, трикапу, скорики, морики! Явитесь передо мной, Летучие Обезьяны!

И небо потемнело от стаи Летучих Обезьян, которые неслись к дворцу Бастинды на своих мощных крыльях. Предводитель стаи Уорра подлетел к Бастинде и сказал:

– Ты вызвала нас в третий и последний раз! Что прикажешь сделать?

– Нападите на других чужестранцев, забравшихся в мою страну, и уничтожьте всех, кроме Льва! Его я буду запрягать в свою коляску!

– Будет исполнено! – ответил предводитель, и стая полетела на запад.

Победа

Путники с ужасом смотрели на приближение тучи огромных обезьян – с этими сражаться было невозможно.

Обезьяны налетели массой и с визгом набросились на растерянных пешеходов. Ни один не мог прийти на помощь другому, так как всем пришлось отбиваться от врагов.

Железный Дровосек напрасно размахивал топором. Обезьяны облепили его, вырвали топор, подняли бедного Дровосека высоко в воздух и бросили в ущелье, на острые скалы.

Железный Дровосек был изуродован, он не мог сдвинуться с места. Вслед за ним в ущелье полетел и топор.

Другая партия обезьян расправлялась со Страшилой. Они выпотрошили его, солому развеяли по ветру, а кафтан, голову, башмаки и шляпу свернули в комок и зашвырнули на вершущку высокой горы.

Лев вертелся на месте и от страха так грозно ревел, что обезьяны не решались к нему подступить. Но они изловчились, накинули на Льва веревки, повалили на землю, опутали лапы, заткнули пасть, подняли на воздух и с торжеством отнесли во дворец Бастинды. Там его посадили за железную решетку, и Лев в ярости катался по полу, стараясь перегрызть путы.

Перепуганная Элли ждала жестокой расправы. На нее бросился сам предводитель Летучих Обезьян и уже протянул к горлу девочки длинные лапы с острыми когтями. Но тут он увидел на ногах Элли серебряные башмачки, лицо его перекошилось от страха. Уорра отпрянул назад и, загораживая Элли от подчиненных, закричал:

– Девочку нельзя трогать! Это Фея!

Обезьяны приблизились любезно и даже почтительно, бережно подхватили Элли вместе с Тотошкой и помчались в Фиолетовый дворец Бастинды. Опустившись перед дворцом, предводитель Летучих Обезьян поставил Элли на землю. Взбешенная волшебница набросилась на него с бранью. Уорра сказал:

– Твой приказ исполнен. Мы разбили железного человека и распотрошили чучело, поймали льва и посадили за решетку. Но мы и пальцем не могли тронуть девочку; ты сама знаешь, какие несчастья грозят тому, кто обидит обладателя серебряных башмачков. Мы принесли ее к тебе; делай с ней, что хочешь. Прощай навсегда!

Обезьяны с криком поднялись в воздух и улетели.

Бастинда взглянула на ноги Элли и задрожала от страха: она узнала серебряные башмачки Гингемы.

«Как они к ней попали? – растерянно думала Бастинда. – Неужели хилая девчонка осилила могущественную Гингему, повелительницу Жевунов? И все же на ней башмачки! Плохо мое дело: ведь я пальцем не могу тронуть маленькую нахалку, пока на ней волшебные башмачки».

Она крикнула:

– Эй, ты! Иди сюда! Как тебя зовут?

Девочка подняла на злую волшебницу глаза, полные слез:

– Элли, сударыня!

– Расскажи, как ты завладела башмачками моей сестры Гингема? – сурово крикнула Бастинда.

Элли густо покраснела.

– Право, сударыня, я не виновата. Мой домик упал на госпожу Гингему и раздавил ее...

– Гингема погибла... – прошептала злая волшебница.

Бастинда не любила сестру и не видела ее много лет. Она испугалась, что девочка в серебряных башмачках принесет гибель и ей! Но поглядев на доброе лицо Элли, Бастинда успокоилась.

«Она ничего не знает о таинственной силе башмачков, – решила волшебница. – Если мне удастся завладеть ими, я стану могущественней, чем прежде, когда у меня были волки, вороны, черные пчелы и Золотая Шапка».

Глаз старухи заблестел от жадности, и пальцы скрючились, как будто уже стаскивали с Элли башмаки.

– Слушай меня, девочка Элли! – хрипло прокаркала она. – Я буду держать тебя в рабстве и, если будешь плохо работать, побью тебя большой палкой и посажу в темный подвал, где крысы – огромные жадные крысы! – съедят тебя и обгложут твои нежные косточки! Хи-хи-хи! Понимаешь ты меня?

– О, сударыня! Не отдавайте меня крысам! Я буду слушаться.

Элли не помнила себя от страха.

В это время Бастинда заметила Тотошку, который робко жался к ногам Элли.

– Это еще что за зверь? – сердито спросила злая волшебница.

– Это моя собачка Тотошка, – боязливо ответила Элли. – Она хорошая и очень любит меня...

– Гм... гм... – проворчала волшебница. – Никогда не видела таких зверей. И вот мой приказ: пусть эта собачка, как ты ее называешь, держится от меня подальше, а не то она первая попадет в подвал к крысам! А сейчас идите за мной!

Бастинда повела пленников через прекрасные комнаты дворца, где все было фиолетовое: и стены, и ковры, и мебель – и где у дверей в лиловых кафтанах стояли Мигуны, кланяясь до полу при появлении волшебницы и жалостно мигая ей вслед. Наконец Бастинда привела Элли в темную грязную кухню.

– Ты будешь чистить горшки, сковородки и кастрюли, мыть пол и топить печку! Моей кухарке уже давно нужна помощница!

И, оставив девочку, полуживую от испуга, Бастинда отправилась на задний двор, потирая руки.

– Я хорошо напугала девчонку! Теперь усмирю Льва, и оба будут у меня в руках!

Трусливый Лев уже успел перегрызть веревки и лежал в дальнем углу клетки. Когда он увидел Бастинду, его желтые глаза загорелись злобным огнем.

«Ах, как жаль, что у меня еще нет смелости, – подумал он. – Уж отплатил бы я старой ведьме за гибель Страшилы и Железного Дровосека». И он сжался в комок, готовясь к прыжку.

Старуха вошла через маленькую дверь.

– Эй ты, Лев, слушай! – прошамкала она. – Ты мой пленник! Я буду запрягать тебя в коляску и кататься по праздникам, чтобы Мигуны говорили: «Смотрите, какая могущественная наша повелительница Бастинда – она сумела запрячь даже Льва!»

Пока Бастинда болтала, Лев разинул пасть, ошетилил гриву и, прыгнув на волшебницу, проревел:

– Я тебя съем!

Он на волосок не достал до Бастинды. Перепуганная старуха пулей вылетела из клетки и проворно захлопнула дверцу. Тяжело дыша с перепугу, она крикнула через прутья решетки:

– Ах ты, проклятый! Ты еще меня не знаешь! Я заморю тебя голодом, если не согласишься ходить в упряжке!

– Я тебя съем! – повторил Лев и яростно бросился к решетке.

Старуха затрусилась во дворец, ворча и ругаясь.

...Потянулись скучные тяжелые дни рабства. Элли с утра и до вечера работала на кухне, помогая кухарке Фрегозе. Добрая Мигунья старалась помочь девочке и при удобном случае с радостью выполняла за нее самую трудную работу. Но Бастинда зорко следила за тем, что делается на кухне, и Фрегозе то и дело попадало за ее доброту.

Бастинда жестоко придиралась к Элли и часто замахивалась на девочку грязным лиловым зонтиком, который всегда таскала с собой. Элли не знала, что волшебница не может ударить ее, и сердце девочки сжималось, когда зонтик поднимался над ее головой.

Каждый день старуха подходила к решетке и визгливо спрашивала Льва:

– Пойдешь в упряжке?

– Я тебя съем! – был постоянный ответ, и Лев грозно бросался на прутья решетки.

Бастинда с первого дня плена не давала Льву есть, но он не умирал с голоду и был силен и крепок, как всегда.

Дело в том, что старая Бастинда больше всего на свете боялась темноты и воды. Как только ночная темнота окутывала дворец, Бастинда пряталась в самой дальней комнате, запирала двери прочными железными засовами и не выходила до позднего утра. А Элли совсем не боялась темноты. Она вытаскивала из кухонного шкафа все съестное, что там оставалось. А о том, чтобы там побольше оставалось еды, заботилась Фрегоза. Держа в одной руке корзинку с провизией, а в другой большую бутылку с водой, Элли отправлялась на задний двор. Там ее с восторгом встречали Лев и Тотошка.

Элли и Тотошка очень испугались угрозы Бастинды отдать песика на съедение крысам, и Тотошка с первого дня плена переселился за решетку, под защиту Льва. Он знал, что оттуда Бастинда его не достанет, и безнаказанно лаял на злую волшебницу, когда она появлялась на дворе.

Элли пролезала в клетку между двумя прутьями. Лев и Тотошка набрасывались на принесенные еду и питье. Потом Лев укладывался поудобнее, девочка гладила его густую мягкую шерсть и играла кисточкой его хвоста. Элли, Лев и Тотошка долго разговаривали, с грустью вспоминали про гибель верных друзей – Страшилы и Железного Дровосека, строили планы

побега. Но убежать из Фиолетового дворца было невозможно: его окружала высокая стена с острыми гвоздями наверху. Ворота Бастинда запирали, а ключи уносила с собой.

Поговорив и поплакав, Элли крепко засыпала на соломенной подстилке под надежной охраной Льва.

Так шли тоскливые дни плена. Бастинда с жадностью смотрела на серебряные башмачки Элли, которые девочка снимала только ночью, в клетке Льва, или когда купалась. Но Бастинда боялась воды и никогда не подходила в это время к Элли.

Девочка с первых же дней заметила эту странную водобоязнь волшебницы и пользовалась ею. Для Элли были праздниками те дни, когда Бастинда заставляла ее мыть кухню. Разлив на полу несколько ведер воды, девочка уходила в клетку ко Льву и там три-четыре часа отдыхала от тяжелой работы. Бастинда визгливо кричала и ругалась за дверью, но стоило ей заглянуть в кухню и увидеть на полу лужи, она в ужасе убегала к себе в спальню, провожаемая насмешливыми улыбками Фрегозы.

Элли часто беседовала с доброй кухаркой.

– Почему вы, Мигуны, не восстанете против Бастинды? – спрашивала девочка. – Вас так много, целые тысячи, а вы боитесь одной злой старухи. Накинулись бы на нее целой кучей, связали и посадили бы в железную клетку, туда, где сейчас Лев...

– Что ты, что ты, – с ужасом отмахивалась Фрегоза. – Ты не знаешь могущества Бастинды! Ей достаточно будет сказать одно слово, и все Мигуны повалятся мертвыми!

– Откуда вы это знаете?

– Да нам сама Бастинда столько раз об этом говорила.

– Почему же она не сказала такого слова, когда мы шли к ее дворцу? Почему она послала на нас волков, ворон, черных пчел, а когда мои храбрые друзья уничтожили все ее воинство, Бастинде пришлось обратиться за помощью к Летучим Обезьянам?

– «Почему, почему»! – сердилась Фрегоза. – Вот за такие речи Бастинда нас испепелит.

– А как она узнает?

– Да уж так! От нее ничего не скроется!..

Но беседы повторялись не раз, Бастинда о них не знала, и Фрегоза становилась смелее. Она уже охотно соглашалась с Элли, что Мигуны должны освободиться от владычества злой волшебницы.

Но прежде чем решиться на что-нибудь, кухарка хотела поточнее узнать, какое волшебство еще осталось у Бастинды. По вечерам она подкрадывалась к дверям ее спальни и подслушивала ворчание старухи, которая в последнее время стала часто разговаривать сама с собой.

Однажды Фрегоза прибежала от двери Бастинды крайне взволнованная и, не найдя Элли в кухне, устремилась на задний двор. Вся компания уже спала, но кухарка разбудила друзей.

– Элли, ты была права! – кричала Фрегоза, размахивая руками. – Оказывается, Бастинда исчерпала все свои волшебства, и у нее ничего не осталось в запасе. Я слышала, как она причитала и проклинала твоих друзей за то, что они лишили ее волшебной силы...

Девочка и ее друзья необычайно обрадовались и начали расспрашивать Фрегозу о подробностях. Но кухарка мало что могла добавить. Она только еще рассказала, что Бастинда что-то толковала о серебряных башмачках, но что именно – этого Мигунья не дослушала, так как от волнения стукнулась лбом о дверь и убежала, боясь, что волшебница захватит ее на месте преступления.

Важная новость, принесенная Фрегозой, ободрила пленников. Теперь у них появилась возможность выполнить приказ Гудвина и освободить Мигунов.

– Откройте только мне клетку, – зарычал Лев, – и увидите, как я расправлюсь с Бастиндой!

Но клетка была закрыта на огромный замок, а ключ от него хранился у Бастинды в тайнике. Посоветовавшись, друзья решили, что Фрегоза должна подготовить к восстанию слуг. Они захватят волшебницу врасплох и лишат ее свободы и власти.

Фрегоза ушла, а Элли и ее друзья не спали почти всю ночь, разговаривая о предстоящей борьбе с Бастиндой.

На следующий день кухарка принялась за дело. Слуги были очень запуганы Бастиндой, и нелегко было уговорить их выступить против волшебницы. Однако Фрегоза сумела убедить кое-кого из дворцовой охраны, и посвященные в заговор Мигуны стали готовиться.

Прошло несколько дней. Видя, что охранники осмелели и всерьез собираются свести счеты со злой волшебницей, к ним решили присоединиться и остальные слуги. Восстание назревало, но тут непредвиденный случай привел к быстрой и неожиданной развязке.

Бастинда не оставляла мысли о том, что ей необходимо завладеть серебряными башмачками Элли. Для волшебницы это была единственная возможность сохранить свою власть над Фиолетовой страной. И наконец Бастинда придумала.

Однажды, когда ни Фрегозы, ни Элли не было на кухне, волшебница туго натянула над полом тонкую веревочку и спряталась за печью.

Девочка вошла, споткнулась о веревочку и упала; башмачок с правой ноги слетел и откатился в сторону. Хитрая Бастинда выскочила из-за печки, мигом схватила башмачок и надела на свою старую высохшую ногу.

– Хи-хи-хи! А башмачок-то на мне! – дразнила Бастинда девочку, онемевшую от неожиданности.

– Отдайте башмачок! – закричала Элли, придя в себя. – Ах вы, воровка! Как вам не стыдно!

– Попробуй отбери! – кривляясь, отвечала старуха. – Я и второй с тебя тоже сниму! А уже потом, будь спокойна, отомщу тебе за Гингему! Тебя съедят крысы – хи-хи-хи, огромные жадные крысы! – сложут твои нежные косточки!

Элли была вне себя от горя и гнева: она так любила серебряные башмачки. Чтобы хоть как-нибудь отплатить Бастинде, Элли схватила ведро воды, подбежала к старухе и окатила ее водой с головы до ног.

Волшебница испуганно вскрикнула и попыталась отряхнуться. Напрасно: лицо ее стало ноздреватым, как тающий снег; от нее повалил пар; фигура начала оседать и испаряться...

– Что ты наделала! – завизжала волшебница. – Ведь я сейчас растаю!

– Мне очень жаль, сударыня! – ответила Элли. – Я, право, не знала. Но зачем вы украли башмачок?

– Пятьсот лет я не умывалась, не чистила зубов, пальцем не прикасалась к воде, потому что мне была предсказана смерть от воды, и вот пришел мой конец! – завывла старуха.

Голос волшебницы становился тише и тише; она таяла, как кусок сахара в стакане чая. Элли с ужасом глядела на гибель Бастинды.

– Вы сами виноваты... – начала она.

– Нет, кто тебя надоу... ффффф...

Голос волшебницы прервался, она с шипением осела на пол, и через минуту от нее осталась только грязноватая лужица, в которой лежали платье волшебницы, зонтик, пряди седых волос и серебряный башмачок.

В этот момент в кухню вернулась Фрегоза. Кухарку очень обрадовала гибель ее жестокой госпожи. Зонтик, платье и волосы она подобрала и бросила в угол, чтобы потом сжечь их. Вытерев грязную лужу на полу, Фрегоза побежала по двору – рассказать всем радостную весть...

А Элли вычистила и надела башмачок, нашла ключ от клетки Льва в спальне Бастинды и поспешила на задний двор – рассказать своим друзьям об удивительном конце злой волшебницы Бастинды.

Как вернулись к жизни Страшила и Железный Дровосек

Трусливый Лев страшно обрадовался, услышав о неожиданной гибели Бастинды. Элли открыла клетку, и он с наслаждением пробежался по двору, разминая лапы.

Тотошка явился на кухню, чтобы своими глазами посмотреть на останки страшной Бастинды.

– Ха-ха-ха! – восхитился Тотошка, увидев в углу сверток грязного платья. – Оказывается, Бастинда была не крепче тех снежных баб, каких у нас мальчишки лепят зимой в Канзасе. И жаль, что ты, Элли, не догадалась об этом раньше.

– И хорошо, что я не догадалась, – возразила Элли. – А то вряд ли у меня хватило бы духу облить волшебницу, если бы я знала, что от этого она умрет...

– Ну, все хорошо, что хорошо кончается, – весело согласился Тотошка, – важно то, что мы вернемся в Изумрудный город с победой!

Возле Фиолетового дворца собралось множество Мигунов из окрестностей, и Элли объявила им, что отныне они свободны. Радость народа была неописуема. Мигуны приплясывали, щелкали пальцами и так усердно подмигивали друг другу, что к вечеру у них заслезились глаза и они уже ничего не видели вокруг себя.

Освободившись от рабства, Элли и Лев прежде всего подумали о Страшиле и Железном Дровосеке: надо было позаботиться о спасении верных друзей.

Несколько десятков расторопных Мигунов немедленно отправились на розыски под предводительством Элли и Льва. Тотошка не остался во дворце – он важно восседал на спине своего большого четвероногого друга. Они шли, пока не добрались до места битвы с Летучими Обезьянами, и там начали поиски. Железного Дровосека вытащили из ущелья вместе с его топором. Узелок с платьем и голову Страшилы, полинявшую и занесенную пылью, нашли на верхушке горы. Элли не могла удержаться от слез при виде жалких останков своих верных друзей.

Экспедиция вернулась во дворец, и Мигуны принялись за дело.

Костюм Страшилы был вымыт, зашит, почищен, набит свежей соломой, и – вот, пожалуйте! – перед Элли стоял ее милый Страшила. Но он не мог ни говорить, ни смотреть, потому что краска на его лице выгорела от солнца и у него не было ни рта, ни глаз.

Мигуны принесли кисточку и краски, и Элли начала подрисовывать Страшиле глаза и рот. Как только начал появляться первый глаз, он тотчас весело подмигнул девочке.

– Потерпи, дружок, – ласково сказала Элли, – а то останешься с косыми глазами... Но Страшила просто не в силах был терпеть. Еще рот его не был окончен, а он уже заболтал:

– Пршт... Фршт... Стрш... прыбры... хрыбры... Я Страшила, храбрый, ловкий... Ах, какая радость! Я снова-снова с Элли!

Веселый Страшила обнимал своими мягкими руками Элли, Льва и Тотошку...

Элли спросила Мигунов, нет ли среди них искусных кузнецов. Оказалось, что страна исстари славилась замечательными часовыми мастерами, ювелирами, механиками. Узнав, что дело идет о восстановлении железного человека, товарища Элли, Мигуны уверили ее, что каждый из них готов сделать все для феи Спасительной Воды – так они прозвали девочку.

Восстановить Дровосека оказалось далеко не так просто, как Страшилу. Искуснейший мастер страны Лестар три дня и четыре ночи работал над его исковерканным сложным механизмом. Он и его помощники стучали молотками, пилили напильниками, склепывали, паяли, полировали...

И вот настал счастливый момент, когда Железный Дровосек стоял перед Элли. Он был совсем как новенький, если не считать нескольких заплаток, наложенных там, где железо насквозь пробилось о скалы. Но Дровосек не обращал внимания на заплатки. После починки он стал еще красивее. Мигуны отшлифовали его, и он так блестел, что на него больно было глядеть. Они починили и его топор и вместо поломанного деревянного топорича сделали золотое. Мигуны вообще любили все блестящее. Потом за Железным Дровосеком ходили толпы ребятишек и взрослых и, мигая, таращили на него глаза.

Слезы радости полились из глаз Железного Дровосека, когда он вновь увидел друзей. Страшила и Элли вытирали ему слезы лиловым полотенцем, боясь, как бы не заржавели его челюсти. Элли плакала от радости, и даже Трусливый Лев прослезился. Он так часто вытирал глаза хвостом, что кисточка на конце хвоста промокла: Льву пришлось бежать на задний двор и сушить хвост на солнышке.

По случаю всех этих радостных событий во дворце был устроен веселый пир. Элли и ее друзья сидели на почетных местах, и за их здоровье было выпито множество бокалов лимонада и фруктового кваса.

Один из пирующих предложил, чтобы отныне в честь феи Спасительной Воды каждый Мигун умывался пять раз в день; после долгих споров согласились, что трех раз будет достаточно.

Друзья провели еще несколько веселых дней в Фиолетовом дворце среди Мигунов и начали собираться в обратный путь.

- Надо идти к Гудвину: он должен исполнить свои обещания, – сказала Элли.
- О, наконец-то я получу мои мозги! – крикнул Страшила.
- А я сердце! – молвил Железный Дровосек.
- А я смелость! – рявкнул Трусливый Лев.
- А я вернусь к папе с мамой в Канзас! – сказала Элли и захлопала в ладоши.
- И там я проучу этого хвастунишку Гектора, – добавил Тототшка.

Утром они собрали Мигунов и сердечно распрощались с ними.

Из толпы вышли три седобородых старика, обратились к Железному Дровосеку и почтительно просили его стать правителем их страны. Мигунам ужасно нравился ослепительно бле-

стевший Железный Дровосек, его стройная осанка, когда он величественно шел с золотым топором на плече.

– Оставайтесь с нами! – просили его Мигуны. – Мы так беспомощны и робки. Нам нужен государь, который мог бы защитить нас от врагов. Вдруг на нас нападет какая-нибудь злая волшебница и снова поработит нас! Мы очень просим вас!

При одной мысли о злой волшебнице Мигуны взвыли от ужаса.

– Нет больше злых волшебниц в стране Гудвина! – с гордостью возразил Страшила. – Мы с Элли истребили их всех!

Мигуны вытерли слезы и продолжали:

– Подумайте и о том, как удобен такой правитель: он не ест, не пьет и, значит, не будет обременять нас налогами. И если он пострадает в битве с врагами, мы сможем починить его: у нас уже есть опыт.

Железный Дровосек был польщен.

– Сейчас я не могу расстаться с Элли, – сказал он. – И мне нужно получить в Изумрудном городе сердце. Но потом... я подумаю и, может быть, вернусь к вам.

Мигуны обрадовались и веселыми криками «ура» проводили путников.

Вся компания получила богатые подарки. Элли поднесли браслет с алмазами. Железному Дровосеку сделали красивую золотую масленку, отделанную драгоценными камнями. Страшила, зная, что он нетверд на ногах, Мигуны подарили великолепную трость с набалдашником из слоновой кости, а к шляпе его подвесили серебряные бубенчики чудесного тона. Страшила чрезвычайно возгордился подарками. При ходьбе он далеко откидывал в сторону руку с тростью и тряс головой, чтобы вдоволь насладиться мелодичным перезвоном бубенчиков. Впрочем, ему это скоро надоело, и он стал вести себя по-прежнему просто.

Лев и Тотошка получили чудесные золотые ошейники. Льву ошейник сначала не понравился, но мастер Лестар сказал ему, что все цари носят золотые ошейники, и тогда Лев примирился с этим неприятным украшением.

– Когда я получу смелость, – сказал Лев, – я стану царем зверей, значит, мне надо заранее привыкать к этой противной штуке...

Возвращение в Изумрудный город

Фиолетовый город Мигунов остался позади. Путники шли на запад. Элли была в Золотой Шапке. Девочка случайно надела Шапку в комнате Бастинды. Она не знала ее волшебной силы, но Шапка понравилась девочке, и Элли надела ее.

Они шли весело и надеялись в два-три дня добраться до Изумрудного города. Но в горах, где они сражались с Летучими Обезьянами, путники заблудились: сбившись с пути, они пошли в другую сторону. Дни проходили за днями, а башни Изумрудного города не показывались на горизонте. Провизия была на исходе, и Элли с беспокойством думала о будущем.

Однажды, когда путники отдыхали, девочка внезапно вспомнила о свистке, подаренном ей королевой-мышью.

– Что, если я свистну?

Элли трижды дунула в свисток. В траве послышался шорох, и на поляну выбежала королева полевых мышей.

– Добро пожаловать! – радостно крикнули путники, а Дровосек крепко ухватил неугомонного Тотошку за ошейник.

– Что вам угодно, друзья мои? – спросила королева Рамина своим тоненьким голоском.

– Мы возвращаемся в Изумрудный город из страны Мигунов и заблудились, – сказала Элли. – Помогите нам найти дорогу!

– Вы идете в обратную сторону, – сказала мышь, – скоро перед вами откроется горная цепь, окружающая страну Гудвина. И отсюда до Изумрудного города много-много дней пути.

Элли опечалилась.

– А мы думали, что скоро увидим Изумрудный город.

– О чем может печалиться человек, у которого на голове Золотая Шапка? – с удивлением спросила королева-мышь. Она хоть и была мала ростом, но принадлежала к семейству фей и знала употребление всяких волшебных вещей. – Вызовите Летучих Обезьян, и они перенесут вас, куда нужно.

Услышав о Летучих Обезьянах, Железный Дровосек затрясся, а Страшила съежился от ужаса. Трусливый Лев замахал косматой гривой:

– Опять Летучие Обезьяны? Благодарю покорно! Я с ними достаточно знаком, и по мне – эти твари хуже саблезубых тигров!

Рамина рассмеялась:

– Обезьяны послушно служат владельцу Золотой Шапки. Посмотрите подкладку: там написано, что нужно делать.

Элли заглянула внутрь.

– Мы спасены, друзья мои! – весело закричала она.

– Я удаляюсь, – с достоинством сказала королева-мышь. – Наш род давно не в ладу с родом Летучих Обезьян. До свиданья!

– До свиданья! Спасибо! – прокричали путники, и Рамина исчезла.

Элли начала говорить волшебные слова, написанные на подкладке:

– Бамбара, чуфара, лорики, ёрики...

– Бамбара, чуфара?.. – с удивлением переспросил Страшила.

– Ах, пожалуйста, не мешай, – попросила Элли и продолжала: – Пикапу, трикапу, скорики, морики...

– Скорики, морики... – прошептал Страшила.

– Явитесь передо мной, Летучие Обезьяны! – громко закричала Элли, и в воздухе зашумела стая Летучих Обезьян.

Путники невольно пригнули головы к земле, вспоминая прошлую встречу с обезьянами. Но стая тихонько опустилась, и предводитель Уорра почтительно поклонился Элли.

– Что прикажете, владельница Золотой Шапки?

– Отвезите нас в Изумрудный город!

– Будет исполнено!

Один миг – и путники очутились высоко в воздухе. Предводитель Летучих Обезьян и его жена несли Элли; Страшила и Железный Дровосек сидели верхом; Льва подхватили несколько сильных обезьян; молоденькая обезьянка тащила Тотошку, а песик лаял на нее и старался укунить. Сначала путникам было страшно, но вскоре они успокоились, видя, как свободно чувствуют себя обезьяны в воздухе.

– Почему вы повинуетесь владельцу Золотой Шапки? – спросила Элли.

Уорра рассказал Элли историю о том, как много веков назад племя Летучих Обезьян обидело могущественную фею. В наказание фея сделала волшебную Шапку. Летучие Обезьяны должны выполнить три желания владельца Шапки, и после этого он не имеет над ними власти.

Но если Шапка переходит к другому, этот может снова приказывать обезьяньему племени. Первой владелицей Золотой Шапки была фея, которая ее сделала. Потом Шапка много раз переходила из рук в руки, пока не попала к злой Бастинде, а от нее к Элли. Через час показались башни Изумрудного города, и обезьяны бережно опустили путников у самых ворот, на дорогу, вымощенную желтым кирпичом.

Стая взвилась в воздух и с шумом скрылась.

Элли позвонила. Вышел Фарамант и страшно удивился:

– Вы вернулись?

– Как видите! – с достоинством сказал Страшила.

– Но ведь вы отправились к злой волшебнице Фиолетовой страны.

– Мы были у нее, – ответил Страшила и важно стукнул тростью по земле. – Правда, нельзя похвастать, что мы там весело провели время.

– И вы ушли из Фиолетовой страны без разрешения Бастинды? – допытывался удивленный привратник.

– А мы не спрашивали у нее разрешения! – продолжал Страшила. – Вы знаете, она ведь растаяла!

– Как? Растаяла?! Прекрасное, восхитительное известие! Но кто же ее растопил?

– Элли, конечно! – важно сказал Лев.

Страж Ворот низко поклонился Элли, повел путников в свою комнату и вновь надел на них уже знакомые им очки. И снова все волшебным образом преобразилось вокруг, засияло мягким зеленым светом.

Разоблачение Великого и Ужасного

Знакомыми улицами путники направились к дворцу Гудвина. По дороге Фарамант не утерпел и сообщил кое-кому из жителей о гибели страшной Бастинды. Весть быстро распространилась по городу, и скоро за Элли и ее друзьями до самого дворца шла большая толпа почтительных зевак.

Зеленобородый Солдат был на посту и, как всегда, смотрелся в зеркальце и расчесывал свою великолепную бороду. На этот раз толпа собралась такая большая и кричала так громко, что привлекла внимание Солдата не больше, чем через десять минут. Дин Гиор очень обрадовался возвращению путников из опасного похода, вызвал Флиту, и та отвела их в прежние комнаты.

– Пожалуйста, доложите Великому Гудвину о нашем возвращении, – сказала Элли Солдату, – и передайте, что мы просим нас принять...

Через несколько минут Дин Гиор вернулся и сказал:

– Я громко изложил вашу просьбу у дверей тронного зала, но не получил от Великого Гудвина никакого ответа...

Солдат каждый день являлся к дверям тронного зала и докладывал о желании путников видеть Гудвина, и каждый раз ответом была гробовая тишина.

Прошла неделя. Ожидание стало невыносимо томительным. Путники рассчитывали встретить во дворце Гудвина горячий прием. Равнодушие Волшебника пугало и раздражало их.

– Уж не умер ли он? – задумчиво говорила Элли.

– Нет, нет! Он просто не хочет выполнять своих обещаний и прячется от нас! – возмутился Страшила. – Конечно, ему жаль мозгов, и сердца, и смелости – ведь это все ценные вещи. Но не надо было посылать нас к злой волшебнице Бастинде, которую мы так храбро уничтожили.

Разгневанный Страшила объявил Солдату:

– Скажите Гудвину: если он нас не примет, мы вызовем Летучих Обезьян. Скажите Гудвину, что мы – их хозяева, мы владеем Золотой Шапкой – пикапу, трикапу, – и когда сюда явятся Летучие Обезьяны, мы с ним поговорим.

Дин Гиор ушел и скоро вернулся.

– Гудвин Ужасный примет вас всех завтра ровно в десять часов утра в тронном зале. Просьба не опаздывать. И знаете что, – тихонько прошептал он на ухо Элли, – он, кажется, испугался. Ведь он имел дело с Летучими Обезьянами и знает, что это за звери.

Путешественники провели тревожную ночь и утром, в назначенное время, собрались перед дверью тронного зала.

Дверь открылась, и они вступили в зал. Каждый ожидал встретить Гудвина в том виде, в каком он показывался им в первый раз. Но они удивились, увидев, что в зале не было никого. Там царил торжественная и жуткая тишина, и путников охватил страх: что готовит им Гудвин?

Они вздрогнули как от внезапного удара грома, когда среди пустой комнаты заговорил голос:

– Я Гудвин, Великий и Ужасный! Зачем вы беспокоите меня?

Элли и ее друзья посмотрели вокруг – никого не было видно.

– Где вы? – дрожащим голосом спросила Элли.

– Я – везде! – торжественно отвечал голос. – Я могу принимать любой образ и становлюсь невидимым, когда захочу. Подойдите к трону, я буду говорить с вами!

Путники сделали несколько шагов вперед. Все ужасно боялись, кроме Железного Дровосека и Тотошки. Железный Дровосек не имел сердца, а Тотошка не понимал, как можно бояться голосов.

– Говорите! – слышался голос.

– Великий Гудвин, мы пришли просить вас исполнить ваши обещания!

– Какие обещания? – спросил голос.

– Вы обещали отправить меня в Канзас, к папе и маме, когда Мигуны будут освобождены от власти Бастинды.

– А мне вы обещали дать мозги!

– А мне сердце!

– А мне смелость!

– Но разве Мигуны действительно стали свободными? – спросил голос, и Элли показалось, что он задрожал.

– Да! – ответила девочка. – Я облила злую Бастинду водой, и она растаяла!

– Доказательства, доказательства! – настойчиво сказал голос.

– Пикапу, трикапу! – воскликнул Страшила. – Разве вы, который везде, не видите на голове у Элли Золотую Шапку? Или вы хотите, чтобы мы для доказательства вызвали Летучих Обезьян, бамбара, чуфара?!

– О, нет, нет, я вам верю! – поспешно перебил голос. – Но как это неожиданно!.. Хорошо, приходите послезавтра, я подумаю о ваших просьбах.

– Было время думать, скорики, морики! – заорал разъяренный Страшила. – Мы ждали приема целую неделю!

– Не хотим больше ждать ни одного дня! – энергично поддержал товарища Железный Дровосек, а Лев так рывкнул, что огромный зал наполнился гулом, в котором потонул чей-то испуганный возглас.

Когда смолкли отзвуки львиного рева, наступило молчание. Элли и ее товарищи ждали, как ответит Гудвин на их смелый вызов. В это время Тотошка усиленно нюхал воздух и вдруг с лаем бросился в дальнюю часть комнаты. Мгновение – и он скрылся из глаз. Удивленной Элли показалось, что песик проскочил сквозь стену. Но тотчас же из стены, нет, из-за зеленой ширмочки, сливавшейся со стеной, с криком выскочил маленький человечек:

– Уберите собаку! Она укусит меня! Кто разрешил приводить в мой дворец собак?

Путешественники с недоумением смотрели на человечка. Ростом он был не выше Элли, но уже старый, с большой головой и морщинистым лицом. На нем был пестрый жилет, полосатые брюки и длинный сюртук. В руке у него был длинный рупор, и он испуганно отмахивался им от Тотошки, который выскочил из-за ширмочки и старался укусить его за ногу.

Железный Дровосек с топором на плече стремительно шагнул навстречу незнакомцу.

– Кто вы такой? – сурово спросил он.

– Я – Гудвин, Великий и Ужасный, – дрожащим голосом ответил человечек. – Но, пожалуйста, пожалуйста, не трогайте меня! Я сделаю все, что вы от меня потребуете!

Путники переглянулись с необыкновенным удивлением и разочарованием.

– Но я думала, что Гудвин – это Живая Голова, – сказала Элли.

– А я думал, что Гудвин – Морская Дева, – сказал Страшила.

– А я думал, что Гудвин – Страшный Зверь, – сказал Дровосек.

– А я думал, что Гудвин – Огненный Шар, – сказал Лев.

– Все это верно, и все вы ошибаетесь, – мягко сказал незнакомец. – Это только маски.

– Как маски?! – вскричала Элли. – Разве вы не Великий Волшебник?

– Тише, дитя мое! – сказал Гудвин. – Обо мне составилось мнение, что я Великий Волшебник.

– А на самом деле?

– На самом деле... увы, на самом деле я обыкновенный человек, дитя мое!

Слезы покатались из глаз Элли от разочарования и обиды.

Железный Дровосек тоже готов был зарыдать, но вовремя вспомнил, что при нем нет масленки.

Рассерженный Страшила вскричал:

– Я скажу, кто вы такой, если вы этого не знаете! Вы обманщик, пикапу, трикапу!

– Совершенно верно, – отвечал человечек, ласково улыбаясь и потирая руки. – Я – Великий и Ужасный Обманщик.

– Но как же теперь быть? – сказал Железный Дровосек. – От кого же я получу сердце?

– А я мозги? – спросил Страшила.

– А я смелость? – спросил Лев.

– Друзья мои! – сказал Гудвин. – Не говорите о пустяках. Подумайте, какое ужасное существование я веду в этом дворце!

– Вы ведете ужасное существование? – удивилась Элли.

– Да, дитя мое! – вздохнул Гудвин. – Заметьте, никто, никто в мире не знает, что я – Великий Обманщик, и мне многие годы приходится хитрить, скрываться и всячески дурачить людей. А вы знаете, это нелегкое занятие – морочить людям головы. И, к несчастью, это всегда раскрывается. Вот вы разоблачили меня, и по правде сказать, – он вздохнул, – я рад этому! Конечно, я ошибся, впустив вас сюда всех вместе, да еще с этой проклятой собачонкой...

– Но-но-но, поосторожнее! – сказал Тотошка, оскалив зубы.

– Прошу прощения, – поклонился Гудвин, – я не хотел оскорбить вас... Да, так на чем я остановился? Ага, вспомнил... Я впустил вас всех потому, что очень испугался Летучих Обезьян.

– Но я ничего не понимаю! – сказала Элли. – Как же я тогда видела вас в образе Живой Головы?

– Это очень просто! – ответил Гудвин. – Идите за мной, и вы поймете.

Он провел их через потайную дверь в кладовую позади тронного зала. Там они увидели Живую Голову, Морскую Деву, зверя, фантастических птиц и рыб. Все это было сделано из бумаги, картона, папье-маше и искусно раскрашено.

– Вот формы, которые может принимать Гудвин, Великий и Ужасный, – смеясь, сказал разоблаченный Волшебник. – Как видите, выбор достаточно хорош и сделает честь любому цирку.

– Все это отвратительно... то есть я хотел сказать, удивительно, – молвил Страшила.

Лев подошел к Голове и сердито ударил ее лапой. Голова покатилась по полу, кувyrкаясь и свирепо вращая глазами. Испуганный Лев отскочил с рычанием.

– Самое трудное, – вздыхая, сказал Гудвин, – управлять глазами. Я тянул из-за ширмы за ниточки, но глаза смотрели не туда, куда нужно. Ты, может быть, заметила это, дитя мое?

– Меня это поразило, – ответила Элли, – но я была так напугана, что не понимала, в чем дело.

– Я на испуг-то и рассчитывал, – признался Гудвин. – Если мои превращения и не всегда бывали удачны, все же страх посетителей не давал им заметить недостатки.

– А Огненный Шар? – вскричал Лев.

– Ну, вас-то я боялся больше всех, а потому сделал шар из ваты, пропитал спиртом и зажег. Недурно горело, а?

Лев с презрением отвернулся от Великого Обманщика.

– Как вам не стыдно дурачить людей? – спросил Страшила.

– Сначала было стыдно, а потом привык, – ответил Гудвин. – Идемте в тронный зал, я расскажу вам всю историю.

История Гудвина

Гудвин усадил гостей в мягкие кресла и начал:

– Зовут меня Джеймс Гудвин. Родился я в Канзасе...

– Как?! – удивилась Элли. – И вы из Канзаса?

– Да, дитя мое! – вздохнул Гудвин. – Мы с тобой земляки. Я покинул Канзас много-много лет назад. Твое появление растрогало и взволновало меня, но я боялся разоблачения и послал тебя к Бастинде. – Он со стыдом опустил голову. – Впрочем, я надеялся, что серебряные башмачки защитят тебя, и, как видишь, не ошибся... Но вернемся к моей истории. В молодости я был актером, играл царей и героев. Убедившись, что это занятие дает мало денег, я стал баллонистом...

– Кем? – не поняла Элли.

– Бал-ло-ни-стом. Я поднимался на баллоне, то есть на воздушном шаре, наполненном легким газом. Я это делал для потехи толпы, разъезжая по ярмаркам. Свой баллон я всегда привязывал веревкой. Однажды веревка оборвалась, мой баллон подхватило ураганом, и он помчался неведомо куда. Я летел целые сутки, пронесся над пустыней и огромными горами и опустился в Волшебной стране, которую теперь называют страной Гудвина. Отовсюду бежался народ и, видя, что я спускаюсь с неба, принял меня за Великого Волшебника. Я не убеждал этих легковых людей. Наоборот, я вспомнил роли царей и героев и сыграл роль волшебника довольно хорошо для первого раза (впрочем, там не было критиков!). Я объявил себя правителем страны, и жители подчинились мне с удовольствием. Они ожидали моей защиты от злых волшебниц, посещавших страну. Первым делом я построил Изумрудный город.

– Где вы достали столько зеленого мрамора? – спросила Элли.

– И изумрудов? – спросил Страшила.

– И столько всевозможных зеленых вещей? – спросил Железный Дровосек.

– Терпение, друзья мои! Вы скоро узнаете все мои тайны, – сказал Гудвин, улыбаясь. – В моем городе не больше зеленого, чем во всяком другом. Тут все дело, – он таинственно понизил голос, – все дело в зеленых очках, которых никогда не снимают мои подданные.

– Как? – вскричала Элли. – Значит, мрамор домов и мостовых...

– Белый, дитя мое!

– А изумруды? – спросил Страшила.

– Простое стекло, но хорошего сорта! – гордо добавил Гудвин. – Я не жалел расходов. И потом, изумруды на башнях города – настоящие. Ведь их видно издалека.

Элли и ее друзья удивлялись все больше и больше. Теперь девочка поняла, почему ленточка на шее Тотошки стала белой, когда они покинули Изумрудный город.

А Гудвин спокойно продолжал:

– Постройка Изумрудного города продолжалась несколько лет. Когда она окончилась, мы имели защиту от злых волшебниц. Я был в то время еще молод. Мне пришло в голову, что если я буду близок к народу, то во мне разгадают обыкновенного человека. А тогда кончится моя власть. И я закрылся в тронном зале и прилегающих к нему комнатах. Я прекратил сношения со всем миром, не исключая и моих прислужников. Я завел принадлежности, которые вы видели, и начал творить чудеса. Я присвоил себе торжественные имена Великий и Ужасный. Через несколько лет народ забыл мой настоящий облик, и по стране пошли обо мне все-

возможные слухи. А я этого и добивался и всячески старался поддержать свою славу великого чародея. Вообще мне это удавалось, но бывали и промахи. Крупной неудачей был мой поход против Бастинды. Летучие Обезьяны разбили мое войско. К счастью, я успел бежать и избавиться от плена. С тех пор я страшно боялся волшебниц. Достаточно было им узнать, кто я на самом деле, и мне пришел бы конец: ведь я-то не волшебник! И как я обрадовался, когда узнал, что домик Элли раздавил Гингему! Я решил, что хорошо бы уничтожить власть и второй злой волшебницы. Вот почему я так настойчиво посылал вас против Бастинды. Но теперь, когда Элли растопила ее, мне совестно признаться, что я не могу выполнить своих обещаний! – со вздохом кончил Гудвин.

– По-моему, вы плохой человек, – сказала Элли.

– О, нет, дитя мое! Я не плохой человек, но очень плохой волшебник!

– Значит, я не получу от вас мозгов? – со стоном спросил Страшила.

– Зачем вам мозги? Судя по всему, что я знаю о вас, у вас соображение не хуже, чем у любого человека с мозгами, – польстил Гудвин Страшиле.

– Может быть, и так, – возразил Страшила, – а все-таки без мозгов я буду несчастен.

Гудвин внимательно посмотрел на него.

– А вы знаете, что такое мозги? – спросил он.

– Нет! – признался Страшила. – Понятия не имею, как они выглядят!

– Хорошо! Приходите ко мне завтра, и я наполню вашу голову первосортными мозгами.

Но вы сами должны научиться употреблять их.

– О, я научусь! – радостно вскричал Страшила. – Даю вам слово, что научусь! Эй-гей-гей-го! У меня скоро будут мозги! – приплясывая, запел счастливый Страшила.

Гудвин с улыбкой смотрел на него.

– А как насчет смелости? – робко заикнулся Лев.

– Вы смелый зверь! – ответил Гудвин. – Вам недостает только веры в себя. И потом, всякое живое существо боится опасности, и смелость в том, чтобы победить боязнь. Вы свою боязнь побеждать умеете.

– А вы дайте мне такую смелость, – упрямо перебил Лев, – чтобы я ничего не боялся.

– Хорошо, – с лукавой улыбкой сказал Гудвин. – Приходите завтра, и вы ее получите.

– А она у вас кипит в горшке под золотой крышкой? – спросил Страшила.

– Почти что так. Кто вам сказал? – удивился Гудвин.

– Фермер по дороге в Изумрудный город.

– Он хорошо осведомлен о моих делах, – коротко заметил Гудвин.

– А мне вы дадите сердце? – спросил Железный Дровосек.

– Сердце делает многих людей несчастными, – сказал Гудвин. – Не очень большое преимущество – иметь сердце.

– Об этом можно спорить, – решительно возразил Железный Дровосек. – Я все несчастья перенесу безропотно, если у меня будет сердце.

– Хорошо. Завтра у вас будет сердце. Все-таки я столько лет был волшебником, что трудно было ничему не научиться.

– А как с возвращением в Канзас? – спросила Элли, сильно волнуясь.

– Ах, дитя мое! Это очень трудная задача. Но дай мне несколько дней срока, и, быть может, я сумею переправить тебя в Канзас...

– Вы сумеете, обязательно сумеете! – радостно вскрикнула Элли. – Ведь в волшебной книге Виллины сказано, что я вернусь домой, если помогу трем существам добиться исполнения их самых заветных желаний.

– Вероятно, так и будет, – согласился Гудвин и наставительно добавил: – Волшебным книгам надо верить. А теперь идите, друзья мои, и почувствуйте себя в моем дворце как дома. Мы будем видеться с вами каждый день. Но никому-никому не открывайте, что я – Обманщик!

Друзья, довольные, покинули тронный зал Гудвина, а у Элли появилась твердая надежда, что Великий и Ужасный Обманщик вернет ее в Канзас.

Исполнение желаний

Чудесное искусство Великого Обманщика

Утром Страшила весело пошел к Гудвину получать мозги.

– Друзья мои! – вскричал он. – Когда я вернусь, я буду точь-в-точь, как все люди!

– Я люблю тебя и таким, – просто сказала девочка.

– Это очень хорошо. Но посмотришь, каков я буду, когда великие мысли закопошатся в моем мозгу!

Волшебник встретил Страшилу приветливо.

– Вы не рассердитесь, мой друг, если я сниму с вас голову? – спросил он. – Мне надо набить ее мозгами.

– О, пожалуйста, не стесняйтесь! – весело ответил Страшила. – Снимите ее и держите у себя, сколько хотите. Я не почувствую себя хуже.

Гудвин снял голову Страшилы и заменил солому кульком, полным отрубей, смешанных с иголками и булавками. Затем поставил голову на место и поздравил Страшилу.

– Теперь вы умный человек – у вас новые мозги самого лучшего сорта.

Страшила горячо поблагодарил Гудвина и поспешил к друзьям. Элли смотрела на него с любопытством. Голова Страшилы раздулась, из нее торчали иголки и булавки.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Элли.

– Я начинаю чувствовать себя мудрым! – гордо ответил Страшила. – Только бы мне научиться пользоваться моими новыми мозгами, и я стану знаменитым человеком!

– А почему из твоих мозгов торчат иголки? – спросил Железный Дровосек.

– Это доказательство остроты его ума, – догадался Трусливый Лев.

Видя Страшилу таким довольным, Железный Дровосек с большой надеждой отправился к Гудвину.

– Мне придется прорезать у вас дыру в груди, чтобы вставить сердце, – предупредил Гудвин.

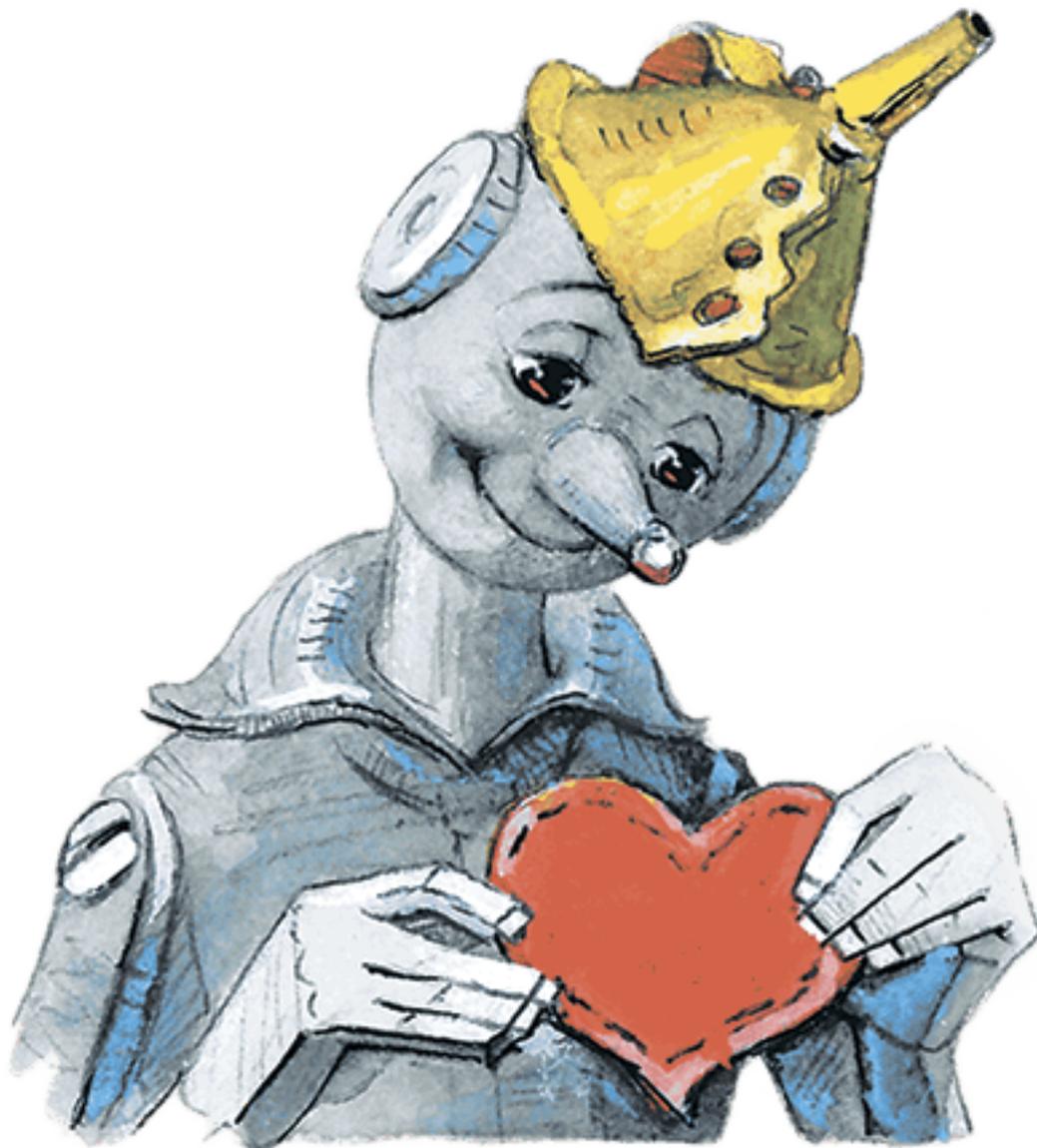
– Я в вашем распоряжении, – ответил Железный Дровосек. – Режьте, где угодно.

Гудвин пробил в груди Дровосека небольшое отверстие и показал ему красивое шелковое сердце, набитое опилками.

– Нравится ли оно вам?

– Оно прелестно! Но доброе ли оно, это красивое сердце, и сможет ли любить?

– О, не беспокойтесь! – ответил Гудвин. – С этим сердцем вы будете самым чувствительным человеком на земле!

Сердце было вставлено, дыра запаяна, и Железный Дровосек, ликуя, поспешил к друзьям.

– О, как я счастлив, милые друзья мои! – громко заявил Дровосек. – Сердце бьется в моей груди, как прежде. Даже сильнее, чем прежде! Я так и чувствую, как оно стучит о грудную клетку при каждом моем шаге! И знаете что? Оно гораздо нежнее того, которое было у меня прежде! Меня переполняет любовь и нежность!

В тронный зал вошел Лев.

– Я пришел за смелостью, – робко молвил он, переминаясь с лапы на лапу.

– Одну минуточку! – сказал Гудвин. Он достал из шкафа бутылку и вылил содержимое в золотое блюдо. – Вы должны это выпить! (Это был шипучий квас с примесью валерьянки.)

Запах не особенно понравился Льву.

– Что это? – недоверчиво спросил он.

– Это смелость. Она всегда бывает внутри, и вам необходимо проглотить ее.

Лев сделал гримасу, но выпил жидкость и даже вылизал тарелку.

– О, я уже становлюсь сильным! Храбрость заструилась по моим жилам и переполняет сердце! – заревел он в восторге. – Спасибо, о, спасибо, Великий Волшебник! – И Лев помчался к друзьям...

Для Элли потянулись дни тоскливого ожидания. Видя, что три заветных желания ее друзей исполнились, она горячее, чем прежде, стремилась в Канзас. Маленькая компания целыми днями вела разговоры.

Страшила уверял, что у него в голове бродят замечательные мысли; к сожалению, он не может открыть их, так как они понятны только ему одному.

Железный Дровосек рассказывал, как ему приятно чувствовать, что сердце бьется у него в груди при ходьбе. Он был совершенно счастлив.

А Лев гордо заявил, что он готов сразиться с десятью саблезубыми тиграми – так много у него смелости! Железный Дровосек даже опасался, не слишком ли большую порцию смелости поднес Льву волшебник и не сделал ли он Льва безрассудным: ведь безрассудство ведет к гибели.

Одна Элли молчала и печально вспоминала о Канзасе.

Наконец Гудвин призвал ее:

– Ну, дитя мое, я додумался, как нам попасть в Канзас!

– И вы отправляетесь со мной? – изумилась Элли.

– Обязательно, – ответил бывший волшебник. – Мне, признаться, надоели затворничество и вечный страх быть разоблаченным. Лучше я вернусь в Канзас и поступлю работать в цирк.

– О, как я рада! – вскричала Элли и захлопала в ладоши. – Когда же в путь?

– Не так скоро, дитя мое! Я убедился, что из этой страны можно выбраться только по воздуху. Ведь и я на баллоне, и ты в домике – мы перенесены сюда ураганом. Мой баллон цел – я хранил его все эти годы. На него лишь кое-где придется наклеить заплаты. А легкий газ водород, которым наполняют шары, я добыть сумею.

Починка воздушного шара продолжалась несколько дней. Элли предупредила друзей о скорой разлуке, и все трое – Страшила, Дровосек и Лев – страшно опечалились.

Пришел назначенный день. Гудвин объявил по городу, что отправляется навестить старого друга – Великого Волшебника Солнце, с которым не виделся много лет. Дворцовая площадь наполнилась народом. Гудвин пустил в ход водородный аппарат, и шар стал быстро надуваться. Когда баллон наполнился, к ужасу и восторгу толпы, Гудвин влез в корзину и обратился к народу:

– До свиданья, друзья мои!

Раздались крики «ура», и вверх полетели зеленые шапки.

– Мы много лет жили в мире и согласии, и мне больно расставаться с вами... – Гудвин вытер слезу, и в толпе послышались вздохи. – Но мой друг Солнце настоятельно зовет меня, и я повинуюсь: ведь Солнце более могущественный волшебник, чем я! Вспоминайте обо мне, но не слишком грустите: грусть вредит пищеварению. Соблюдайте мои законы! Не снимайте очков: это принесет вам великие бедствия! Вместо себя я назначаю вашим правителем distinguished господина Страшилу Мудрого.

Изумленный Страшила вышел вперед, опираясь на великолепную трость, и важно приподнял шляпу. Мелодичный звон бубенчиков привел толпу в восторг: в Изумрудном городе не было обычая подвязывать бубенчики под шляпы. Толпа бурно приветствовала Страшилу

и тут же поклялась в верности новому правителю. Исключением были несколько завистников: они сами метили на место правителя. Но они затаились и молчали.

Гудвин позвал Элли, нежно прощавшуюся с друзьями.

– Скорей в корзину! Шар готов к полету!

Элли в последний раз поцеловала в морду большого грозного Льва. Лев был растроган: из его глаз капали крупные слезы, и он забывал вытирать их кончиком хвоста.

Потом Страшила и Железный Дровосек нежно пожимали Элли руки, а Тоттошка прощался со Львом, уверяя, что он никогда не забудет своего большого друга и будет передавать от него привет всем львам, которых ему придется встретить в Канзасе.

Неожиданно налетел вихрь.

– Скорей! Скорей! – закричал встревоженный волшебник: он заметил, что рвущийся в небо шар до предела натянул веревку и грозил вот-вот оборвать ее.

И вдруг – трах! – веревка лопнула, и шар взвился вверх.

– Вернитесь! Вернитесь! – в отчаянии ломала руки Элли. – Возьмите меня в Канзас!

Но – увы! – воздушный шар не смог спуститься, ураган подхватил его и помчал с ужасной силой.

– Прощай, дитя мое! – слабо донесся голос Гудвина, и шар скрылся среди быстро набегавших туч.

Жители Изумрудного города долго смотрели на небо, а потом разошлись по домам.

Назавтра случилось солнечное затмение. Граждане Изумрудного города решили, что это Гудвин затемнил Солнце, спускаясь на него.

По всей стране разнеслась молва, что бывший правитель Изумрудного города живет на Солнце.

Народ долго помнил о Гудвине, но не слишком горевал о нем: ведь у них был новый правитель – Страшила Мудрый, настолько умный, что ум не помещался у него в голове и выпирал наружу в виде иголок и булавок.

Жители Изумрудного города страшно возгордились:

– Нет в мире другого города, правитель которого был бы набит соломой!

Бедная Элли осталась в стране Гудвина. Рыдая, вернулась она во дворец.

Ей казалось, что у нее уже нет надежды на возвращение в Канзас.

Снова в путь

Элли безутешно плакала, закрыв лицо руками. В комнате послышались тяжелые шаги Железного Дровосека.

– Я побеспокоил тебя? – смущенно спросил Дровосек. – Я понимаю, что тебе не до меня, ты сама расстроена, но видишь ли, мне хочется поплакать о Гудвине, а некому вытирать мои слезы: Лев сам плачет на заднем дворе, а Страшила – правитель, неудобно беспокоить его по пустякам...

– Бедняжка!..

Элли встала и, пока Дровосек плакал, старательно вытирала слезы полотенцем. Когда же он кончил, то очень старательно смазался маслом из драгоценной масленки, поднесенной ему Мигунами, – он всегда носил ее у пояса.

Ночью Элли приснилось, что огромная птица несет ее высоко над канзасской степью и вдали уже виден родной дом. Девочка радостно закричала. Она пробудилась от собственного крика и не могла больше заснуть от разочарования.

Утром компания собралась в тронном зале поговорить о будущем. Новый правитель Изумрудного города торжественно восседал на мраморном троне; остальные почтительно стояли перед ним.

Сделавшись правителем, Страшила сразу осуществил свои давнишние мечты: он завел себе зеленый бархатный костюм и новую шляпу, к полям которой приказал подшить серебряные бубенчики от старой шляпы; на ногах у него блестели ярко начищенные зеленые сапоги из самой лучшей кожи.

– Мы заживем припеваючи, – заявил новый правитель. – Нам принадлежит дворец и весь Изумрудный город. Как подумаю, что еще недавно я пугал ворон в поле, а теперь стал правителем Изумрудного города, то, скажу по совести, мне нечего жаловаться на судьбу...

Тотошка сразу осадил несколько зазнавшегося Страшилу:

– А кого ты должен благодарить за все это твое благополучие?

– Элли, разумеется! – сконфузился Страшила. – Без нее я и теперь торчал бы на колу...

– Если бы тебя не растрепали бури и не расклевали вороны, – добавил Дровосек. – Я и сам ржавел бы в диком лесу... Много-много сделала для нас Элли. Ведь я получил сердце, а это моя заветная мечта.

– Обо мне нечего и говорить, – молвил Лев. – Я теперь храбрее всех зверей на свете. Хотелось бы мне, чтобы на дворец напали людоеды или саблезубые тигры, – я бы с ними расправился!

– Если бы Элли осталась во дворце, – продолжал Страшила, – мы жили бы счастливо!

– Это невозможно, – возразила девочка. – Я хочу вернуться в Канзас, к папе с мамой...

– Как же это сделать? – спросил Железный Дровосек. – Страшила, милый друг, ты умнее нас всех, пожалуйста, пусти в ход свои новые мозги!

Страшила стал думать так усердно, что иголки и булавки полезли из его головы.

– Надо вызвать Летучих Обезьян! – сказал он после долгого размышления. – Пусть они перенесут тебя на родину!

– Bravo, bravo! – закричала Элли. – Я совсем о них забыла...

Она принесла Золотую Шапку, надела ее и сказала волшебные слова. Через открытые окна в зал ворвалась стая Летучих Обезьян.

– Что тебе угодно, владелица Золотой Шапки? – спросил предводитель.

– Перенесите нас с Тотошкой через горы и доставьте в Канзас.

Уорра покачал головой.

– Канзас за пределами страны Гудвина. Мы не можем лететь туда. Мне очень жаль, но ты истратила второе волшебство Шапки напрасно.

Он раскланялся, и стая с шумом унеслась.

Элли была в отчаянии. Страшила опять стал думать, и голова его раздулась от напряжения. Элли даже испугалась за него.

– Позвать Солдата! – приказал Страшила.

Дин Гиор со страхом вошел в тронный зал, в котором никогда не бывал при Гудвине. У него спросили совета.

– Только Гудвин знал, как перебраться через горы, – сказал Солдат. – Но я думаю, Элли поможет добрая волшебница Стелла из Розовой страны. Она могущественнее всех волшебниц этой страны: ей известен секрет вечной юности. Хотя дорога в ее страну трудна, я все же советую обратиться к Стелле.

Солдат почтительно поклонился правителю и вышел.

– Элли придется отправиться в Розовую страну. Ведь если Элли останется здесь, во дворце, то она никогда не попадет в Канзас. Изумрудный город – это не Канзас, а Канзас – не Изумрудный город, – изрек Страшила.

Остальные молчали, подавленные мудростью его слов.

– Я пойду с Элли, – внезапно сказал Лев. – Мне надоел город. Я дикий зверь и соскучился по лесам. Да и надо защищать Элли во время путешествия.

– Правильно! – вскричал Железный Дровосек. – Пойду точить топор: он, кажется, затупился.

Элли радостно бросилась к Железному Дровосеку.

– Мы выступаем завтра утром! – сказал Страшила.

– Как? И ты идешь?! – закричали все в изумлении. – А Изумрудный город?

– Подождет моего возвращения! – хладнокровно возразил Страшила. – Без Элли я сидел бы на колу в пшеничном поле и пугал ворон. Без Элли я не получил бы своих замечательных мозгов. Без Элли я не стал бы правителем Изумрудного города. И если после всего этого я покинул бы Элли в беде, то вы, друзья мои, могли бы назвать Страшилу неблагодарным и были бы правы!

Новые мозги сделали Страшилу красноречивым!

Элли от всей души благодарила друзей.

– Завтра, завтра в поход! – весело закричала она.

– Эй-гей-гей-го! Завтра, завтра в поход! – запел Страшила и, боязливо оглянувшись, зажал себе рот: он был правителем Изумрудного города, и ронять свое достоинство ему не следовало.

Править городом до своего возвращения Страшила назначил Солдата. Дин Гиор тотчас уселся на трон и уверил Страшилу, что во время его отсутствия дела будут идти самым наилучшим образом, потому что он, Солдат, не оставит своего поста ни на минутку и даже есть и спать будет на троне. Таким образом, никто не сможет захватить власть, пока правитель будет путешествовать.

Рано утром Элли и ее друзья пришли к городским воротам. Фарамант удивился, что они снова пускаются в дальнейшее и опасное путешествие.

– Вы наш правитель, – сказал он Страшילה, – и должны вернуться как можно скорее.

– Мне нужно отправить Элли в Канзас, – важно ответил Страшила. – Передайте моим подданным привет, и пусть они не беспокоятся обо мне: меня нельзя ранить, и я вернусь невредимым.

Элли дружески простилась со Стражем Ворот, снявшим со всех очки, и путешественники двинулись на юг. Погода была прекрасная, кругом расстилалась восхитительная страна, и все были в отличном настроении.

Элли верила, что Стелла вернет ее в Канзас; Тотошка вслух мечтал о том, как он разделяется с хвастунишкой Гектором; Страшила и Железный Дровосек радовались, что помогают Элли; Лев наслаждался сознанием своей смелости, желая встретиться со зверями и доказать им, что он их царь.

Отойдя на далекое расстояние, путники оглянулись в последний раз на башни Изумрудного города.

– А ведь Гудвин был не таким уж плохим волшебником, – сказал Железный Дровосек.

– Еще бы! – согласился Страшила. – Сумел же он дать мне мозги! Да еще какие острые мозги!

– Гудвину выпить бы немножко смелости, приготовленной им для меня, и он стал бы человеком хоть куда! – сказал Лев.

Элли молчала. Гудвин не выполнил обещания вернуть ее в Канзас, но девочка не винила его. Он сделал все, что мог, и не его вина, что замысел не удался. Ведь, как признавался и сам Гудвин, он вовсе не был волшебником.

Наводнение

Несколько дней путники шли прямо на юг. Фермы попадались все реже и реже и, наконец, исчезли. Вокруг до самого горизонта тянулась степь. Даже дичи было мало в этих пустынных местах, и Льву приходилось долго рыскать по ночам в поисках добычи. Тотошка не мог

сопровождать Льва в его продолжительных прогулках, но тот, возвращаясь, всегда приносил приятелю кусок мяса в зубах.

Путников не смущали трудности. Они шли вперед и вперед.

Однажды в полдень их остановила широкая река с низкими берегами, покрытыми ивами, единственная большая река в Волшебной стране. Это была та же самая река, где когда-то терпел бедствие Страшила, но наши герои этого не знали. Они озадаченно посмотрели друг на друга.

– Будем делать плот? – спросил Железный Дровосек.

Страшила скорчил отчаянную гримасу: он не позабыл приключения с шестом по дороге в Изумрудный город.

– Уж лучше бы нас перенесли Летучие Обезьяны, – пробурчал он. – Если я опять застряну посреди реки, то спасать меня некому: здесь аистов нет.

Но Элли не согласилась. Она не хотела тратить последнее волшебство Золотой Шапки, когда неизвестно, какие трудности еще встретятся на пути и как их примет Стелла.

Железный Дровосек сделал к вечеру плот, и компания поплыла через реку. Страшила действовал шестом осторожно, держась подальше от борта. Зато Железный Дровосек работал изо всех сил. Река оказалась мелководной и тихой; путники благополучно переплыли ее и вышли на плоский унылый берег.

– Какое скучное место! – заявил Лев, сморщив нос.

– И переночевать-то негде, – молвила Элли. – Идемте вперед.

Не прошли путники и тысячи шагов, как перед ними снова блеснула река. Они были на острове.

– Скверное дело! – сказал Страшила. – Очень скверное! Придется вызвать Летучих Обезьян, пикапу, трикапу!

Но девочка, рассчитывая утром обогнуть остров на плоту, решила переночевать здесь, так как было уже поздно. Собрали сухой травы и устроили ей сносную постель. Поужинав, Элли легла спать под надежной охраной друзей. Льву и Тотошке приходилось провести ночь с пустыми желудками, но они смирились с этим и заснули.

Страшила и Железный Дровосек стояли около спящих и смотрели на берег реки. Хотя один имел теперь мозги, а другой сердце, все же они никогда не уставали и не спали.

Сначала все было спокойно. Но потом на горизонте блеснула зарница, за ней другая, третья... Железный Дровосек озабоченно покачал головой. В стране Гудвина грозы случались редко, зато достигали невероятной силы. Грома еще не было слышно. Восточный край неба быстро темнел: там громоздились клубы туч, все чаще озаряемых молниями. Страшила глядел на небо в недоумении.

– Что там такое? – бормотал он. – Не Гудвин ли там, сверху, зажигает спички?

Страшила за свою недолгую жизнь еще не видал грозы.

– Будет сильный дождь! – сказал Железный Дровосек.

– Дождь? А что это такое? – в беспокойстве спросил Страшила.

– Вода, падающая с неба. Дождь вреден нам обоим: с тебя смоем краску, а я заржавею.

– Ай-яй-яй! – замотал головой Страшила. – Давай разбудим Элли.

– Подождем немного, – сказал Железный Дровосек. – Мне не хочется ее беспокоить: она устала сегодня. А гроза, может быть, пройдет стороной.

Но гроза приближалась. Скоро тучи закрыли полнеба, заблестали молнии, и раскаты грома явственно доносились до слуха дозорных.

– Что это там шумит? – в испуге спрашивал Страшила.

Но Железному Дровосеку некогда было объяснять.

– Плохо дело! – крикнул он и разбудил Элли.

– Что такое? Что случилось? – спросила девочка.

– Приближается страшная гроза! – закричал Железный Дровосек.

Лев тоже проснулся. Он сразу понял опасность.

– Скорее вызывай Летучих Обезьян, иначе мы все погибли! – заревел он.

Испуганная Элли, нетвердо держась на ногах, начала говорить волшебные слова:

– Бамбара, чуфара...

– У-ар-ра!.. – яростно взвизгнул налетевший вихрь и сорвал Золотую Шапку с головы Элли.

Шапка взлетела, белой звездочкой блеснула во мраке и исчезла. Элли зарыдала, но громкий раскат, раздавшийся над головами путников, заглушил ее рыдания.

– Не плачь, Элли! – заревел ей на ухо Лев. – Помни, что я теперь храбрее всех зверей на свете!

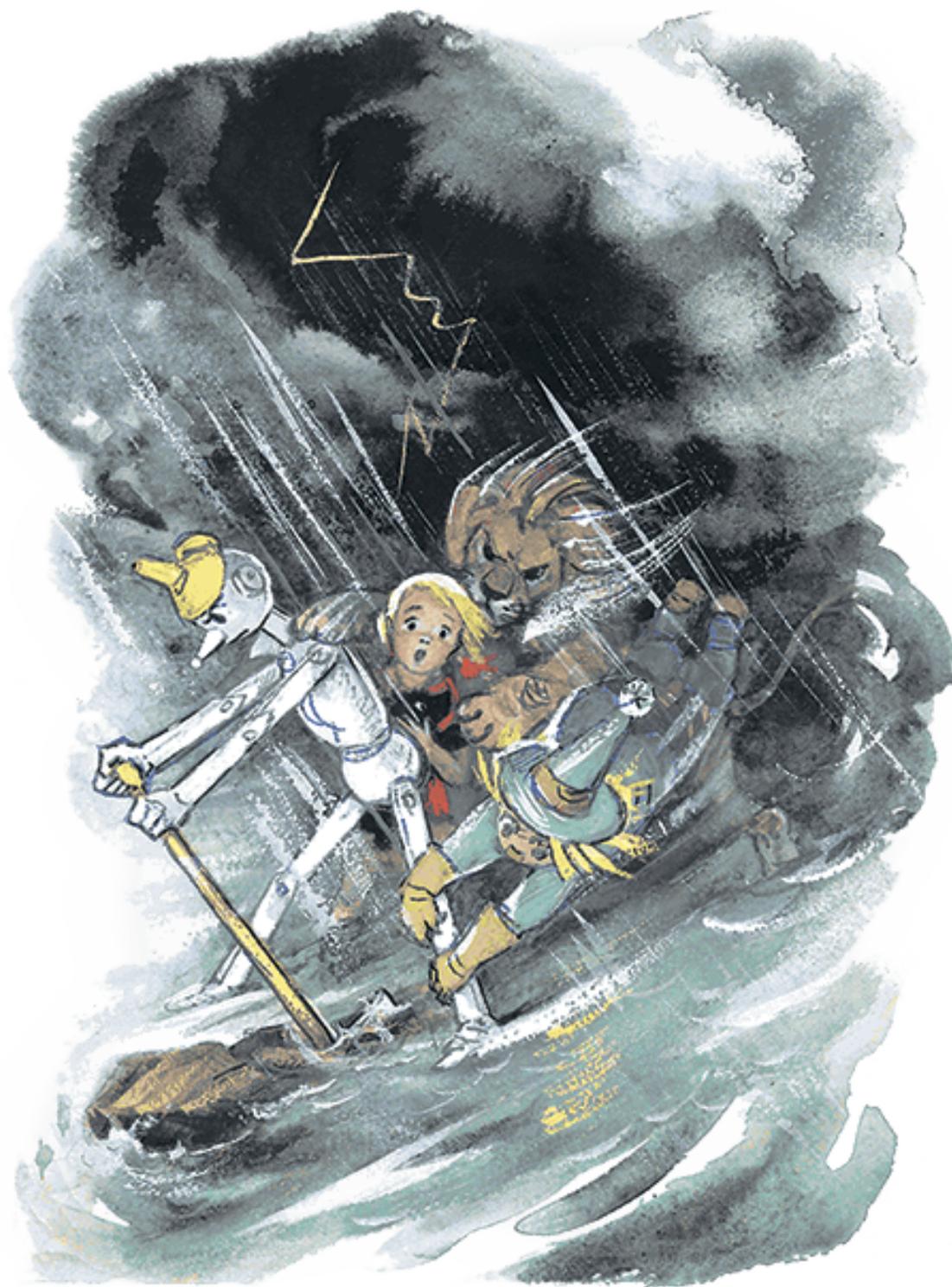
– Помни, что у меня чудесные мозги, наполненные необычайными мыслями! – прокричал Страшила.

– Помни о моем сердце, которое не стерпит, если тебя обидят! – добавил Железный Дровосек.

Три друга встали вокруг Элли, мужественно готовясь встретить натиск бури.

И буря грянула! Налетел ветер. Косой дождь больно хлестал Льва и Элли крупными каплями. Лев встал спиной к ветру, расставил лапы, выгнул спину. Под ним оказался уютный шалаш, куда забрались Элли и Тотошка, спасаясь от ливня.

Железный Дровосек взялся за масленку, но махнул рукой: спастись от ржавчины при таком ливне можно было только в бочке с маслом.

Страшила, насквозь промоченный дождем, сразу отяжелевший, имел самый жалкий вид. Своими мягкими непослушными руками он защищал от дождя краску на лице.

– Так вот что такое дождь! – бормотал Страшила. – Когда порядочные люди хотят купаться, они лезут в воду и вовсе не нуждаются в том, чтобы кто-то невидимый поливал их сверху. Как только вернусь в Изумрудный город, объявлю закон, запрещающий дожди!..

Гроза не переставала до утра. При первых лучах рассвета путники с ужасом увидели, как косматые волны Большой реки заливают остров.

– Мы утонем! – закричал Страшила, прикрывая рукой полусмытые глаза.

– Держись крепче! – ответил Железный Дровосек, стараясь перекричать шум бури и плеск волн. – Держись за меня.

Он расставил ноги, врыв их в песчаную почву, и крепко оперся о топор. В таком положении он был непоколебим, как скала.

Страшила, Элли и Лев вцепились в Железного Дровосека и застыли в ожидании.

И вот, крутясь, налетел первый вал и накрыл путников с головой. Когда он схлынул, среди воды стоял Дровосек, а остальные путники цеплялись за него с мужеством отчаяния. Железный Дровосек заржавел, и теперь никакая буря не сдвинула бы его с места. Но остальным приходилось плохо. Легкий Страшила весь был на поверхности воды, и волны бросали его во все стороны. Лев стоял на задних лапах, отплевываясь от воды. Элли барахталась в волнах, охваченная ужасом.

Лев увидел, что девочка тонет.

– Садись на меня, – пропыхтел он, – поплывем на ту сторону реки! – И он опустил перед Элли на все четыре лапы.

Собрав последние силы, девочка вскарабкалась на спину Льва и судорожно вцепилась в мокрую косматую гриву. Тотопку она крепко держала левой рукой.

– Прощайте, друзья! – проревел Лев и, оттолкнувшись от Железного Дровосека, заработал лапами, мощно рассекая волны.

– ...щай! – слабо донесся отклик Страшилы, и Железный Дровосек исчез за пеленой дождя.

Лев плыл долго и упорно. Силы покидали его, но смелость наполняла его сердце, и, гордый собой, он испустил грозный рев. Этим торжествующим ревом Лев хотел показать, что он готов погибнуть, но ни одна капля трусости не закрадется в его смелое сердце.

Но что за чудо? Из влажной мглы послышался ответный рев льва.

– Там земля! Туда! Туда!

С удесятеренной силой Лев бросился вперед, и перед ним зачернел неведомый высокий берег. Ему отвечал не лев, а эхо!

Лев выбрался на землю, опустил окоченевшую Элли, обняв ее передними лапами, и стал согревать своим горячим дыханием.

Страшила держался за Железного Дровосека, пока намокшие руки еще служили ему. Потом волны оторвали его от Дровосека и повлекли, качая, как щепку. Умная голова Страшилы с драгоценными мозгами оказалась тяжелее туловища. Мудрый правитель Изумрудного города плыл вниз головой, и вода смывала последнюю краску с его глаз, рта и ушей.

Железный Дровосек еще виднелся среди волн, но поднимающаяся вода заливала его. Вот лишь воронка осталась над водой, потом скрылась и она. И неустрашимый добродушный Железный Дровосек весь исчез в разбушевавшейся реке.

* * *

Элли, Лев и Тотошка три дня ожидали на берегу спада воды. Погода была прекрасная, солнце ярко светило, и вода в Большой реке убывала быстро. На четвертый день Лев поплыл к острову. Элли с Тотошкой в руках сидела на его спине.

Выйдя на остров, Элли увидела, что река покрыла его илом и тиной. Лев и девочка пошли в разные стороны, наудачу. И скоро впереди показалась бесформенная фигура, облепленная илом и опутанная водорослями. Нетрудно было узнать в этой фигуре Железного Дровосека. Огромными прыжками Лев примчался на зов Элли и разбросал засохшую грязь и тину.

Непобедимый Железный Дровосек стоял в той же позе, в которой остался посреди волн. Элли пучком травы оттерла заржавевшие части Дровосека, отвязала от его пояса масленку и смазала ему челюсти...

– Спасибо, милая Элли, – были первые его слова, – ты снова возвращаешь меня к жизни! Здравствуй, Лев, старый дружище! Как я рад тебя видеть!

Лев отвернулся: он плакал от радости и спешил вытереть слезы кончиком хвоста.

Скоро все суставы Железного Дровосека пришли в действие, и он весело зашагал рядом с Элли, Тотошкой и Львом. Они искали плот. По дороге Тотошка бросился к куче водорослей, принялся и начал разрывать ее лапами.

– Водяная крыса? – спросила Элли.

– Стану я беспокоиться из-за такой дряни, – с пренебрежением ответил Тотошка. – Нет, тут кое-что получше!

Под водорослями что-то вдруг блеснуло, и, к великой радости Элли, показалась Золотая Шапка. Девочка нежно обняла песика и поцеловала его в мордочку, измазанную тиной, а Шапку спрятала в корзинку.

Путники нашли плот, крепко привязанный к шестам, вбитым в землю. Очистив плот от грязи и тины, они поплыли вниз по реке, огибая остров, на котором потерпели бедствие. Миновав длинную песчаную косу, путешественники попали в главное русло Большой реки. На правом берегу виднелся кустарник. Элли попросила Железного Дровосека править туда: она увидела на кусте шляпу Страшилы.

– Ура! – закричали все четверо.

Скоро нашли и самого Страшилу, висевшего среди кустов в причудливой позе. Он был мокрый и растрепанный и не отвечал на приветствия и расспросы товарищей: вода начисто смыла у него рот, глаза и уши. Не удалось найти только великолепную трость Страшилы – подарок Мигунов: очевидно, ее унесло водой.

Друзья вытащили Страшилу на песчаный берег, потрясли солому и разостлали на солнышке, развесили сушить костюм и шляпу. Голова сушилась вместе с отрубями; вытряхивать драгоценные мозги девочка побоялась.

Когда солома высохла, Страшилу набили, голову поставили на место, и Элли вытащила из-за пояса краски и кисть в непромокаемой жестяной коробке, которыми она запаслась в Изумрудном городе.

Элли прежде всего нарисовала Страшиле правый глаз, и этот правый глаз дружески и очень нежно подмигнул ей.

Потом появился второй глаз, а за ним уши, и Элли еще не закончила рот, как веселый Страшила уже пел, мешая девочке рисовать:

– Эй-гей-гей-го! Элли опять спасла меня! Эй-гей-гей-го! Я снова-снова-снова с Элли!

Он пел, приплясывая, и уже не боялся, что его увидит кто-нибудь из подданных: ведь это была совершенно пустынная страна.

Лев становится царем зверей

Отдохнув после пережитых бедствий, путешественники отправились дальше. За рекой местность стала веселее. Появились тенистые рощи и зеленые лужайки. Через два дня путники вошли в огромный лес.

– Какой очаровательный лес! – воскликнул Лев. – Я не видел еще таких прелестных дремучих лесов. Мой родной лес куда хуже.

– Уж очень здесь мрачно, – заметил Страшила.

– Ни чуточки! – ответил Лев. – Смотрите, какой мягкий ковер из сухих листьев под ногами! И какой густой и зеленый мох свешивается с деревьев! Я хотел бы остаться здесь навсегда!

– В этом лесу, наверное, есть дикие звери, – сказала Элли.

– Странно было бы, если бы такое прекрасное место не было населено, – ответил Лев.

Как бы в подтверждение этих слов из чащи донесся глухой рев множества зверей. Элли испугалась, но Лев успокоил ее.

– Под моей охраной ты в безопасности! Разве ты забыла, что Гудвин дал мне смелость?

Утоптанная тропинка привела их на огромную поляну, где собрались тысячи зверей. Там были медведи, тигры, волки, лисицы и множество других животных. Ближайшие звери с любопытством уставились на Льва; по всей поляне разнесся слух о его прибытии.

Шум и рев стихли. Большой Тигр выступил вперед и низко поклонился Льву:

– Приветствуем тебя, царь зверей! Ты пришел вовремя, чтобы уничтожить нашего врага и принести мир животным этого леса.

– Кто ваш враг? – спросил Лев.

– В нашем лесу появился страшный зверь. С виду он походит на паука, но в десять раз больше буйвола. Когда он шагает через лес, за ним остается широкий след от поваленных деревьев. И кто бы ему ни попался, он хватает передними лапами, тащит ко рту и высасывает кровь. Мы собрались обсудить, как нам избавиться от него.

Лев подумал.

– Есть львы в вашем лесу? – спросил он.

– К великому нашему несчастью, ни одного.

– Если я уничтожу вашего врага, признаете ли вы меня своим царем и будете ли мне повиноваться?

– О, с удовольствием, с великим удовольствием! – дружно заревело звериное сборище.

– Я иду на бой! – отважно заявил Лев. – Охраняйте моих друзей, пока я не вернусь. Где чудовище?

– Вон там, – показал Тигр. – Иди по тропинке, пока не дойдешь до больших дубов. Там Паук переваривает пойманного утром быка.

Лев дошел до логовища Паука, окруженного поваленными деревьями. Паук был куда противнее двенадцатиногого зверя, сделанного Гудвином, и Лев рассматривал врага с отвращением. К огромному туловищу Паука прикреплялись мощные лапы со страшными когтями. Зверь был очень силен на вид, но голова его сидела на тонкой длинной шее.

«Вот самое слабое место чудовища», – подумал Лев. Он решил напасть на спящего Паука немедленно.

Изловчившись, Лев сделал длинный прыжок и упал прямо на спину зверя. Прежде чем Паук опомнился от сна, Лев ударом когтистой лапы перервал его тонкую шею и быстро отпрыгнул. Голова Паука покатила прочь, а туловище зацарапало когтями землю и вскоре затихло.

Лев отправился обратно. Придя на поляну, где звери с нетерпением ожидали его возвращения, он гордо заявил:

– Отныне вы можете спать спокойно: страшное чудовище уничтожено!

Восторженный рев звериного стада был ему ответом. Звери торжественно поклялись в верности Льву, а он сказал:

– Я вернусь, как только отправлю Элли в Канзас, и буду править вами мудро и милостиво.

Стелла, вечно юная волшебница Розовой страны

Остальной путь через лес прошел без приключений. Когда путешественники вышли из леса, перед ними открылась круглая скалистая гора. Обойти ее было нельзя – с обеих сторон дороги были глубокие овраги.

– Трудненько карабкаться на эту гору! – сказал Страшила. – Но гора – ведь это не ровное место, и раз она стоит перед нами, значит, надо через нее перелезть!

И он полез вверх, плотно прижимаясь к скале и цепляясь за каждый выступ. Остальные двинулись за Страшилой.

Они поднялись довольно высоко, как вдруг грубый голос крикнул из-за скалы:

– Назад!

– Кто там? – спросил Страшила.

Из-за скалы показалась чья-то странная голова.

– Это гора наша, и никому не позволено переходить ее.

– Но нам же нужно перейти, – вежливо возразил Страшила. – Мы идем в страну Стеллы, а другого пути здесь нет.

– Мы, Марраны, никого не пропускаем через свои владения!

На скалу с хохотом выскочил маленький коренастый человечек с большой головой на короткой шее. Его толстые руки сжимались в огромные кулаки, которыми он угрожал путникам. Человечек не казался очень сильным, и Страшила смело полез кверху.

Но тут случилась удивительная вещь. Странный человек, резко оттолкнувшись от земли, подпрыгнул в воздух, как резиновый мяч, и с лету ударил Страшилу в грудь головой и силь-

ными кулаками. Страшила, кувыркаясь, полетел к подножию горы, а человечек, ловко встав на ноги, захохотал и крикнул:

– А-ля-ля! Вот как это делается у нас, Марранов.

И точно по сигналу, из-за скал и бугров выскочили сотни Прыгунов: так называли их соседние народы.

– А-ля-ля! А-ля-ля! Попробуйте пройти! – грянул разноголосый хор.

Лев расвирепел и стремительно бросился в атаку, грозно рыча и хлеща себя хвостом по бокам. Но несколько Прыгунов, взлетев, так ударили его своими плоскими головами и крепкими кулаками, что Лев покатился по склону горы, кувыркаясь и мяукая от боли, как самый простой кот. Он встал сконфуженный и, хромя, отошел от подножия горы.

Железный Дровосек взмахнул топором, попробовал гибкость суставов и решительно полез вверх.

– Вернись, вернись! – закричала Элли и с плачем схватила его за руку. – Ты разобьешься о скалы! Как мы будем тебя собирать в этой глухой стране?

Слезы Элли мигом заставили Дровосека вернуться.

– Позовем Летучих Обезьян, – предложил Страшила. – Здесь без них никак не обойтись, пикапу, трикапу!

Элли вздохнула:

– Если Стелла встретит нас недружелюбно, мы будем беззащитны...

И здесь вдруг заговорил Тотощка:

– Стыдно признаваться умному псу, но правду не скроешь: мы с тобой, Элли, ужасные глупцы.

– Почему? – удивилась Элли.

– А как же! Когда нас с тобой нес предводитель Летучих Обезьян, он рассказал нам историю Золотой Шапки... Ведь Шапку-то можно передавать!

– Ну и что же? – все еще не понимала Элли.

– Когда ты истратишь последнее волшебство Золотой Шапки, ты передашь ее Страшиле, и у него опять будет три волшебства.

– Ура! Ура! – закричали все. – Тототшка, ты наш спаситель!

– Жаль, конечно, – скромно сказал песик, – что эта блестящая мысль не пришла мне в голову раньше. Мы тогда не пострадали бы от наводнения...

– Ничего не поделаешь, – сказала Элли. – Что прошло, того не воротишь...

– Позвольте, позвольте, – вмешался Страшила. – Это что же получается... Три, да три, да три... – Он долго считал по пальцам. – Выходит, что я, да Дровосек, да Лев, мы можем приказывать Летучим Обезьянам еще целых девять раз!

– А про меня ты позабыл? – обиженно сказал Тототшка. – Я ведь тоже могу быть владельцем Золотой Шапки!

– Я про тебя не позабыл, – со вздохом признался Страшила, – да я не умею считать дальше десяти...

– Это огромный недостаток для правителя, – серьезно заметил Железный Дровосек, – и я займусь тобой в свободное время.

Теперь Элли смело могла истратить свое последнее волшебство. Она говорила волшебные слова, а Страшила повторял их, приплясывая от радости и грозя кулаками воинственным Марранам.

В воздухе раздался шум, и стая Летучих Обезьян опустилась на землю.

– Что прикажете, владелица Золотой Шапки? – спросил предводитель.

– Отнесите нас к дворцу Стеллы, – ответила Элли.

– Будет исполнено!

И путники мигом очутились в воздухе.

Пролетая над горой, Страшила делал чудовищные гримасы Прыгунам и отчаянно ругался. Прыгуны высоко подсакивали в воздух, но не могли достать Обезьян и бесновались от злости.

Кольцо гор, а с ними и вся страна Марранов быстро остались позади, и взору путников открылась живописная плодородная страна Болтунов, которой управляла добрая волшебница Стелла.

Болтуны были милые, приветливые люди и хорошие работники. У них был единственный недостаток – они страшно любили болтать. Даже находясь в одиночестве, они по целым часам говорили сами с собой. Могущественная Стелла никак не могла отучить их от болтовни. Однажды она сделала их немыми, но Болтуны быстро нашли выход из положения: они научились объясняться жестами и по целым дням толпились на улицах и площадях, размахивая руками. Стелла увидела, что даже ей не под силу переделать Болтунов, и вернула им голос.

Любимым цветом в стране Болтунов был розовый, как у Жевунов – голубой, у Мигунов – фиолетовый, а в Изумрудном городе – зеленый. Дома и изгороди были окрашены в розовый, а жители одевались в ярко-розовые платья.

Перед дворцом Стеллы Обезьяны опустили друзей.

Караул у дворца несли три красивые девушки. Они с удивлением и страхом смотрели на появление Летучих Обезьян.

– Прощай, Элли! – дружески сказал предводитель Обезьян Уорра. – Сегодня ты вызывала нас в последний раз.

– Прощайте, прощайте! – закричала Элли. – Большое спасибо!

И Обезьяны улетели с шумом и смехом.

– Не слишком радуйтесь! – крикнул им вдогонку Страшила. – В следующий раз у вас будет новый повелитель, и от него вы не отделаетесь так просто.

– Можно ли видеть добрую волшебницу Стеллу? – с замиранием сердца спросила Элли девушку из караула.

– Скажите, кто вы такие и зачем сюда прибыли, и я доложу о вас, – ответила старшая.

Элли рассказала, и девушка отправилась с докладом, а остальные приступили к путникам с расспросами. Но они еще не успели ничего узнать, как девушка вернулась:

– Стелла просит вас во дворец.

Элли умылась, Страшила почистился, Железный Дровосек смазал суставы и тщательно отполировал их тряпочкой с наждачным порошком, а Лев долго отряхивался, разбрасывая пыль. Их накормили сытным обедом, а затем провели в богато убранный розовый зал, где на троне сидела волшебница Стелла. Она показалась Элли очень красивой и доброй и удивительно юной, хотя вот уже много веков правила страной Болтунов. Стелла ласково улыбнулась вошедшим, усадила их в кресла и, обращаясь к Элли, молвила:

– Рассказывай свою историю, дитя мое!

Элли начала длинный рассказ. Стелла и ее приближенные слушали с большим интересом и сочувствием.

– Чего же ты хочешь от меня, дитя мое? – спросила Стелла, когда Элли окончила.

– Верните меня в Канзас, к папе и маме. Когда я подумаю о том, как они горюют обо мне, у меня сердце сжимается от боли и жалости...

– Но ведь ты рассказывала, что Канзас – скучная и серая пыльная степь. А посмотри, как красиво у нас!

– И все же я люблю Канзас больше вашей великолепной страны! – горячо ответила Элли. – Канзас – моя родина.

– Твое желание исполнится. Но ты должна отдать мне Золотую Шапку.

– О, с удовольствием, сударыня! Правда, я собиралась передать ее Страшילה, но уверена, что вы распорядитесь ею лучше, чем он.

– Я распоряжусь так, чтобы волшебства Золотой Шапки пошли на пользу твоим друзьям, – сказала Стелла и обратилась к Страшילה: – Что вы думаете делать, когда Элли покинет нас?

– Я хотел бы вернуться в Изумрудный город, – с достоинством ответил Страшила. – Гудвин назначил меня правителем Изумрудного города, а правитель должен жить в том городе, которым он правит. Ведь не могу же я управлять Изумрудным городом, если останусь в Розовой

стране! Но меня смущает обратный путь через страну Марранов и через Большую реку, где я тонул.

– Получив Золотую Шапку, я вызову Летучих Обезьян, и они отнесут вас в Изумрудный город. Нельзя лишать народ такого удивительного правителя.

– Так это правда, что я удивительный? – просияв, спросил Страшила.

– Больше того: вы единственный! И я хочу, чтобы вы стали моим другом.

Страшила с восхищением поклонился доброй волшебнице.

– А вы чего хотите? – обратилась Стелла к Железному Дровосеку.

– Когда Элли покинет эту страну, – печально начал Дровосек, – я буду очень грустить.

Но я хотел бы попасть в страну Мигунов, избравших меня правителем. Я постараюсь хорошо править Мигунами, которых очень люблю.

– Второе волшебство Золотой Шапки заставит Летучих Обезьян перенести вас в страну Мигунов. У вас нет таких замечательных мозгов, как у вашего товарища Страшилы Мудрого, но вы имеете любящее сердце, у вас такой блестящий вид, и я уверена, что вы будете прекрасным правителем для Мигунов. Позвольте и вас считать своим другом.

Железный Дровосек медленно склонился перед Стеллой.

Потом волшебница обратилась ко Льву:

– Теперь вы скажите о ваших желаниях.

– За страной Марранов лежит чудесный дремучий лес. Звери этого леса признали меня своим царем. Поэтому я очень хотел бы вернуться туда и провести там остаток своих дней.

– Третье волшебство Золотой Шапки перенесет Смелого Льва к его зверям, которые, конечно, будут счастливы, имея такого царя. И я тоже рассчитываю на вашу дружбу.

Лев важно подал Стелле большую сильную лапу, и волшебница дружески пожаловала ее.

– Потом, – сказала Стелла, – когда исполнятся три последних волшебства Золотой Шапки, я верну ее Летучим Обезьянам, чтобы никто больше не мог беспокоить их выполнением своих желаний, часто бессмысленных и жестоких.

Все согласились с тем, что лучше распорядиться Шапкой невозможно, и прославили мудрость и доброту Стеллы.

– Но как же вы вернете меня в Канзас, сударыня? – спросила девочка.

– Серебряные башмачки перенесут тебя через леса и горы, – ответила волшебница. – Если бы ты знала их чудесную силу, то вернулась бы домой в тот же день, когда твой домик раздавил злую Гингему.

– Но ведь тогда я не получил бы моих удивительных мозгов! – воскликнул Страшила. – Я до сих пор пугал бы ворон на фермерском поле.

– А я не получил бы моего любящего сердца, – сказал Железный Дровосек. – Я стоял бы в лесу, ржавел, пока не рассыпался бы в прах!

– А я до сих пор оставался бы трусом, – проревел Лев, – и, конечно, не сделался бы царем зверей!

– Все это правда, – ответила Элли, – и я ничуть не жалею, что мне так долго пришлось прожить в стране Гудвина. Я только слабая, маленькая девочка, но я любила вас и всегда старалась помочь вам, мои милые друзья! Теперь же, когда исполнились ваши заветные желания, я должна вернуться домой, как было написано в волшебной книге Виллины.

– Нам больно и грустно расставаться с тобой, Элли, – сказали Страшила, Дровосек и Лев, – но мы благословляем ту минуту, когда ураган забросил тебя в Волшебную страну. Ты научила нас самому дорогому и самому лучшему, что есть на свете, – дружбе!..

Стелла улыбнулась девочке. Элли обняла за шею большого Смелого Льва и нежно перебирала его густую косматую гриву. Она целовала Железного Дровосека, и тот горько плакал, забыв о своих челюстях. Она гладила мягкого, набитого соломой Страшилу и целовала его милое, добродушное, разрисованное лицо...

– Серебряные башмачки обладают многими чудесными свойствами, – сказала Стелла, – но самое удивительное их свойство в том, что они за три шага перенесут тебя хоть на край света. Надо только стукнуть каблуком о каблук и назвать место...

– Так пусть же они перенесут меня сейчас в Канзас!

Но когда Элли подумала, что она навсегда расстанется со своими верными друзьями, с которыми ей так много пришлось пережить вместе, которых она столько раз спасала и которые в свою очередь самоотверженно спасали ее, сердце ее сжалось от горя, и она громко зарыдала.

Стелла сошла с трона, нежно обняла Элли и поцеловала ее на прощание.

– Пора, дитя мое! – ласково сказала она. – Расставаться тяжело, но час свидания сладок. Вспомни, что сейчас ты будешь дома и обнимешь своих родителей. Прощай, не забывай нас!

– Прощай, прощай, Элли! – воскликнули друзья.

Элли схватила Тотошку, стукнула каблуком о каблук и крикнула башмачкам:

– Несите меня в Канзас, к папе и маме!

Неистовый вихрь закружил Элли, все слилось перед ее глазами, солнце заискрилось на небе огненной дугой, и, прежде чем девочка успела испугаться, она опустилась на землю так внезапно, что перевернулась несколько раз и выпустила Тотошку из рук...

Заключение

Когда Элли опомнилась, она увидела недалеко новый домик, поставленный ее отцом вместо фургона, унесенного ураганом.

Мать в изумлении смотрела на нее с крыльца, а со скотного двора бежал радостный отец, отчаянно размахивая руками.

Элли бросилась к ним и заметила, что она в одних чулках: волшебные башмачки потерялись во время последнего, третьего, шага девочки. Но Элли не пожалела о них: ведь в Канзасе нет чудес.

Она очутилась на руках у матери, и та осыпала поцелуями и обливала слезами личико Элли.

– Уж не с неба ли ты вернулась к нам, моя крошка?

– О, я была в Волшебной стране Гудвина, – просто ответила девочка. – Но я все время думала о вас... и... ездил ли ты, папочка, на ярмарку?

– Ну что ты, Элли, – ответил тот со смехом и слезами. – До ярмарки ли нам тут было, когда мы считали тебя погибшей и страшно горевали о тебе!

Несколько дней прошло в непрерывных рассказах Элли об удивительной стране Гудвина и о верных друзьях – Мудром Страшиле, Добром Дровосеке, Смелом Льве.

Тотошка присутствовал при этих рассказах. Он не мог подтвердить их словами, так как, вернувшись в Канзас, потерял дар речи, но его хвостик красноречиво говорил вместо языка.

Излишне говорить, что бой с соседским Гектором произошел в первый же вечер после возвращения Тотошки из Волшебной страны. Битва окончилась вничью, и противники почувствовали такое сильное уважение друг к другу, что стали неразлучными друзьями, и с тех пор делали набеги на окрестных собак только вместе.

Фермер Джон поехал в соседний городок на ярмарку и повел девочку в цирк. Там Элли неожиданно встретила Джеймса Гудвина, и взаимной радости не было конца.

Урфин Джюс и его деревянные солдаты

Одинокий столяр

Юго-запад Волшебной страны населяли Жевуны – робкие и милые человечки, у которых взрослый мужчина ростом не превышал восьмилетнего мальчика из тех краев, где люди не знают чудес.

Повелительницей Голубой страны Жевунов была Гингема, злая волшебница, обитавшая в глубокой темной пещере, к которой Жевуны боялись приближаться. Но среди них, ко всеобщему удивлению, нашелся человек, построивший себе дом неподалеку от жилища колдуньи. Это был некий Урфин Джюс.

От своих добрых, мягкосердечных соплеменников Урфин еще в детстве отличался сварливым характером. Он редко играл с ребятами, а если вступал в игру, то требовал, чтобы все ему подчинялись. И обычно игра с его участием оканчивалась дракой.

Родители Урфина умерли рано, и мальчика взял в ученики столяр, живший в деревеньке Когида. Подрастая, Урфин становился все неуживчивее, и когда изучил столярное ремесло, то без сожаления покинул своего воспитателя, даже не поблагодарив его за науку. Однако добрый ремесленник дал ему инструменты и все необходимое для начала работы.

Урфин стал искусным столяром, он мастерил столы, скамейки, сельскохозяйственные орудия и многое другое. Но как это ни странно, злобный и сварливый характер мастера передавался его изделиям. Сделанные им вилы старались боднуть своего владельца в бок, лопаты колотили по лбу, грабли норовили зацепить за ноги и опрокинуть.

Урфин Джюс лишился покупателей.

Он стал делать игрушки. Но у вырезанных им зайцев, медведей и оленей были такие свирепые морды, что дети, взглянув на них, пугались и потом плакали всю ночь. Игрушки пылились в чулане Урфина, никто их не покупал.

Урфин Джюс разозлился, забросил привычное ремесло и перестал показываться в деревне. Он стал жить плодами своего огорода.

Одинокий столяр так ненавидел своих сородичей, что старался ни в чем не походить на них. Жевуны жили в круглых домиках голубого цвета с остроконечными крышами и с хрустальными шариками наверху. Урфин Джюс построил себе четырехугольный дом, выкрасил его в коричневый цвет, а на крышу посадил чучело орла.

Жевуны носили голубые кафтаны и голубые ботфорты, а кафтан и ботфорты Урфина были зеленого цвета. У Жевунов шляпы были остроконечными, с широкими полями,

а под полями болтались серебряные бубенчики. Урфин Джюс терпеть не мог бубенчиков и ходил в шляпе без полей. Мягкосердечные Жевуны плакали при всяком случае, а в мрачных глазах Урфина никто никогда не видел слезинки.

Жевуны получили свое прозвище за то, что их челюсти постоянно двигались, как будто что-то пережевывая. Была такая привычка и у Джюса, но он, хотя и с большим трудом, отделился от нее.

Урфин по целым часам гляделся в зеркало и при первой же попытке своих челюстей приняться за жевание тотчас останавливал их.

Да, большая сила воли была у этого человека, только, к сожалению, он направлял ее не на добро, а на зло.

* * *

Прошло несколько лет. Однажды Урфин Джюс явился к Гингеме и попросил старую колдунью взять его в услужение. Злая волшебница очень обрадовалась: в продолжение столетий ни один Жевун не вызывался добровольно служить Гингеме, и все ее приказания исполнялись только под угрозой кары. Теперь у колдуньи появился помощник, с охотой исполнявший всевозможные поручения. И чем неприятнее были для Жевунов распоряжения Гингемы, тем с большим усердием передавал их Урфин. Угрюмому столяру особенно нравилось ходить по деревушкам Голубой страны и налагать на жителей дань – столько-то и столько змей, мышей, лягушек, пиявок и пауков.

Жевуны ужасно боялись змей, пауков и пиявок. Получив приказ собирать их, маленькие робкие человечки начинали рыдать. При этом они снимали шляпы и ставили их на землю, чтобы бубенчики своим звоном не мешали им плакать. А Урфин смотрел на слезы своих сородичей и злобно хохотал. Потом в назначенный день являлся с большими корзинами, собирал дань и отвозил ее в пещеру Гингемы. Там это добро либо шло в пищу колдунье, либо употреблялось на злые волшебства.

В тот день, когда домик Элли раздавил Гингему, Урфина не было возле колдуньи: он ушел по ее делам в отдаленную часть Голубой страны. Известие о гибели волшебницы вызвало у Джюса и огорчение, и радость. Он жалел, что потерял могущественную покровительницу, но рассчитывал воспользоваться теперь богатством и властью волшебницы.

В окрестностях пещеры было безлюдно. Элли с Тотойшкой ушли в Изумрудный город.

У Джюса появилась мысль поселиться в пещере и объявить себя преемником Гингемы и повелителем Голубой страны – ведь робкие Жевуны не сумеют этому воспротивиться.

Но задымленная пещера со связками копченых мышей на гвоздиках, с чучелом крокодила под потолком и прочими принадлежностями волшебного ремесла выглядела такой сырой и мрачной, что даже Урфин содрогнулся.

– Брр!.. – пробормотал он. – Жить в этой могиле?.. Нет уж, благодарю покорно!

Урфин начал разыскивать серебряные башмачки колдуньи, так как знал, что Гингема дорожила ими больше всего. Но напрасно он обшаривал пещеру – башмачков не было.

– Ух-ух-ух! – насмешливо раздалось с высокого насеста, и Урфин вздрогнул.

Сверху на него смотрели глаза филина, светившиеся желтым светом во мраке пещеры.

– Это ты, Гуам?

– Не Гуам, а Гуамоколатокинт, – сварливо возразил тщеславный филин.

– А где другие филины?

– Улетели.

– Почему ты остался?

– А что мне делать в лесу? Ловить птиц, как простые филины и совы? Фи!.. Я слишком стар и мудр для такого хлопотливого занятия.

У Джюса мелькнула хитрая мысль.

– Послушай, Гуам... – Филин молчал... – Гуамоко... – Молчание. – Гуамоколатокинт!

– Слушаю тебя, – отозвался филин.

– Хочешь жить у меня? Я буду кормить тебя мышами и нежными птенчиками.

– Не даром, конечно? – буркнула мудрая птица.

– Люди, увидев, что ты мне служишь, посчитают меня волшебником.

– Неплохо придумано, – сказал филин. – И для начала моей службы скажу, что ты напрасно ищешь серебряные башмачки. Их унес маленький зверек неизвестной мне породы.

Зорко оглядев Урфина, филин спросил:

– А когда ты начнешь есть лягушек и пиявок?

– Что? – удивился Урфин. – Есть пиявок? Зачем?

– Затем, что эта пища положена злым волшебникам по закону. Помнишь, как добросовестно Гингема ела мышей и закусывала пиявками?

Урфин вспомнил и содрогнулся: еда старой волшебницы всегда вызывала у него отвращение, и во время завтраков и обедов Гингема он под каким-нибудь предлогом уходил из пещеры.

– Послушай, Гуамоко... Гуамоколатокинт, – заискивающе сказал он, – а нельзя ли обойтись без этого?

– Я тебе сказал, а дальше твое дело, – сухо закончил разговор филин.

Урфин со вздохом собрал кое-какое имущество колдуньи, посадил филина на плечо и отправился домой.

Встречные Жевуны, завидев мрачного Урфина, испуганно шарахались в сторону.

Вернувшись к себе, Урфин зажил в своем доме с филином, не встречаясь с людьми, никого не любя, никем не любимый.

Чудесный порошок

Необыкновенное растение

Однажды вечером разразилась сильная буря. Думая, что эту бурю вызвал злой Урфин Джюс, Жевуны ежились от страха и ждали, что их домики вот-вот рухнут.

Но ничего такого не случилось. Зато, встав утром и осматривая огород, Урфин Джюс увидел на грядке с салатом несколько ярко-зеленых росточков необычного вида. Очевидно, семена их были занесены в огород ураганом. Но из какой части страны они прилетели, навсегда осталось тайной.

– Давно ли я полел грядки, – проворчал Урфин Джюс, – и вот опять лезут эти сорняки. Ну, погодите, вечером я с вами расправлюсь.

Урфин отправился в лес, где у него были расставлены силки, и провел там целый день. Тайком от Гуамоко он захватил с собой сковородку и масло, зажарил жирного кролика и с наслаждением съел.

Вернувшись домой, Джюс ахнул от удивления. На салатной грядке поднимались в рост человека мощные ярко-зеленые растения с продолговатыми мясистыми листьями.

– Вот так штука! – вскричал Урфин. – Эти сорняки не теряли времени!

Он подошел к грядке и дернул одно из растений, чтобы вытащить его с корнем. Не тут-то было! Растение даже не подалось, а Урфин Джюс занозил себе руки мелкими острыми колючками, покрывавшими ствол и листья.

Урфин рассердился, вытащил из ладоней колючки, надел кожаные рукавицы и вновь принялся тянуть растение из грядки. Но у него не хватило силы. Тогда Джюс вооружился топором и принялся рубить растения под корень.

«Хряк, хряк, хряк», – врубался топор в сочные стебли, и растения падали на землю.

– Так, так, так! – торжествовал Урфин Джюс. Он воевал с сорняками, как с живыми врагами.

Когда расправа была кончена, наступила ночь, и утомленный Урфин пошел спать.

На следующее утро он вышел на крыльцо, и волосы у него на голове встали дыбом от изумления.

И на салатной грядке, где остались корни неизвестных сорняков, и на гладко утопанной дорожке, куда столяр оттащил срубленные стебли, – везде плотной стеной стояли высокие растения с ярко-зелеными мясистыми листьями.

– Ах, вы так! – злобно взревел Урфин Джюс и ринулся в бой.

Срубленные стебли и выкорчеванные корни столяр рубил в мелкие куски на чурбаке для колки дров.

В конце огорода, за деревьями, был пустырь. Туда Урфин Джюс таскал изрубленные в кашу растения и в гневе расшвыривал во все стороны.

Работа продолжалась целый день, но наконец огород был очищен от захватчиков, и усталый Урфин Джюс пошел отдыхать. Спал он плохо: его мучили кошмары, ему чудилось, что неизвестные растения окружают его и стараются поранить колючками.

Встав на рассвете, столяр первым делом отправился на пустырь посмотреть, что там творится. Отворив калитку, он тихо охнул и бессильно опустился на землю, потрясенный тем, что увидел. Жизненная сила незнакомых растений оказалась необычайной. неплодородная земля пустыря была сплошь покрыта молодой порослью.

Когда Урфин накануне в ярости разбрасывал зеленое крошево, его брызги попадали на столбы забора, на стволы деревьев: эти брызги пустили там корни, и оттуда выглядывали молодые растеньица.

Пораженный внезапной догадкой, Урфин сбросил с себя сапоги. На их подошвах густо зеленели крошечные ростки. Росточки выглядывали из швов одежды. Чурбак для колки дров весь оцетинился побегам. Джюс бросился в чулан: рукоятка топора тоже была покрыта молодой порослью.

Урфин сел на крыльцо и задумался. Что делать? Уйти отсюда и поселиться в другом месте? Но жалко покидать удобный вместительный дом, огород.

Урфин подошел к филину. Тот сидел на насесте, прищурив от дневного света желтые глаза. Джюс рассказал о своей беде. Филин долго покачивался на жердочке, раздумывая.

– Попробуй изжарь их на солнышке, – посоветовал он.

Урфин Джюс мелко изрубил несколько молодых побегов, сложил на железный лист с загнутыми краями и вынес на открытую площадку под жаркие солнечные лучи.

– Посмотрим, прорастете ли вы здесь! – зло пробормотал он. – Если прорастете, я уйду из этих мест.

Растения не проросли. У корней не хватило силы пройти сквозь железо. Через несколько часов жаркое солнце Волшебной страны обратило зеленую массу в бурый порошок.

– Все-таки не напрасно я кормлю Гуама, – сказал довольный Урфин. – Мудрая птица...

Захватив тачку, Джюс отправился в Когиду собирать у хозяев железные противни, на которых пекут пироги. Он вернулся с тачкой, доверху наполненной противнями.

Урфин погрозил кулаком своим недругам.

– Теперь-то я с вами разделаюсь, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Началась прямо каторжная работа. Урфин Джюс не покладал рук с зари до зари, только днем делая короткий перерыв.

Он действовал очень аккуратно. Наметив небольшую площадку, он тщательно очищал ее от растений, не оставляя ни малейшей частички. Выкопанные с корнями растения он измельчал в железном тазу и раскладывал сушить на противни, расставленные ровными рядами на солнечном месте. Бурый порошок Урфин Джюс ссыпал в железные ведра и закрывал железными крышками. Упорство и настойчивость делали свое дело. Столяр не давал врагу ни малейшей лазейки.

Участок, занятый ярко-зелеными колючими сорняками, уменьшался с каждым днем. И вот настал момент, когда последний куст обратился в легкий бурый порошок.

За неделю работы Джюс так измотался, что еле стоял на ногах.

Переступая через порог, Урфин споткнулся, ведро накренилось, и часть бурого порошка просыпалась на медвежью шкуру, лежавшую у порога вместо ковра.

Столяр не видел этого; он убрал последнее ведро, закрыл его, как обычно, доплелся до кровати и уснул мертвым сном.

Проснулся он от того, что кто-то настойчиво теребил его за руку, свесившуюся с кровати. Открыв глаза, Урфин оцепенел от ужаса: у кровати стоял медведь и держал в зубах рукав его кафтана.

«Я погиб, – подумал столяр. – Он меня загрызет... Но откуда в доме взялся медведь? Дверь-то была закрыта...»

Минуты шли, медведь не проявлял враждебных намерений, а только тащил Урфина за рукав, и вдруг послышался хриплый басистый голос:

– Хозяин! Пора вставать, слишком долго спишь!

Урфин Джюс был так изумлен, что кубарем свалился с кровати: медвежья шкура, раньше лежавшая у порога, стояла на четырех лапах у постели столяра и мотала головой.

«Это ожила шкура моего ручного медведя. Она ходит, разговаривает... Но отчего это? Неужели просыпанный порошок?..»

Чтобы проверить свою догадку, Урфин обратился к филину:

– Гуам... Гуамоко!..

Филин молчал.

– Послушай, ты, наглая птица! – свирепо заорал столяр. – Довольно я ломал язык, полностью выговаривая твое проклятое имя! Если не хочешь отвечать, убирайся в лес и сам добывай себе пищу!

Филин ответил примирительно:

– Ладно, не кипятись! Гуамоко так Гуамоко, но на меньшее я не согласен. О чем ты хотел меня спросить?

– Правда ли, что жизненная сила неизвестного растения так велика, что даже его порошок оживил шкуру?

– Правда. Об этом растении я слышал от мудрейшего из филинов, моего прадеда Каритофилакси...

– Хватит! – рявкнул Урфин. – Замолчи! А ты, шкура, убирайся на место, не мешай мне думать!

Шкура послушно отошла к порогу и улеглась на привычном месте.

– Вот так штука! – бормотал Урфин Джюс, усевшись у стола и подперев лохматую голову руками. – Вопрос теперь в том, полезная для меня эта штука или нет?

После долгих размышлений честолюбивый столяр решил, что эта штука для него полезная, так как дает ему большую власть над вещами.

Но надо было еще проверить, как велика сила живительного порошка. На столе стояло сделанное Урфином чучело попугая с синими, красными и зелеными перьями. Столяр достал щепоточку бурого порошка и посыпал голову и спину чучела.

Произошла удивительная вещь. Порошок с легким шипением задымился и начал исчезать. Его бурые крупинки словно таяли, всасываясь в кожу попугая между перьями. Чучело задвигалось, подняло голову, осмотрелось... Оживший попугай взмахнул крыльями и с резким криком вылетел в открытое окно.

– Действует! – в восторге заорал Урфин Джюс. – Действует!.. На чем бы еще попробовать?

К стене в виде украшения были прибиты огромные олени рога, и Урфин щедро посыпал их живительным порошком.

– Посмотрим, что из этого будет, – ухмыльнулся столяр.

Результата пришлось ждать не очень долго. Опять легкий дымок над рогами, исчезновение крупинок... Затрещали выдираемые из стены гвозди, рога свалились на пол и с дикой яростью бросились на Урфина Джюса.

– Караул! – завопил испуганный столяр, удирая от рогов.

Но те с неожиданной ловкостью преследовали его повсюду: на кровати, на столе и под столом. Медвежья шкура в страхе сжалась у закрытой двери.

– Хозяин! – закричала она. – Открой дверь!..

Увертываясь от ударов, Урфин отодвинул засов и вылетел на крыльцо. За ним с ревом неслась медвежья шкура, а дальше дико подпрыгивали рога. Все это смешалось на крыльце в вопящую и кувыркающуюся кучу, покатилося по ступенькам. А из дома несло насмешливое уханье филина. Рога вышибли калитку и огромными скачками понеслись к лесу. Урфин Джюс, помятый и ушибленный, поднялся с земли.

– Черт побери! – простонал он, ощупывая бока. – Это уж чересчур!

Шкура с укором молвила:

– Разве ты не знаешь, хозяин, что сейчас самая пора, когда олени страшно драчливы. Еще хорошо, что ты остался жив... Ну, теперь и достанется оленям в лесу от этих рогов! – И медвежья шкура хрипло захохотала. Из этого Урфин заключил, что с порошком надо обращаться осторожно и не оживлять что попало. В комнате был полнейший разгром: все было поломано, опрокинуто, посуда перебита, в воздухе кружился пух из распоротой подушки. Джюс сердито сказал филину:

– Почему ты не предупредил меня, что опасно оживлять рога?

Злопамятная птица ответила:

– Гуамоколатокинт предупредил бы, а Гуамоко не хватило для этого пронизательности.

Решив рассчитаться с филином за его коварство позднее, Урфин начал наводить в комнате порядок. Он поднял с пола когда-то сделанного им деревянного клоуна. У клоуна было свирепое лицо и рот с оскаленными острыми зубами, и потому его никто не купил.

– Ну, я думаю, ты не натворишь столько бед, сколько рога, – сказал Урфин и посыпал клоуна порошком.

Сделав это, он поставил игрушку на стол, а сам сел рядом на табуретку и замечтался. Опомнился он от острой боли: ожившая игрушка вцепилась ему зубами в палец.

– И ты туда же, дрянь! – рассвирепел Урфин Джюс и с размаху швырнул клоуна на пол.

Тот заковылял в дальний угол, спрятался за сундук и остался сидеть там, мотая для собственного удовольствия руками, ногами и головой.

Честолюбивые планы Урфина Джюса

Однажды Урфин сидел на крыльце и слушал, как в доме переругивались медвежья шкура и Гуамоко.

– Ты, филин, не любишь хозяина, – ворчала шкура. – Нарочно молчал, когда он оживил рога, а ведь знал, что это опасно... И все-то ты хитришь, филин, все хитришь. Насмотрелся я на вашего брата, когда жил в лесу. Вот погоди, доберусь до тебя...

– Ух-ух-ух! – издевался филин с высокого насеста. – Ну и напугала, пустая болтушка!

– Что я пустая, это верно, – сокрушенно призналась шкура. – Попрошу хозяина набить меня опилками, а то уж очень легка я на ходу, никакой устойчивости, любой ветерок свалит с ног...

«А это хорошо придумано, – заметил про себя Джюс, – надо будет так и сделать».

Голоса в доме становились все громче, и Урфин гневно прикрикнул:

– Ну, вы там, разгалделись! Замолчать!

Спорщики продолжали браниться шепотом.

Урфин Джюс строил планы на будущее. Конечно, он должен теперь занять более высокое положение в Голубой стране. Урфин знал, что Жевуны после смерти Гингема выбрали в правители уважаемого старика Према Кокуса.

Под управлением доброго Кокуса Жевунам жилось легко и свободно.

Вернувшись в дом, Урфин заходил по комнате. Филин и медвежья шкура умолкли. Джюс рассуждал вслух:

– Почему Жевунами правит Прем Кокус? Разве он умнее меня? Разве он такой искусный мастер, как я? Разве у него такая же величавая осанка? – Урфин Джюс гордо выпрямился, выпятил грудь, надул щеки. – Нет, Прему Кокусу далеко до меня!

Медвежья шкура угодливо подтвердила:

– Верно, хозяин, у тебя очень внушительный вид!

– Тебя не спрашивают, – рявкнул Урфин и продолжал: – Прем Кокус гораздо богаче меня, это правда! У него большие поля, где работает много людей. Но теперь, когда у меня есть живительный порошок, я могу наделать себе сколько угодно работников, они расчистят лес, и у меня тоже будут поля... Стой! А что, если не работников, а солдат? Да-да-да! Я наделаю себе свирепых, сильных солдат, и пусть тогда Жевуны осмелятся не признать меня своим правителем!

Урфин в волнении забегал по комнате.

«Даже дрянной маленький клоун укусил меня так, что до сих пор больно, – думал он, – а если сделать деревянных людей в человеческий рост, научить их владеть оружием... Да ведь тогда я смогу помериться силами с самим Гудвином...»

Но столяр тут же боязливо зажал себе рот: ему показалось, что он сказал эти дерзкие слова вслух. А вдруг услышал их Великий и Ужасный? Урфин вжал голову в плечи и ожидал, что вот-вот его поразит удар невидимой руки. Но все было спокойно, и у Джюса отлегло на душе.

«Все-таки надо быть поосторожнее, – подумал он. – На первое время достаточно с меня Голубой страны. А там... там...»

Но он даже мысленно не решился простирать свои мечты дальше.

...Урфин Джюс знал красоту и богатство Изумрудного города. В молодости ему довелось побывать там, и воспоминания не покидали его до сих пор.

Урфин видел там удивительные дома: у них верхние этажи нависали над нижними, и кровли противостоящих домов почти сходились над улицами. На мостовых всегда было сумрачно и прохладно, туда не проникали жаркие лучи солнца. В этом сумраке неторопливо прогуливались обитатели города, все в зеленых очках. Таинственным светом сияли изумруды, вкрапленные не только в стены домов, но даже между камнями мостовых...

Столько сокровищ! Волшебник не содержал для их охраны многочисленную армию – все войско Гудвина состояло из одного-единственного Солдата, которого звали Дин Гиор. Впрочем, зачем нужна была Гудвину армия, если одним своим взглядом он мог испепелить полчища врагов?

У Дина Гиора была одна забота – ухаживать за своей бородой. Ну, уж это была и борода! Она тянулась до самой земли, Солдат расчесывал ее с утра до вечера хрустальным гребешком, а иногда заплетал ее, как косу.

По случаю дворцового праздника Дин Гиор показывал на площади солдатские приемы на потеху собравшимся зевакам. Он так ловко управлялся с мечом, копьём и щитом, что привел в восторг зрителей.

Когда парад кончился, Урфин подошел к Дину Гиору и спросил:

– Достопочтенный Дин Гиор, не могу не высказать вам свое восхищение. Скажите, где вы изучали эти премудрости?

Польщенный Солдат ответил:

– В старое время в нашей стране часто бывали войны, об этом я прочитал в летописи. Я разыскал старинные военные рукописи, где рассказано, как начальники учили солдат, каковы были воинские приемы, как отдавались приказы. Я усердно изучил все это, применил на деле... и вот результаты!..

Чтобы вспомнить военные приемы Солдата, Урфин решил заняться с деревянным клоуном.

– Эй, клоун! – закричал он. – Где ты?

– Я здесь, хозяин, – отозвался пискливый голос из-за сундука. – Ты опять будешь драться?

– Вылезай, не бойся, я не сержусь на тебя. И кстати, раз уж ты ожил, я дам тебе человеческое имя: отныне ты будешь называться Эот Линг.

Эот Линг выбрался из своего убежища.

– Сейчас я посмотрю, на что ты способен, – сказал Урфин. – Маршировать умеешь?

– А что это такое, хозяин?

– Зови меня не хозяином, а повелителем! Я это и тебе говорю, шкура!

– Слушаюсь, повелитель! – в один голос ответили клоун и медвежья шкура.

– Маршировать – это значит ходить, отбивая шаг, поворачивать по приказу направо и налево или кругом.

Эот Линг оказался довольно сообразительным и перенимал солдатскую науку быстро, но он не мог взять деревянную саблю, выстроганную Урфином. У клоуна не было пальцев, а кисти просто заканчивались кулаками.

– Придется моим будущим солдатам делать гибкие пальцы, – решил Урфин Джюс.

Ученье продолжалось до самого вечера. Урфин устал командовать, но деревянный клоун был все время свеж и бодр, он не показывал никаких признаков утомления. Конечно, этого и следовало ожидать: разве может уставать дерево?

Во время урока медвежья шкура с восхищением глядела на своего повелителя и шепотом повторяла все его приказы. А Гуамоко презрительно щурил желтые глаза.

Урфин был в восхищении. Но теперь им овладела тревожная мысль: вдруг у него украдут живительный порошок? Он закрыл дверь на три засова, заколотил чулан, где стояли ведра с порошком, и все же спал тревожно, просыпаясь при каждом шорохе и стуке.

Можно было раздать Жевунам взятые у них железные противни, которые теперь были не нужны столяру. Джюс решил свое новое появление в Когиде обставить торжественно. Тачку он переделал в тележку, чтобы запрягать в нее медвежью шкуру. И тут он вспомнил подслушанный разговор шкуры с филином.

– Послушай, шкура! – сказал он. – Я заметил, что ты слишком легка и неустойчива на ходу, и потому решил набить тебя опилками.

– О, повелитель, как ты мудр! – в восторге завопила простодушная шкура.

В сарае Урфина опилок накопились груды, и набивка прошла быстро. Закончив ее, Джюс задумался.

– Вот что, шкура, – сказал он. – Я тоже дам тебе имя.

– О, повелитель! – радостно вскричала медвежья шкура. – И это имя будет такое же длинное, как у филина?

– Нет, – сухо ответил Джюс. – Наоборот, оно будет коротким. Ты будешь называться Топотун, медведь Топотун.

Добродушному медведю новое имя очень понравилось.

– Как здорово! – воскликнул он. – У меня будет самое звучное имя в Голубой стране. Топотун! Пусть-ка теперь филин попробует задирать передо мной нос!

Топотун грузно затопал из сарая, радостно ворча:

– Вот теперь чувствуешь себя настоящим медведем.

Урфин запряг Топотуна в тележку, взял с собой Гуамоко и клоуна и с большим шиком въехал в Когиду. Железные противни грохотали, когда тележка подпрыгивала на кочках, и пораженные Жевуны сбегались толпами.

– Урфин Джюс – могучий волшебник, – перешептывались они. – Он оживил ручного медведя, издохшего в прошлом году...

Джюс слышал обрывки этих разговоров, и сердце его переполнялось гордостью. Он приказал хозяйкам разобрать противни, и те, боязливо косясь на медведя и филина, очистили тележку.

– Понимаете теперь, кто господин в Когиде? – сурово спросил Урфин.

– Понимаем, – смиренно ответили Жевуны и заплакали.

Дома, поразмыслив, Урфин Джюс решил, что станет расходовать порошок крайне экономно. Он приказал жестянщику сделать несколько фляг с плотно завинчивающимися крышками, пересыпал в них порошок и закопал фляги под деревом в саду. В надежность чулана он уже не верил.

Рождение деревянной армии

Урфин Джюс понимал, что если он один будет трудиться над созданием деревянной армии, даже и немногочисленной, то работа затянется надолго.

В Когиде появился медведь и заревел трубным голосом. Сбежались перепуганные Жевуны.

– Наш повелитель Урфин Джюс, – объявил Топотун, – приказал, чтобы к нему каждый день приходили по шесть мужчин заготавливать бревна в лесу. Они должны являться со своими топорами и пилами.

Жевуны подумали, заплакали... и согласились.

В лесу Урфин Джюс пометил деревья, которые нужно было свалить, и указал, как их надо распиливать.

Заготовленные кряжи из лесу во двор Урфина перевозил Топотун. Там столяр расставлял их сушить, но не на солнце, а в тени, чтобы они не потрескались.

Через несколько недель, когда бревна высохли, Урфин Джюс принялся за работу. Он начерно обтесывал туловища, делал заготовки для рук и ног. Урфин задумал на первое время ограничиться пятью взводами солдат, по десять в каждом взводе: он считал, что этого вполне достаточно, чтобы захватить власть над Голубой страной.

Во главе каждого десятка встанет капрал, а командовать всеми будет генерал – предводитель деревянной армии.

Солдатские туловища Урфин хотел делать из сосны, так как ее легче обрабатывать, но головы к ним столяр решил приделать дубовые, на тот случай, если солдатам придется драться головами. Да и вообще солдатам, которые не должны рассуждать, дубовые головы подойдут лучше всего.

Для капралов Урфин заготовил красное дерево, а для генерала с большим трудом разыскал в лесу драгоценный палисандр. Сосновые солдаты с дубовыми головами будут почитать капралов из красного дерева, а эти в свою очередь станут благоговеть перед красивым палисандровым генералом.

Изготовление деревянных фигур в полный человеческий рост было для Урфина делом новым, и для начала он соорудил пробного солдата. Конечно, у этого солдата было свирепое лицо, глазами послужили стеклянные пуговицы. Оживляя солдата, Урфин посыпал ему голову и грудь чудесным порошком, несколько замешкался, и вдруг деревянная рука, разогнувшись, нанесла ему такой сильный удар, что он отлетел на пять шагов. Разозлившись, Урфин схватил топор и хотел было изрубить лежавшую на полу фигуру, но тут же опомнился.

«Себе работы наделаю, – подумал он. – Однако и силища же у него... С такими солдатами я буду непобедим!»

Сделав второго солдата, Урфин Джюс задумался: много месяцев уйдет на создание его армии. А ему не терпелось отправиться в поход. И он решил обратиться в подмастерьев двух первых солдат.

Обучить деревянных людей столярному ремеслу оказалось нелегко. Дело продвигалось так туго, что даже настойчивый Джюс терял терпение и осыпал своих деревянных учеников неистовой руганью:

– Ну и бестолочь! Что за дуболомы!..

И вот однажды на сердитый вопрос учителя: «Ну кто же ты после этого?» – ученик, гулко хлопнув себя по деревянной груди деревянным кулаком, ответил: «Я – дуболом!»

Урфин разразился громким хохотом:

– Ладно! Так и называйтесь дуболомами, это самое подходящее для вас имя!

Когда дуболомы научились немного столярничать, они стали помогать мастеру в работе: вытесывали туловища, руки и ноги, выстругивали пальцы для будущих солдат.

Но дело не обошлось без смешных случаев. Однажды Урфину понадобилось отлучиться. Он дал подмастерьям пилы и приказал распилить десяток бревен на куски. Возвратившись и увидев, что натворили его подручные, Урфин рассвирепел. Работники быстро распилили бревна, и так как дела больше не оказалось, они принялись пилить все, что попало под руку: верстаки, забор, ворота... На дворе валялись груды обломков, годных только на дрова. Однако и этого не хватило деревянным пильщикам, пока хозяин на свою беду задержался: подмастерья с бессмысленным усердием пилили друг другу ноги!

В другой раз дуболом раскалывал клиньями толстый чурбан. Выбивая клинья топором, который он держал в правой руке, неопытный подмастерье засунул в щель пальцы другой руки. Клинья вылетели, и пальцы оказались намертво защемленными. Дуболом понапрасну дергал их, а потом, чтобы освободиться, обрубил себе пальцы левой руки.

С тех пор Урфин не оставлял своих помощников без надзора.

Наладив изготовление солдат, Урфин стал делать капралов из красного дерева.

Капралы вышли на славу: ростом они были выше солдат, с еще более мощными руками и ногами, со злыми красными лицами, способными напугать кого угодно.

Солдаты не должны были знать, что их командиров вытесали из дерева, как и их самих, поэтому Урфин делал капралов в другом помещении.

Воспитанию капралов Урфин Джюс посвятил много времени. Капралы должны были понять, что в сравнении со своим повелителем они – ничтожество и любой его приказ для них – закон. Но для солдат они, капралы, – требовательные и суровые начальники, их подчиненные обязаны их почитать и повиноваться им. Как знак власти Урфин вручил капралам дубинки из железного дерева и сказал, что не будет взыскивать, если они поломают дубинки о спины своих подчиненных.

Чтобы возвысить капралов над рядовыми, Урфин дал им собственные имена – Арум, Бефар, Ватис, Гитон и Дарук. Когда обучение капралов было закончено, они с важным видом появились перед солдатами и сразу же поколотили их за недостаточное усердие. Солдаты не чувствовали боли. Но они с огорчением рассматривали следы ударов на своих гладко выстроганных телах.

Отобрав нужные материалы и инструменты, Урфин Джюс заперся в доме, поручил Топотуну надзор за деревянным воинством, а сам приступил к работе над палисандровым генералом. Урфин старательно отделывал будущего военачальника, который поведет в бой его деревянных солдат.

Две недели ушло на выделку генерала, а простой солдат получался за три дня. Генерал вышел роскошный: по всему его туловищу, по рукам и ногам, по голове и лицу шли красивые разноцветные узоры, все тело было отполировано и блестело.

Урфин оживил генерала, тот спрыгнул с верстака и, свирепо вращая глазами, двинулся на хозяина. Джюс сначала оробел, а потом, осмелев, скомандовал:

– Стой! Смирно! – Генерал замер. – Слушать мои слова! Вы – генерал Лан Пирот, командующий непобедимой армией Урфина Джюса. А Урфин Джюс – это я, ваш господин и повелитель! Понятно? Повторить!

Деревянная фигура хрипло, но четко повторила:

– Я – генерал Лан Пирот, командующий непобедимой армией Урфина Джюса. Вы – Урфин Джюс, мой господин и повелитель... А почему вы мой повелитель? – вдруг усомнился генерал. – Может быть, наоборот? Я повыше вас ростом, да и силы у меня побольше...

Генерал грозно шагнул к Урфину, тот в испуге отступил, а потом сердито закричал:
– Топотун! Покажи этому наглецу, кто здесь повелитель!

Медведь дал генералу здоровую затрещину, тот полетел кувырком. Поднявшись, он смущенно сказал:

– Ну, зачем сразу такие крутые меры, повелитель? Смотрите, какая вмятина получилась на голове...

– Вмятину я заделаю, зато вы теперь знаете, кто из нас главный.

– Да уж, буду знать. А где моя непобедимая армия?

Узнав, что у него в подчинении будут пять капралов и пятьдесят рядовых дуболомов, а впоследствии и еще больше, Лан Пирот утешился.

Пока Лан Пирот под руководством Урфина Джюса учился военной науке, овладевал оружием и усваивал генеральские манеры, работа в мастерской шла днем и ночью, благо деревянные подмастерья никогда не уставали.

И вот на дворе появились Урфин Джюс и блестящий, внушительный генерал Лан Пирот. Дуболомы сразу прониклись благоговением перед таким представительным начальником.

Генерал устроил армии смотр и разнес ее за недостаточно бравый вид.

– Я вобью в вас воинский дух, – рычал полководец хриплым начальственным басом. – Вы у меня поймете, что такое служба!

При этом он потрясал генеральской булавой, которая была втрое тяжелее капральских жезлов: одним ударом этой булавы можно было разбить любую дубовую голову.

С этого дня Лан Пирот ежедневно устраивал своей армии многочасовые учения, а Урфин Джюс быстро пополнял ее новыми солдатами.

За упорство, с каким Урфин создавал деревянную армию, хитрый филин Гуамоко начал уважать его. Филин понял, что его услуги не так уж нужны Джюсу, а житье у нового волшебника было сытное и беззаботное. Гуамоко прекратил свои насмешки над Урфином и стал чаще называть его повелителем. Это нравилось Джюсу, и между ним и филином установились хорошие отношения.

А медведь Топотун был вне себя от восторга, видя, какие чудеса совершает его владыка. И он требовал, чтобы все дуболомы выказывали повелителю величайший почет.

Однажды Лан Пирот не очень быстро встал при появлении Урфина Джюса и недостаточно низко ему поклонился. За это медведь отвесил генералу такой тумак своей могучей лапой, что тот покатился кубарем. К счастью, этого не видели солдаты, и авторитет генерала не пострадал, чего нельзя сказать о его полированных боках.

Но с тех пор Лан Пирот стал необычайно почтителен не только к повелителю, но и к его верному медведю.

Наконец, дуболомная армия в составе генерала, пяти капралов и пятидесяти рядовых была обучена строю и обращению с оружием. У солдат не было сабель, но Урфин вооружил их дубинками. Для начала этого было достаточно: дуболомов нельзя было застрелить из луков или заколоть копьями.

Поход дуболомов

В одно злосчастное для них утро жители Когиды всполошились от сильного топота: это маршировала по улице деревянная армия Урфина Джюса. Впереди важно шагал палисандровый генерал с огромной булавой в руке, за ним шло войско с капралами перед каждым взводом.

– Ать-два, ать-два! – командовали капралы, и солдаты дружно отбивали шаг деревянными ступнями.

Сбоку ехал на медведе Урфин Джюс и любовался своим воинством.

– Ар-р-мия, стой! – оглушительно рявкнул Лан Пирот, деревянные ноги стукнули одна о другую, и армия остановилась.

Испуганные обитатели деревни, высыпав из своих домов, стояли на крылечках и у ворот. – Слушайте меня, жители Когиды! – громко провозгласил Урфин Джюс. – Я объявляю себя правителем Голубой страны! Сотни лет Жевуны служили волшебнице Гингеме. Гингема погибла, но не исчезло ее волшебное искусство, оно перешло ко мне. Вы видите этих деревянных людей: я сделал и оживил их. Достаточно мне сказать слово, и моя неуязвимая деревянная армия перебьет вас всех и разрушит ваши дома. Признаете вы меня своим повелителем?

– Признаем, – ответили Жевуны и отчаянно зарыдали.

Головы Жевунов тряслись от неудержимого плача, а бубенчики под шляпами подняли радостный трезвон. Этот трезвон так не подходил к мрачному настроению Жевунов, что они сдернули свои шляпы и повесили их на специально врытые у крылечек столбики.

Урфин приказал всем расходиться по домам, но задержал кузнецов. Кузнецам он приказал выковать сабли для капралов и генерала и остро отточить.

Чтобы никто из жителей Когиды не предупредил Према Кокуса и чтобы тот не смог подготовиться к обороне, Урфин Джюс приказал дуболомам окружить деревушку и никого из нее не выпускать.

Урфин Джюс выгнал всех из дома старосты, поставил медведя у дверей на караул и лег спать.

Спал Урфин долго, проснулся только к вечеру и отправился проверять караулы.

Его удивило неожиданное зрелище. Генерал, капралы и солдаты были на своих постах, но все они прикрывались большими зелеными листьями и ветками.

– В чем дело? – спросил Урфин Джюс. – Что с вами случилось?

– Нам стыдно... – смущенно ответил Лан Пирот. – Мы – голые...

– Вот еще новости! – сердито закричал Урфин. – Вы – деревянные!

– Но мы же люди, повелитель, вы сами говорили об этом, – возразил Лан Пирот. – Люди носят одежду... И они нас дразнят...

– Не было печали! Дам вам одежду!

Деревянное воинство так обрадовалось, что трижды прокричало «ура» в честь Урфина Джюса.

Отпустив свою армию, Урфин призадумался: легко было обещать одежду пятидесяти шести деревянным воинам, но где ее взять? В деревушке, конечно, не найдется материи для мундиров, кожи для сапог и ремней, да и мастеров нет, чтобы выполнить такую большую работу.

Урфин рассказал о своем затруднении филину. Гуамоко поводил по сторонам большими желтыми глазами и бросил одно лишь слово:

– Краска!

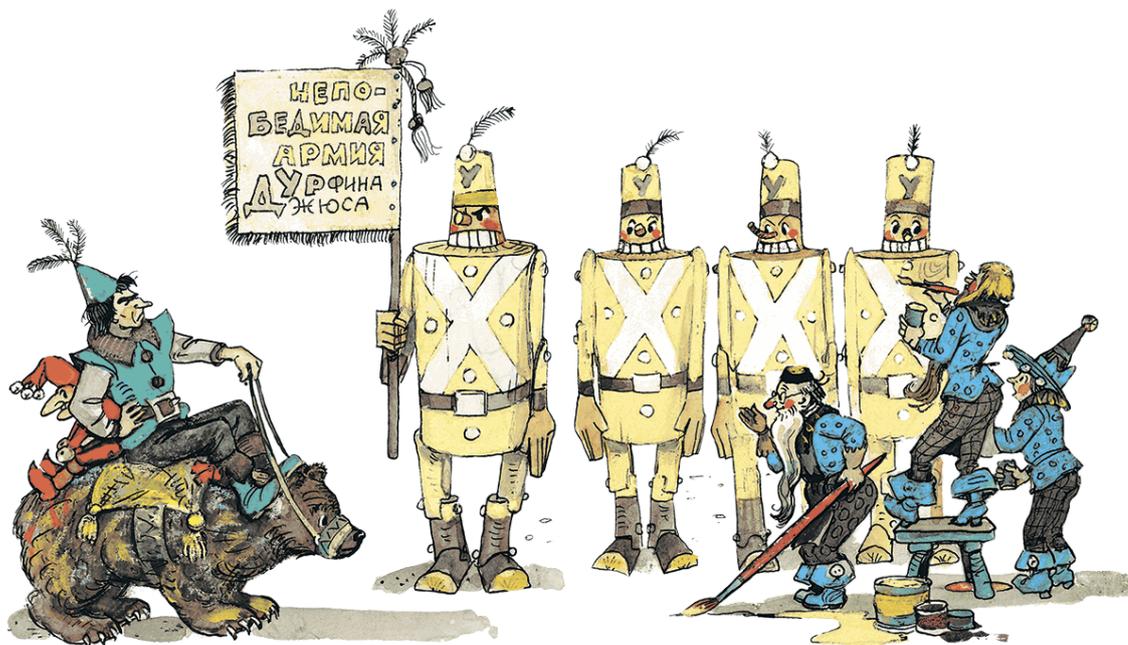
Это слово все объяснило Урфину. В самом деле: зачем одевать деревянные тела, которые не нуждаются в защите от холода, когда можно их просто раскрасить?

Урфин Джюс призвал к себе старосту и потребовал принести ему краски всех цветов, какие есть в деревне.

Расставив вокруг себя банки с красками и разложив кисти, Урфин принялся за дело. Он решил выкрасить на пробу одного солдата и посмотреть, что из этого получится. Намалевал на деревянном туловище желтый мундир с белыми пуговицами и ремнем, на ногах – штаны и сапоги.

Когда повелитель показал свою работу деревянным солдатам, те пришли в восторг и пожелали, чтобы их привели в такой же вид.

Одному Урфину трудно было управиться с работой, поэтому он привлек к ней всех местных маляров.

Дело закипело. Через два дня армия блистала свежей краской, от нее за милю несло скипидаром и олифой.

Первый взвод выкрасили в желтый цвет, второй – в голубой, третий – в зеленый, четвертый – в оранжевый и пятый – в фиолетовый.

Капралам для отличия от солдат были пририсованы ленты через плечо соответствующего цвета, которыми капралы очень возгордились. Плохо только то, что у солдат не хватило ума дождаться, когда краска высохнет. Восхищаясь друг другом, они тыкали пальцем одному в живот, в грудь, в плечи. Получались пятна, и от этого дуболомы стали немного похожи на леопардов.

Генералу Джюс сумел доказать, что его прекрасные разноцветные узоры лучше всякой одежды.

Раскрашенная армия была в восторге, но тут возникло неожиданное затруднение. Дуболомы лицом походили один на другого, как две капли воды, и если командиры раньше различали их по расположению сучков, то теперь сучки были закрасены, и такая возможность исчезла.

Урфин Джюс, впрочем, не растерялся. Он нарисовал на груди и спине каждого солдата порядковый номер.

Эти опознавательные знаки и стали именами солдат, что было очень удобно.

Прежде приходилось вызывать солдат так:

– Эй ты, с сучком на брюхе, шаг вперед! Стой, стой, а ты куда? У тебя тоже сучок на брюхе? Ну, мне нужен не ты, а вон тот, у которого еще два маленьких сучка на левом плече...

Теперь дело обстояло гораздо проще:

– Зеленый номер один, два шага вперед! Как стоишь в строю, я тебя спрашиваю? Вот тебе, вот, вот!..

Раздавались глухие удары дубинки, и наказанный возвращался в строй.

Поход ничто больше не задерживало: сабли выкованы и отточены, нарисованные мундиры и штаны высохли. Урфин сделал седло, чтобы удобнее было ехать на медвежьей спине. К седлу он приторочил вместительные сумки, а в них спрятал фляги с живительным порошком – своей величайшей драгоценностью. Всей армии – вплоть до генерала – было строго запрещено дотрагиваться до сумок.

Некоторые дуболомы несли инструменты из мастерской Урфина: пилы, топоры, рубанки, сверла, а также запас деревянных голов, ног и рук.

Урфин Джюс запер свой дом на большие замки и приказал жителям Когиды не приближаться к нему. Деревянного клоуна он посадил за пазуху, предупредив, чтобы тот не вздумал кусаться. Филин пристроился на плече Урфина.

– Ать-два, ехал сзади на медведе, ать-два!левой, правой!

Армия выступила в поход на поместье Према Кокуса ранним утром. Она бодро отбивала ногу, а Урфин Джюси радовался, что нарисовал опознавательные знаки не только на груди у каждого солдата, но и на спине. Если кто-либо из них струсит в бою и побежит, то виновника сразу можно будет узнать и распилить на дрова.

Новый замысел

Завоевание Голубой страны досталось Джюсу очень легко. Прем Кокус и его работники были захвачены врасплох. Они даже не пытались сопротивляться свирепым дуболомам и сразу признали себя побежденными.

Государственный переворот совершился: Урфин Джюс стал повелителем обширной страны Жевунов.

За два года до этого в Волшебной стране случилось землетрясение. Дорогу в Изумрудный город пересекли два глубоких оврага, и сообщение между ним и страной Жевунов было прервано. Во время путешествия в Изумрудный город Элли и ее друзья перебрались через овраги, но это стоило им больших трудов. Робким Жевунам такой подвиг был не под силу, они предпочитали сидеть дома и довольствоваться теми новостями, которые переносили из края в край птицы.

Подслушивая птичьи разговоры (самыми осведомленными оказались сороки), Жевуны узнали о том, что Гудвин несколько месяцев тому назад покинул Волшебную страну, оставив своим преемником Страшилу Мудрого. Стало им известно и то, что Фея Убивающего Домика, которую Жевуны полюбили за то, что она освободила их от Гингемы, тоже вернулась к себе на родину.

Узнал обо всем этом и Урфин Джюс. Новости пришли к нему от Гуамоко, а тому поведали об этом лесные совы и филины.

Когда до Урфина дошли эти важные известия, бывший столяр, а теперь правитель Голубой страны Жевунов задумался. Ему показалось, что пришел подходящий момент осуществить свою мечту и захватить власть над Изумрудным городом. Таинственная личность Гудвина и его удивительная способность превращаться в различных зверей и птиц пугали Урфина Джюса, но теперешний правитель Страшила не внушал ему никакого страха. Правда, Урфина смущало прозвище Мудрый, которое дал Страшילה Гудвин.

Но Урфин говорил филину так:

– Предположим, что у Страшилы есть мудрость. Зато у меня – сила. Что он может со своей мудростью, когда у меня мощная армия, а у него всего-навсего один Длиннобородый Солдат? Есть у него надежный союзник – Железный Дровосек, но он не успеет прийти на помощь... Решено – отправляюсь завоевывать Изумрудный город!

Гуамоко одобрил план повелителя.

Армия Урфина Джюса выступила в поход.

Напрасно грозный завоеватель надеялся, что его воинственные замыслы останутся тайной для Страшилы. Те же самые птицы, которые разболтали в стране Жевунов последние новости Изумрудного города, донесли в город тревожную весть о том, что на его мирных жителей надвигается беда: идет армия мощных деревянных солдат по прозванию дуболомы. И ведет их бывший столяр Урфин Джюс, уже покоривший страну Жевунов.

Несколько десятков лет существовал Изумрудный город, и ни разу еще не грозило ему вражеское нашествие. Когда городом управлял Гудвин, все считали его непобедимым волшебником, и никто не осмеливался идти на него войной.

«Я, конечно, ничтожество в сравнении с Гудвином Великим и Ужасным, – горестно размышлял Страшила. – Стоило мне стать правителем, и вот уже на Изумрудный город идут враги. Но я не сдамся без боя...»

Страшила созвал военный совет. На этом совете присутствовали Длиннобородый Солдат Дин Гиор, Страж Ворот Фарамант, ворона Кагги-Карр, та самая, что надоумила Страшилу

раздобыть мозги (с тех пор она стала его лучшим другом и советником), и несколько именитых горожан.

Сделав коротенький доклад о планах Урфина Джюса, Страшила закончил так:

– Хорошо, что мы узнали об опасности. Времени терять нельзя, надо готовить крепкую оборону. Почтенный Дин Гиор, я назначаю тебя фельдмаршалом наших вооруженных сил.

Фельдмаршал тотчас изложил свои соображения. Он сказал:

– Я немедленно соберу мастеров, и они сегодня же начнут поднимать городские стены там, где они доступны для нападения. Мы обошьем ворота листами железа, чтобы их нельзя было протаранить. Я прикажу специальным командам таскать на стены как можно больше камней и тяжелых поленьев. И если понадобится, мы даже выковыряем изумруды из городских мостовых!

– Очень пре-ду-смо-три-тель-на-я программа, очень! – воскликнул Страшила. – Сразу видно, что ты – великий теоретик военного дела. Иди и принимайся за работу! А тебя, почтенный Фарамант, я назначаю начальником снабжения.

Фарамант тоже выдвинул свой проект действий.

– Я сейчас же разошлю продовольственные отряды по всем фермам, – сказал он. – Мы соберем в городе запасы муки, масла, сыра, яиц, пригоним стада скота и запасем для него сена. Враг может стоять под стенами целый год, но он не заморит нас голодом. Женщин и детей мы отправим в глубь страны, чтобы у нас не было лишних едоков.

– Очень прекрасный план, очень! – одобрил Страшила. – Иди и выполняй. Тебя, почтенная Кагги-Карр, я назначаю начальником связи. Думаю, тебе с твоими сильными крыльями такая должность придется по душе.

– О, я справлюсь с ней лучше всякого другого! – воскликнула Кагги-Карр. – Я разошлю птиц от города до страны Жевунов, и по этой эстафете мы будем иметь самые точные сведения о продвижении врага. И помимо этого я пошлю крылатых гонцов за Железным Дровосеком, пусть спешит к нам на помощь.

– Bravo, bravo! Я не ошибся в выборе помощников. Действуй, Кагги-Карр! (Она тут же улетела в открытое окно, а правитель обратился к горожанам.) Вам, друзья мои, придется выступить простыми бойцами за свободу родного города.

Горожане с энтузиазмом отозвались. Особенно усердствовал Руф Билан, коренастый человек с круглым багровым лицом. Он кричал и размахивал руками даже тогда, когда все остальные уже замолкли.

С большим достоинством Страшила произнес:

– Я не благодарю вас, друзья, за ваши пат-ри-о-ти-че-ские чувства, защищать родной город – ваш священный долг. Но довольно слов, за дело.

И все отправились туда, где их помощь была более всего необходима. Так сорвалась надежда Урфина Джюса захватить Изумрудный город врасплох.

* * *

Через три дня ускоренного похода деревянное воинство подошло к первому оврагу, который перерезал дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Здесь с дуболомами произошло приключение.

Деревянные солдаты привыкли ходить по ровному месту, и овраг не показался им чем-либо опасным. Первая шеренга дуболомов с капралом Арумом занесла правые ноги в воздух, одно мгновение колебалась над оврагом, а потом дружно ухнула вниз. Через несколько секунд грохот возвестил, что храбрые воины достигли цели. Других дуболомов это ничему не научило. Вторая шеренга двинулась вслед за первой, и Урфин с перекошенным от ужаса лицом заорал:

– Генерал, остановите войско!

Лан Пирот скомандовал:
– Армия, стой!

Гибель деревянных солдат была предотвращена, и осталось только выудить из оврага пострадавших и отремонтировать. Эта работа, а затем постройка надежного деревянного моста через овраг потребовала остановки на пять дней.

Но вот первый овраг остался позади, и дуболомы вступили в лес. Этот лес пользовался дурной славой в стране: в нем обитали огромные тигры необычайной силы и свирепости. У них

длинные острые клыки высывались из пасти наружу, как сабли, и потому этих зверей прозвали саблезубыми тиграми. Среди Жевунов ходило немало рассказов о страшных происшествиях, случившихся в Тигровом лесу.

Урфин боязливо оглядывался по сторонам.

Торжественно-тревожно было вокруг. Огромные деревья, покрытые свесившимися гирляндами седого мха, своими вершинами смыкались вверху, и под темно-зелеными сводами было сумрачно и сыро. Дорогу из желтого кирпича густо устилали опавшие листья, и тяжелые шаги дуболомов звучали приглушенно.

Сначала все шло благополучно, но вдруг к Урфину подскочил Лан Пирот.

– Повелитель! – крикнул он. – Из леса выглядывают звериные морды. Глаза у них желтые, а изо рта торчат белые сабли...

– Это саблезубые тигры, – сказал испуганный Урфин.

Присмотревшись, он увидел в зарослях десятки огоньков: это светились глаза хищников.

– Генерал, привести армию в боевую готовность!

– Слушаюсь, повелитель!

Урфина окружило кольцо деревянных солдат с дубинками и саблями в руках.

Саблезубые тигры нетерпеливо возились и пыхтели в чаще, но еще не осмеливались напасть: необычный вид добычи смущал их. И кроме того, они не чуяли запаха человека, а человек являлся их излюбленным лакомством. Вдруг ветерок донес до леса запах Урфина Джюса, и два тигра, самые голодные и нетерпеливые из всей компании, решились. Они выскочили из зарослей и взвились высоко над дорогой.

Но когда тигры уже готовы были опуститься в центр защищенного круга, сабли капралов по приказу Лана Пирота мгновенно взметнулись вверх, и звери, завывая, повисли на остриях. Заработали солдатские дубинки, круша головы и ребра тигров. С хищниками было покончено в один момент, и дуболомы отшвырнули их истерзанные тела к обочине дороги. Урфин Джюс пришел в неистовый восторг. Он тут же объявил армии благодарность.

Устрашенные тигры не посмели больше нападать на таких опасных врагов. Они еще полезали, посверкали глазами, для приличия порычали и, пристыженные, уползли в лесную чащу.

Урфину Джюсу пришла в голову мысль оживить шкуры убитых тигров – у него будут слуги, сильнее которых нет в Волшебной стране. Он уже распорядился снять с тигров шкуры, но вдруг, передумав, отменил приказ. Ведь если шкуры саблезубых тигров, известных свирепым нравом, восстанут против него, Урфина, то с ними невозможно будет справиться.

У второго оврага дуболомы сами остановились.

Перейдя овраг по наведенному через него мосту, армия вышла в поле. И тут Урфина ждала новая неприятность, о которой он не думал не гадал.

Дуболомы слишком мало видели за свою короткую жизнь и, встретив что-нибудь новое, терялись, не зная, как себя вести.

Попадись на дороге третий овраг, деревянные солдаты были бы осторожны. Но, на беду, им встретилась Большая река, через которую надо было переправляться по пути из страны Жевунов в Изумрудный город. А до этого дуболомы видели только маленькие ручьи, через них они перешагивали, даже не замочив ног. Поэтому обширная гладь реки показалась генералу Лану Пироту каким-то новым видом дороги, очень удобным для ходьбы.

Урфин Джюс не успел моргнуть глазом, как деревянный генерал рывкнул:

– За мной, моя храбрая армия!

С этими словами он сбежал с откоса в реку, а послушные дуболомы посыпались за ним.

Вода у берега была глубокая и текла быстро. Она подхватила генерала, капралов, солдат и повлекла их, кувыряя и сталкивая друг с другом. Напрасно Урфин Джюс в отчаянии метался по берегу и орал во все горло:

– Стойте, дуболомы! Стойте!

Солдаты исполняли приказы только своего генерала, вдобавок они не понимали, что происходит, и взвод за взводом шагал в воду.

Две-три минуты – и завоеватель остался без армии: всю ее унесла река!

Урфин рвал на себе волосы от злости и отчаяния.

Филин пробормотал:

– Не расстраивайся, повелитель. В молодости я бывал в этих краях, и мне помнится, что за несколько миль ниже река заросла камышом: наши воины должны там задержаться...

Слова филина немного успокоили Урфина. Нагрузив уцелевший столярный инструмент на Топотуна, Джюс отправился по берегу. После полутора часов быстрой ходьбы он увидел, что река стала шире и мельче, на ней появились камышовые острова, и возле них шевелились разноцветные пятна. Урфин Джюс вздохнул с облегчением: дело можно было исправить.

Рассмотрев среди солдат Лана Пирота, Урфин закричал:

– Эй, генерал, прикажите дуболомам плыть к берегу!

– А что значит плыть? – отозвался Лан Пирот.

– Ну тогда бредите, если мелко!

– А как это – бредут?

Урфин Джюс сердито плюнул и принялся строить плот. Спасение армии отняло у него больше суток. Деревянное воинство имело жалкий вид: краска на туловищах облупилась, разбухшие от воды руки и ноги двигались с трудом.

Пришлось устроить длительную стоянку. Солдаты лежали на берегу целыми взводами во главе с капрами и сохли, а Урфин сколачивал большой прочный плот.

Дорога из желтого кирпича шла на север, и видно было, что за ней давно не ухаживали. Она заросла кустарником, и только посредине оставалась узкая тропинка.

Дуболомы растянулись в колонну по одному. Первым шел капрал Бефар, длинную цепочку замыкал генерал Лан Пирот. Далее ехал на Топотуне Урфин Джюс.

Один лишь человек из этой странной армии мог чувствовать усталость и голод, и это был ее создатель и повелитель Урфин Джюс.

Подошел обеденный час, пора было устраивать привал, но капрал Бефар все топал да топал вперед, и за ним отбивали шаг неутомимые дуболомы. Урфин наконец не выдержал и сказал Лану Пироту:

– Генерал, передайте вперед, чтобы армия остановилась.

Лан Пирот легонько ткнул булавой в спину последнего солдата и начал:

– Передай...

Дуболом не стал дослушивать. Он понял, что по какой-то причине, известной начальству, и до которой ему, желтому номеру десять, нет никакого дела, надо передать вперед полученный удар. И со словом «Передай!» он сунул дубинкой в спину желтого девятого. Но удар получился немного сильнее.

– Передай! – крикнул девятый желтый и стукнул желтого восьмого так, что тот пошатнулся.

– Передай, передай, передай! – раздавалось по цепи, и удары становились все чаще и сильнее.

Дуболомы пришли в азарт. Дубинки колотили по крашеным спинам, некоторые солдаты падали...

Много времени прошло, прежде чем Урфину удалось навести порядок, и потрепанное деревянное войско выбралось на поляну посреди кустов, где был устроен привал.

После отдыха Урфин Джюс повел армию дальше на север.

* * *

Читатель, конечно, давно уж догадался, что о всех злоключениях деревянной армии Страшила быстро узнавал от связистов Кагги-Карр. Случай с оврагом заставил было правителя обрадоваться и подумать, что Урфин прекратит поход на Изумрудный город и поведет своих бестолковых солдат обратно. Но когда через несколько дней голубая сойка донесла, что дуболомы отремонтированы и армия уже строит мост через второй овраг, Страшила понял, что Урфин Джюс упорный, опасный враг и никакие препятствия не остановят его на пути к цели.

Приключение на Большой реке подтвердило такое мнение. Да, ничего не оставалось поданным Страшилы, как только готовить свой прекрасный город к обороне. И они работали самоотверженно, не жалея сил. Каменщики поднимали стены, кровельщики укрепляли ворота, горожане таскали на носилках груды булыжника и кирпича. Повсюду мелькали энергичные, подтянутые фигуры Страшилы, Дина Гиора, Фараманта. Кагги-Карр принимала рапорты от то и дело прилетавших курьеров.

В город мчались повозки с провизией, запряженные маленькими лошадками. Галопом, задрав хвосты, скакали коровы, подгоняемые пастухами.

Перейдя Большую реку, армия Урфина вступила в совершенно пустынный край. Здесь все было зеленое: и богатые дома жителей, стоявшие по краям дороги, и изгороди, и дорожные указатели. Но жители, предупрежденные вестниками Страшилы, покинули свои жилища. Боеспособные мужчины ушли защищать город, а старики, женщины и дети, захватив провизию и домашний скот, попрятались в лесных убежищах.

Урфин понял, что о его приближении известно Страшиле, и изо всех сил подгонял своих неутомимых, усердных солдат.

Успеют ли защитники Изумрудного города подготовиться к встрече ужасного врага? Вот в чем был вопрос.

История вороны Кагги-Карр

Мысль добыть мозги подсказала Страшиле ворона Кагги-Карр, немножко болтливая и сварливая, но в общем добродушная птица. Здесь необходимо рассказать, что с ней произошло после того, как Элли сняла Страшилу с шеста в пшеничном поле и увела с собой в Изумрудный город.

В этот раз Кагги-Карр не полетела за Элли и Страшилой. Она сочла пшеничное поле своей законной добычей и осталась на нем жить в большой компании ворон, галок и сорок. Она управлялась так хорошо, что когда фермер явился убирать урожай, он нашел там одну соломку.

– Вот и чучело не помогло, – горестно вздохнул фермер и, не интересуясь судьбой исчезнувшего Страшилы, ни с чем отправился домой.

А через некоторое время до Кагги-Карр по птичьей почте дошли вести, что какое-то чучело после отъезда великого волшебника Гудвина сделалось правителем Изумрудного

города. Так как вряд ли в Волшебной стране нашлось бы другое живое чучело, то Кагги-Карр справедливо решила, что это и есть то самое, которому она посоветовала искать мозги.

За такую прекрасную идею следовало потребовать награду, и ворона, не теряя времени, полетела в Изумрудный город. Добиться приема у Страшилы Мудрого оказалось не так-то легко: Дин Гиор не хотел пропускать к нему простую ворону, как он сказал.

Кагги-Карр страшно возмутилась.

– Простая ворона! – воскликнула она. – Да знаешь ли ты, Длинная Борода, что я самая старинная приятельница правителя, что я, можно сказать, его воспитательница и наставница, и без меня он никогда не достиг бы своего выдающегося поста! И если ты немедленно не доложишь обо мне Страшиле Мудрому, то тебе несдобровать.

Длиннобородый Солдат доложил о вороне правителю и, к своему большому изумлению, получил приказ немедленно ввести ее и оказать ей придворные почести.

Признательный Страшила навсегда запомнил ворону, оказавшую ему такую услугу. Он принял Кагги-Карр в присутствии придворных с огромной радостью. Правитель спустился с трона и прошел на своих мягких слабых ногах три шага навстречу гостье. В летописях его двора это было записано как величайший почет, когда-либо кому-либо оказанный!

По приказу Страшилы Мудрого Кагги-Карр была занесена в число придворных с чином первого отведывателя блюд дворцовой кухни. Сам Страшила не нуждался в пище, но держал открытый стол для своих придворных. Так как при Гудвине такого обычая не водилось, то придворные громко хвалили нового правителя за щедрость.

Тогда же Кагги-Карр было отведено во владение превосходное пшеничное поле неподалеку от стен города.

Осада Изумрудного города

Кагги-Карр, не довольствуясь своей важной должностью начальника связи, решила доказать Урфину Джюсу, что Изумрудный город – не такая легкая добыча, как он полагает. И доказать это должна была птичья рать, созванная вороной со всей страны.

В ожидании вражеского нашествия птицам надо было кормиться, и Кагги-Карр щедро предоставила им свое пшеничное поле. Она знала, что там не останется ни зернышка, но чем не пожертвуешь для свободы родной страны!

И вот на дороге, вымощенной желтым кирпичом, в миле от города показались громко топавшие деревянные люди со свирепыми лицами. Кагги-Карр тотчас отправила к Страшиле с донесением расторопного воробья, а сама повела свое воинство на врага.

Огромная стая галок, сорок и воробьев налетала на солдат Урфина Джюса. Птицы металась перед их лицами, царапали когтями спины, садились на головы, стараясь выклевать стеклянные глаза.

Кагги-Карр смело напала на самого Лана Пирота.

Дуболомы напрасно размахивали саблями и дубинками, птицы ловко увертывались, и удары попадали не туда, куда следует. Голубой солдат ткнул в руку зеленого, и тот, рассердившись, накинулся на него. А когда капрал Гитон бросился их разнимать, оранжевый дуболом, целясь в галку, отсек капралу ухо.

Завязалась всеобщая свалка. Урфин Джюс кричал и топал ногами. Топотун дико ревел и раздавал солдатам оплеухи направо и налево, пытаясь вбить в них дисциплину.

Да, по этой слишком горячей встрече Урфин Джюс понял, что перед ним стоит нелегкая задача. Какие-то ничтожные птицы, даже не орлы и ястребы, а сороки и вороны сумели устроить такую суматоху в его армии, а ведь впереди – городские стены, и на них люди, которые будут отчаянно защищать свою свободу.

Наконец порядок был восстановлен, птицы отогнаны, и армия нестройно двинулась к воротам.

На городской стене стояли Страшила со своим штабом и многочисленный отряд бойцов. Среди горожан особенно суетился краснолицый Руф Билан, призывая сограждан храбро защищать родной город, хотя в его призывах никто не нуждался.

Правитель и его советники внимательно разглядывали деревянную армию, приводившую себя в порядок. Они не обольщались первым маленьким успехом, понимая, что впереди – жестокая упорная борьба. Они выжидали, не предпринимая никаких военных действий.

Урфин Джюс неверно принял их бездействие за нерешительность. Он подошел с белым флагом к воротам и позвонил в колокол.

– Кто там? – спросил Страшила.

– Это я – могущественный Урфин Джюс, правитель Голубой страны Жевунов.

– Что вам нужно?

- Я хочу, чтобы Изумрудный город сдался и признал меня своим повелителем.
- Этого не будет, – с достоинством возразил Страшила.
- Тогда я возьму город приступом, и никому из вас не будет пощады.
- Попробуйте, – сказал правитель. Горожане поддержали его дружным гулом.

Урфин отступил от стены и отправил капрала Бефара с его взводом в ближайшую рощу. Там они свалили длинное дерево, очистили его от сучков и под предводительством Урфина Джюса и генерала двинулись к стене. Выстроившись в два ряда, дуболомы размахнулись столбом, как тараном, и ударили в ворота. Ворота затрещали.

И тут сверху полетели поленья, булыжники и обломки кирпичей. Один камень попал в плечо Урфину Джюсу и опрокинул его на землю. В непокрытую голову генерала угодило полено. На палисандровой голове Лана Пирота образовалась вмятина, а от нее побежали во все стороны трещины.

Урфин Джюс вскочил и пустился прочь от ворот, за ним по пятам следовал палисандровый генерал. Этого оказалось достаточно. Видя, что предводители бегут, дуболомы немедленно повернули и побежали за ними.

Вперемежку, натывая друг на друга, сбивая один другого с ног, перескакивая через упавших и бросая на бегу дубинки и сабли, неслись капралы, рядовые, сзади с ревом скакал испуганный Топотун. Их сопровождал оглушительный хохот горожан.

Войско остановилось вдали от стен города. Урфин Джюс тер плечо и сердито бранил генерала за трусость, а тот оправдывался тяжелой раной, щупая разбитую палисандровую голову.

– Вы ведь тоже отступили, повелитель, – говорил Лан Пирот.

– Вот дерево, – возмутился Урфин Джюс. – Вашу голову я заделаю, отполирую, и она станет как новенькая, а если мне голову пробьют, это смерть!

– А что такое смерть?

– Тьфу!

Урфин не стал больше разговаривать с генералом. Дело кончилось тем, что во всем обвинили солдат, и на них посыпались удары дубинок.

На следующий приступ армия не решилась, и был разбит лагерь вдалеке от ворот.

Началась осада города. Два или три раза деревянные солдаты приближались к воротам и всякий раз отступали, когда на них летели со стены камни.

Казалось, осаду можно было выдерживать до бесконечности. Но в защите города обнаружилось слабое место. Непривычных к военной службе горожан сломили усталость и тоска о семьях, покинувших город. Ночью их одолевал сон, и хотя фельдмаршал Дин Гиор ввел дежурства, дежурные тоже сваливались с ног. Страшила, никогда не устававший и не спавший, решил взять ночной досмотр на себя. Это принесло большую пользу в первую же ночь.

Страшила сидел на стене и смотрел в поле своими бессонными нарисованными глазами. И он увидел, как в лагере Урфина Джюса началась подготовка к штурму.

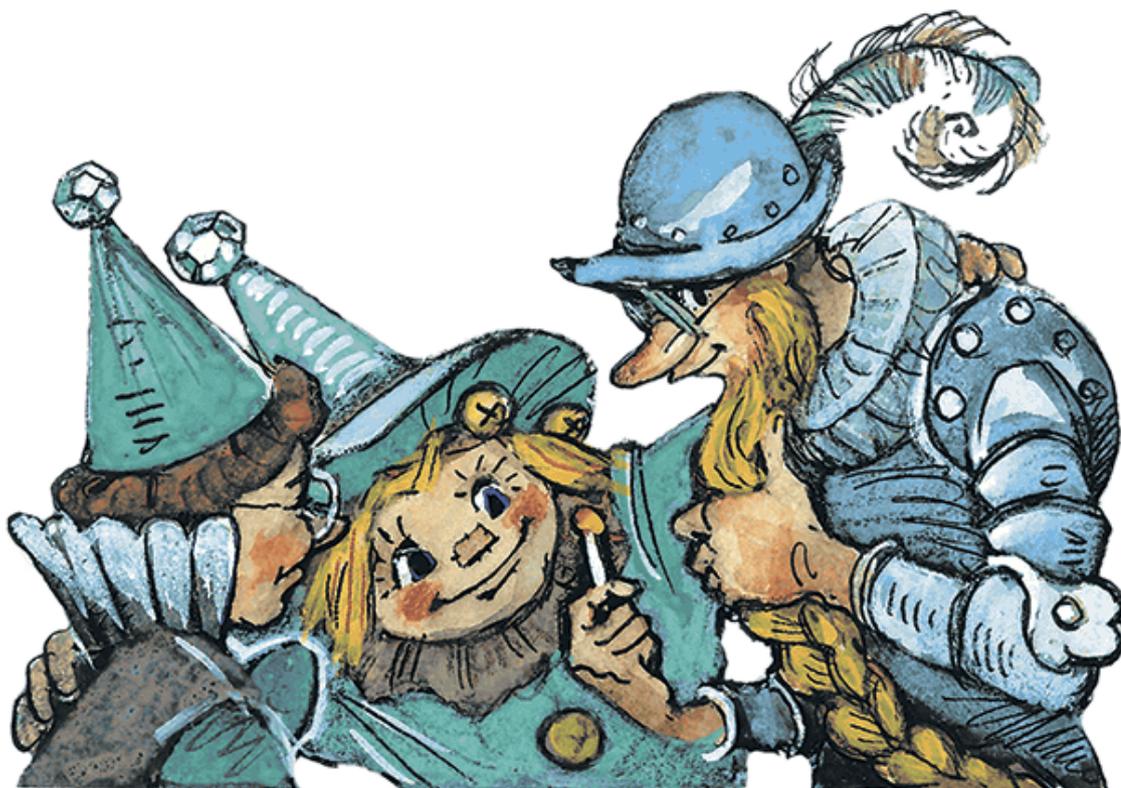
Не слыша за стеной никакого движения, враги стали незаметно подкрадываться к воротам. Они несли ломы и топоры, захваченные на ближайших фермах. Страшила разбудил бойцов, на головы нападающих посыпались поленья, камни, и армия Урфина Джюса бежала.

Страшила, обняв своими мягкими руками верных помощников Дина Гиора и Фараманта, рассуждал:

– Если бы я был на месте Урфина Джюса, я приказал бы своим солдатам защищать головы от камней деревянными щитами. И я уверен, что они так и сделают. Под прикрытием щитов они смело могут ломать ворота.

– Но как же тогда быть, правитель? – спросил Дин Гиор.

– Эти деревянные люди должны бояться того же, чего боюсь и я, – задумчиво сказал Страшила, – огня. А поэтому надо заготовить на стене побольше соломы и держать под руками спички.

Догадки Страшилы Мудрого оказались совершенно верными. Через некоторое время в самый глухой час ночи начался новый приступ. Солдаты Урфина Джюса подкрадывались к стене, держа над головами половинки от ворот, снятых на фермах. И тут на них полетели охапки горячей соломы. Деревянные солдаты уже потерпели бедствие от воды, так как не знали, что это такое. Они и об огне не имели понятия: пока Урфин Джюс их делал, он очень боялся пожара и даже не топил в доме печь. Теперь эта осторожность обернулась против него.

Горящая солома падала на землю, на щиты, которыми прикрывались дуболомы. А те с любопытством глядели на невиданное зрелище. Языки пламени в ночной темноте казались им удивительными яркими цветами, вырвавшимися с необычайной быстротой. Дуболомы даже и не думали защищаться от огня. Наоборот, некоторые совали в пламя руки и, не чувствуя боли, с глупым видом наблюдали, как на кончиках пальцев расцветают красные цветы. И уже несколько деревянных людей пылали, распространяя удушливый запах горелой краски...

Урфин Джюс видел, что его деревянной армии грозит нечто более ужасное, чем приключение на реке. Но что делать? Воды поблизости не было.

Выход подсказал Гуамоко.

– Забрасывай землей! – крикнул он растерявшемуся Урфину.

Первым за дело принялся Топотун. Сбив с ног капрала, у которого горела голова, медведь стал рыть землю мощными лапами и заваливать пламя. Потом и сами дуболомы поняли опасность и начали отбегать от горевшей соломы.

Армия отступила от ворот города с большим уроном. У нескольких дуболомов головы обгорели до того, что их надо было заменять новыми. У иных вывалились глаза, обгорели уши, а многие лишились пальцев...

– Эх, дуболомы, дуболомы! – вздыхал завоеватель. – Всем вы хороши: сильны, храбры, неутомимы... Вот только ума бы вам побольше!

Но чего нет, того нет!

Урфину Джюсу стало ясно, что Изумрудный город можно взять только измором. Это же было ясно и Страшила. Он устроил военный совет, в котором участвовала и Кагги-Карр.

Страшила думал так напряженно, что у него из головы полезли булавки и иголки, и голова стала похожа на ежа с железной щетиной. Он заговорил:

– Урфин Джюс привел с собой много солдат, но они все деревянные. Мой друг Дровосек, правитель страны Мигунов, один, но он железный. Железо не рубят деревом, а дерево рубят железом. Значит, железо крепче дерева, и если Железный Дровосек вовремя подоспел к нам на помощь, он разобьет деревянную армию Урфина.

Ворона отозвалась:

– Ты совершенно прав, друг мой, и я уже давно послала за ним воздушных гонцов. Но, к сожалению, Дровосек проходит профилактический ремонт, и этот ремонт у него что-то затянулся.

– Как, как ты сказала? – встрепнулся Страшила. – Проли-фа... Повтори!

– Профилактический.

– О, какое хорошее слово. А что оно означает?

– Ну, как тебе сказать? – замялась ворона. – Ну, это такое, что делается на всякий случай, чтобы чего-нибудь не вышло.

– Про-фи-лак-ти-че-ский, – медленно произнес по слогам Страшила, и видно было, что это слово он запомнил крепко и при случае будет его употреблять. Такая привычка появилась у правителя в последнее время: она придавала его речам очень ученый оттенок.

Так как из всех членов штаба только Кагги-Карр могла быстро и безопасно совершить путешествие в Фиолетовую страну, то ее и отправили с поручением поторопить Железного Дровосека. Она обещала нигде не задерживаться и как можно скорее вернуться с подмогой.

Измена

Прошло еще два дня. Попытки Урфина взять город штурмом успеха не имели. После каждой атаки Джюсу приходилось становиться за походный верстак и чинить поломанных солдат. Неудачливый завоеватель решил посоветоваться с Ланом Пиротом и филином Гуамоко. Расположившись вдалеке от городской стены под большим деревом, они разговаривали тихими голосами.

– Генерал, я прихожу в отчаяние, – признался Урфин Джюс. – Мы семь раз штурмовали город и днем и ночью, и все атаки отбиты с большим для нас уроном. Я не успеваю починять искалеченных дуболомов.

– Настоящий солдат должен рваться в бой даже без головы! – браво возразил Лан Пирот.

– Не представляю себе, как могут драться безголовые солдаты, – усомнился Джюс.

– Усердие все превозмогает!

– Гм... Не думаю. Однако попробую я еще раз уговорить Страшилу сдаться. – Размахивая белым флагом, Урфин направился к стене. – Послушайте, ваше превосходительство, господин правитель, в последний раз предлагаю вам капитулировать.

– Ка-пи-ту-ли-ро-вать? Звонкое слово! А что оно означает?

– А то, что вы должны сдаться. И тогда я обойдусь с вами милостиво, вы станете моим заместителем.

– Послушайте, Урфин, – спросил Страшила, – разве у ваших дуболомов уже выросли крылья?

– Господин правитель, я вас не понимаю.

– Но ведь это очень просто. Чтобы взлететь на стену, ваши солдаты должны превратиться в птиц, а им, по-моему, до этого еще далеко.

– Хо-хо-хо! – разразился смехом Руф Билан. – Наш правитель – гениальный остряк! Завидую вашим удивительным мозгам, господин Страшила!

Урфин возвратился к своим собеседникам.

– Я пригрозил Страшילה новым штурмом, но понимаю, что это бесполезно, – со вздохом сказал Урфин. – Стены города подняты, бреши заделаны, ворота укреплены, запас метательных орудий неисчерпаем. Проклятые птицы сделали свое дело, предупредив горожан о нашем нашествии. Нам остается лишь одно: обложить город и дожидаться, когда его жители начнут умирать с голоду.

– Это не поможет, повелитель, – возразил Гуамоко. – Ночью я летал в город на разведку и убедился, что там полным-полно продовольствия: амбары завалены мукой, бочками масла и сыра, на площадях стада коров...

– Проклятый Страшила, он все предусмотрел, – простонал Джюс.

Филин слетел с дерева, сел Урфину на плечо и тихо сказал:

– Он предусмотрел все, кроме измены...

– Измены?! – вскрикнул Урфин.

– Тише, повелитель! Видишь того краснолицего толстяка, который больше всех суетится на стене и славит Страшилу?

– Вижу. Ну и что?

– Это – Руф Билан, смотритель дворцовой умывальни. Когда я был на разведке, я отдыхал на балконе его дома. Он разговаривал с приятелем и всячески проклинал Страшилу. Руф Билан богат, он знатного рода и сам метил в правители Изумрудного города. Но Гудвин назначил своим преемником не его, а Страшилу, и с тех пор Билан ненавидит соломенного человека и с радостью предаст его врагу.

Урфин страшно обрадовался.

– Твои сведения бесценны, мой дорогой Гуамоколатокинт! Этой же ночью лети в город, соблазни Билана, обещай, что он будет моим главным государственным распорядителем и что я... Словом, плети ему, что хочешь, лишь бы он перешел на мою сторону...

– Я добьюсь этого, повелитель, – заверил филин, – и думаю, что мне не придется очень уж стараться.

Трубач заиграл вечернюю зарю.

Урфин важно направился в свою палатку, сопровождаемый Топотуном, филином и почетным караулом из дуболомов. Солдаты отдавали ему честь, и лицо Урфина раскраснелось от счастья.

* * *

В эту ночь Страшила, по обыкновению, бодрствовал на стене один, а его бойцы крепко спали. И тут к правителю подкралась сзади какая-то тень. Произошла короткая борьба, и слабые мягкие руки Страшилы были опутаны веревкой.

Через минуту скрипнула калитка и показался коротенький коренастый человек. Он двинулся вперед, но к нему навстречу уже спешил Урфин Джюс.

– Если не ошибаюсь, господин Руф Билан? – спросил Урфин.

– Так точно, мой милостивый повелитель. Филин Гуамоко передал мне ваши предложения, и вот я здесь.

– Но как вам удалось выполнить свой замысел?

– Очень просто, – хихикнул Билан. – Мой слуга принес очередной смене защитников угощение: бочонок вина, а в него было подмешано сонное зелье.

– Браво, браво! – воскликнул Джюс. – Вы человек в моем вкусе, и я назначаю вас главным государственным распорядителем.

Билан поклонился до самой земли.

– Благодарю, ваше величество! Я рожден для высокой должности и буду нести ее с честью.

Армия Урфина двинулась в широко раскрытые ворота Изумрудного города.

Утром жители проснулись при звуке трубы, выглянули в окна и услышали, как глашатай, в котором они узнали слугу Билана, объявил, что отныне Изумрудным городом правит могущественный Урфин Джюс, которому все должны оказывать беспрекословное повиновение под страхом суровой кары.

Страшила Мудрый сидел в это время в дворцовом подвале. Его не столько мучило сожаление об утраченной власти, сколько мысль о том, что Железный Дровосек, явившись к нему на выручку, попадет в беду. И не было никакой возможности предупредить друга! Фарамант и Дин Гиор, заключенные в том же подвале, напрасно старались утешить бывшего правителя.

Железный Дровосек попадает в плен

На следующий день по улице снова прошел глашатай. Он объявил, что жители Изумрудного города, которые пожелают служить могущественному Урфину Джюсу, будут приняты им милостиво и получат должности при дворе.

Таких желающих оказалось немного. Кроме Руфа Билана, нашлось всего несколько человек такого же сорта – из самых неуважаемых в городе людей.

Руф Билан получил должность главного государственного распорядителя, что равнялось рангу первого министра, но когда он напомнил правителю обещание щедро наградить его золотом, Урфин Джюс очень удивился. Филин, вероятно, что-то напутал, ничего такого ему не поручали говорить.

Остальные, переметнувшиеся на сторону Урфина Джюса, тоже получили должности распорядителей и смотрителей... Но их было слишком мало, чтобы образовать пышный двор, о каком мечтал Урфин Джюс.

Напрасно он отправлял посланцев к бывшим придворным Страшилы. Те хоть и привыкли торчать по целым дням во дворце, болтать всякий вздор и пересмеиваться, считая при этом, что заняты важными государственными делами, однако на приглашение Урфина Джюса не откликнулись.

Новых придворных все презирали. Но особенное презрение и даже ненависть заслужил Руф Билан, потому что стало известно о его измене.

С тех пор он осмеливался ходить по городу только в сопровождении двух дуболомов. Пришлось дать провожатых и другим советникам.

От Руфа Билана правитель узнал, что Страшила послал ворону за Железным Дровосеком. Урфин Джюс высчитал, когда должен явиться Дровосек. Для него приготовили засаду.

Место Фараманта в будке у ворот занял Руф Билан, сменивший на этот случай пышное придворное одеяние на простой кафтан. Под аркой ворот притаился взвод деревянных солдат под командой капрала Арума. Они ждали Дровосека с веревками в руках...

Кагги-Карр долетела до страны Мигунов без всяких задержек. Она нашла правителя на дороге с большим кузнечным молотом в руках.

За несколько месяцев перед этим, когда Мигуны просили Железного Дровосека править их страной, они говорили так:

– Такой правитель, как вы, будет для нас очень удобен: вы не едите, не пьете и, значит, не будете обременять нас налогами...

Мигуны получили больше, чем ожидали. Железный Дровосек не только не собирал налоги со своих подданных, но, наоборот, сам работал на них. Скучая по Элли, Страшиле и Смелому Льву и не привыкнув жить в безделье, Дровосек с утра отправлялся в поле, дробил там большие камни и мостил ими дороги. Мигуны получали сразу две выгоды: их поля очищались от камней, и во все концы страны пролегали прекрасные, прочные пути сообщения.

Узнав от Кагги-Карр, что Страшиле грозит опасность, Железный Дровосек не мешкал ни минуты. Он отшвырнул в сторону молот, сбегал во дворец за топором и отправился в путь. Ворона примостилась у него на плече и подробно рассказывала невеселые новости.

Мигуны терли глаза и грустно мигали, провожая своего любимого правителя.

...Железный Дровосек подходил к Изумрудному городу. Все вокруг было спокойно, лагерь Урфина Джюса исчез, ворота заперты, как обычно.

Дровосек заколотил в калитку, в маленьком окошке появилось багровое лицо Руфа Билана.

– А где Фарамант? – удивился Дровосек.

– Он болен, я его заменяю.

– Что у вас тут происходит?

– Да так, ничего особенного. Подходили неприятели, но мы их отбили с большим для них уроном, и они ушли.

– Как Страшила?

– Бодр и весел, ждет встречи с вами, уважаемый господин Дровосек! Прошу вас, входите!

Руф Билан приоткрыл калитку. И лишь только Железный Дровосек ступил в темноту арки, как из его рук был вырван топор, а туловище опутали веревки. После недолгой ожесточенной борьбы Железный Дровосек был повален на землю и связан. Кагги-Карр с резким криком «Измена!» сумела увернуться от дуболомов и взлетела на стену.

Кагги-Карр видела, как обезоруженного Дровосека со связанными руками повели во дворец. Немногие жители, оставшиеся в городе, сквозь приоткрытые окна смотрели на него с сочувствием и жалостью.

Ворона издали следовала за печальным шествием и пристроилась на карнизе дворца, у раскрытого окна тронного зала. Отсюда она видела и слышала все, что здесь происходило.

Урфин Джюс в роскошной мантии сидел на троне, украшенном изумрудами; его мрачные глаза под сросшимися черными бровями блестели торжеством. Немногочисленная кучка придворных теснилась возле трона. По сторонам зала, как статуи, стояли желтые и зеленые деревянные солдаты, сверкая свежими заплатками.

Ввели Железного Дровосека; он шел спокойно, и узорчатый паркет сотрясался под его тяжелыми шагами. Сзади два солдата тащили огромный блистающий топор.

Урфин Джюс содрогнулся при мысли о том, что мог сделать с его армией этот богатырь, если бы его не схватили обманом. Железный Дровосек бесстрашно встретил испытующий взгляд диктатора, а тот сделал знак Билану, и предатель рысцей выбежал из зала.

Через несколько минут ввели Страшилу. Железный Дровосек взглянул на его разорванное платье, из которого торчали клочки соломы, на его бессильно опущенные руки, и ему стало невыносимо жаль друга, недавнего правителя Изумрудного города, гордившегося полученными от Гудвина замечательными мозгами.

Из глаз Железного Дровосека потекли слезы.

– Осторожнее, ведь при тебе нет масленки! – в испуге закричал Страшила. – Ты заржавеешь!

– Прости, друг! – сказал Железный Дровосек. – Я попал в подлую ловушку и не смог выручить тебя.

– Нет, это ты прости меня за то, что я так необдуманно послал за тобой, – возразил Страшила.

– Довольно нежностей! – грубо закричал Урфин Джюс. – Сейчас речь не о том, кто из вас перед кем виноват, а о вашей судьбе. Согласны ли вы служить мне? Я дам вам высокие должности, сделаю вас своими наместниками, и вы по-прежнему станете управлять странами, но только под моим верховным владычеством.

Страшила и Железный Дровосек переглянулись и в один голос ответили:

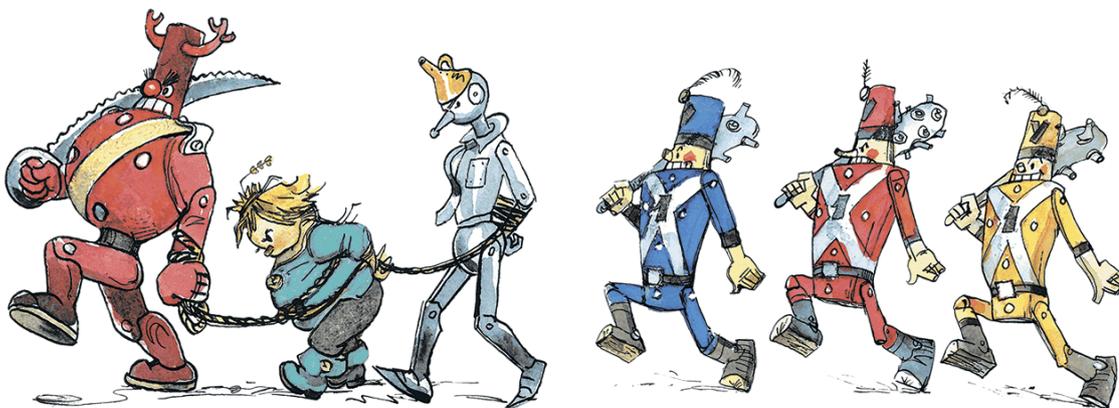
– Нет!

– Вы еще не опомнились от своего поражения и не соображаете, что говорите, – злобно сказал Урфин Джюс. – Подумайте о том, что я могу вас уничтожить, и ответьте мне снова!

– Нет! – повторили Дровосек и Страшила.

– Я дам вам время одуматься, поразмыслить над своим положением. Завтра, в это же время, вы снова предстанете передо мной. Эй, стража, отвести их в подвал!

Солдаты под предводительством краснолицего капрала повели пленников, а Кагги-Карр полетела в лес и там кое-как утолила голод. На следующее утро она ждала на карнизе дворца, когда пленников приведут в тронный зал.

Железный Дровосек и Страшила снова ответили Урфину Джюсу решительным отказом. И на третий день пленники опять появились перед разъяренным диктатором.

– Нет, нет и нет! – было их окончательное решение.

– Пр...р...авильно! Ур...р...рфин... др...р...янь!.. – донесся от окна ликующий возглас.

Кагги-Карр не могла не высказать свое мнение. По приказу Урфина придворные бросились ловить ворону, но напрасно. Кагги-Карр взлетела на верхний карниз окна с насмешливым карканьем.

– Вот мое решение! – сказал Урфин Джюс, и в зале наступила тишина. – Страшилу я мог бы сжечь, а Железного Дровосека перековать на гвозди, но я оставляю им жизнь...

Придворные принялись громко восхвалять великодушие правителя.

Урфин продолжал:

– Да, дерзкие упрямы, я оставляю вас жить, но только на полгода. Если по истечении шести месяцев вы не покоритесь моей воле, вас ждет гибель! А пока вы будете находиться в заключении, и не в подвале, а на высокой башне, где каждый может вас видеть и, увидев, убедиться в могуществе Урфина Джюса. Убрать их! – обратился повелитель к страже.

Громко топая ногами, дуболомы увели пленников.

Невдалеке от Изумрудного города стояла старинная башня, воздвигнутая давным-давно каким-то королем или волшебником. Когда Гудвин построил тут город, он пользовался башней как наблюдательным постом. На башне всегда стояли часовые и смотрели, не приближается ли

к городу какая-нибудь злая волшебница. Но с тех пор как Элли истребила злых волшебниц и Гудвин покинул страну, башня утратила свое значение и стояла одинокая и угрюмая, хотя еще прочная.

Внизу башни была дверь, от нее узкая и пыльная винтовая лестница вела на верхнюю площадку. По приказу правителя площадку накрыли сверху черепичным колпаком. Урфин Джюс не хотел, чтобы Дровосек заржавел от дождя, а Страшила лишился лица – ведь это мешает им пойти на службу к новому правителю.

Дуболомы отвели на башню Страшилу и Железного Дровосека, у которого руки были по-прежнему связаны. Тюремщики, зная про его силу, боялись Дровосека даже безоружного.

Оставшись одни, друзья огляделись. На юге были видны зеленые домики фермеров, окруженные садами и полями, и между ними вилась и кончалась у ворот города свидетельница многих историй и приключений – дорога, вымощенная желтым кирпичом.

На севере раскинулся Изумрудный город. Так как стена его по высоте уступала тюремной башне, то можно было различить дома, почти сходящиеся кровлями над узкими улицами, главную площадь, где прежде били фонтаны; виднелись и шпили дворца, украшенные огромными изумрудами.

Страшила и Дровосек разглядели, что фонтаны уже не работали, а по шпилям ползали какие-то фигурки, подбираясь к изумрудам.

– Любуетесь? – раздался резкий голос.

Страшила и Дровосек обернулись. Перед ними была Кагги-Карр.

– Что там такое делается? – спросил Страшила.

– Простая вещь, – насмешливо ответила ворона. – По приказу нового правителя все изумруды с башен и стен будут сняты и поступят в личную казну Урфина Джюса. Наш Изумрудный город перестанет быть изумрудным. Вот что там делается!

– Проклятье! – воскликнул Железный Дровосек. – Хотел бы я оказаться лицом к лицу с этим Урфином Джюсом и его деревяшками, и чтобы в моей руке был топор! Уж я бы позабыл для такого случая, что у меня мягкое сердце!

– Для этого надо действовать, а не сидеть со связанными руками, – ехидно сказала ворона.

– Я попробовал развязать Дровосеку руки, да у меня не хватило силы, – смущенно признался Страшила.

– Эх, ты! Смотри, вот как надо!

Кагги-Карр заработала своим крепким клювом, и через несколько минут веревки свалились с Дровосека.

– Как хорошо! – Дровосек с наслаждением потянулся. – Я был все равно как заржавленный... Теперь спустимся вниз? Я уверен, что смогу сломать дверь.

– Бесполезно, – сказала ворона. – Там стоят на карауле деревянные солдаты с дубинками. Надо придумать что-то другое.

– Выдумки – это дело Страшилы, – молвил Железный Дровосек.

– Ага, я тебе всегда говорил, что мозги лучше сердца, – воскликнул польщенный Страшила.

– Но и сердце – тоже стоящая вещь, – возразил Дровосек. – Без сердца я был бы куда не годным человеком и не мог бы любить свою невесту, оставленную в Голубой стране.

– А мозги... – снова начал Страшила.

– Мозги, сердце, мозги! – сердито оборвала ворона. – Только одно это от вас и слышишь! Тут не спорить надо, а действовать.

Кагги-Карр была несколько ворчливая птица, но превосходный товарищ. Чувствуя ее правоту, друзья не обиделись, и Страшила начал думать.

Думал он долго, часа три. Иголки и булавки от напряжения далеко высунулись из его головы, и Дровосек тревожился, что, быть может, это вредно его другу.

– Нашел! – крикнул наконец Страшила и хлопнул себя по лбу с такой силой, что в ладонь вонзилось с десяток булавок и иголок.

Ворона, тем временем сладко дремавшая, проснулась и сказала:

– Говори!

– Надо послать письмо в Канзас, к Элли. Она очень сообразительная девочка, обязательно что-нибудь придумает.

– Хорошая мысль, – насмешливо протянула Кагги-Карр. – Интересно только, кто понесет письмо?

– Кто? Да ты, конечно! – ответил Страшила.

– Я? – изумилась Кагги-Карр. – Мне лететь через горы и пустыни в незнакомую страну, где птицы лишены дара речи? Хорошая выдумка!

– Если ты не согласна, – сказал Страшила, – мы не будем настаивать. Мы пошлем в Канзас другую ворону, помоложе тебя.

Кагги-Карр возмутилась:

– Другую? Помоложе?! Если мне исполнилось всего сто два года, вы уже готовы называть меня старухой? Так знайте, что у нас, ворон, такой возраст считается совсем юным. И что

сделает другая ворона? Во-первых, она заблудится и не доберется до Канзаса. Во-вторых, она не найдет в Канзасе Элли, потому что не видела ее. В-третьих... словом, письмо понесу я.

Железный Дровосек сказал:

– Для письма нужен мягкий, но прочный древесный лист, который можно будет обвязать вокруг твоей ноги. И кроме того, требуется иголка.

– Иголку я могу выдернуть из своей головы, – сказал Страшила, – у меня их там достаточно.

Ворона улетела и вернулась с большим гладким листом. Страшила протянул лист и иголку Железному Дровосеку:

– Пиши!

Тот изумился:

– Но я думал, что писать будешь ты. Ведь ты же придумал отправить письмо!

– Когда я придумывал это, я рассчитывал на тебя. Сам-то я еще не научился писать.

– И я не удосужился за государственными делами, – признался Дровосек. – Как же теперь быть?

– Мы не напишем письмо, а нарисуем! – догадался Страшила.

– Я не понимаю, как можно нарисовать письмо, – сказал Железный Дровосек.

– Нужно нарисовать меня и тебя за решеткой. Элли умная девочка, она сразу поймет, что мы в беде и просим помощи.

– Правильно, – обрадовался Дровосек. – Рисуй!

Но у Страшилы ничего не вышло. Игла выскользнула из его мягких непослушных пальцев, и он не мог провести самой простой черты. За дело взялся Железный Дровосек. Он сам не ожидал, что у него получится так хорошо: видно, он имел прирожденный талант к рисованию.

Страшила выдернул из полы своего кафтана длинную нитку, лист обмотали вокруг ноги Кагги-Карр, крепко привязали, ворона попрощалась с друзьями, проскользнула сквозь прутья решетки, взмахнула крыльями и скоро исчезла в голубой дали.

Новый правитель Изумрудной страны

Овладев Изумрудным городом, Урфин Джюс долго думал над тем, как ему именоваться, и в конце концов остановился на титуле, который выглядел так: Урфин Первый, могущественный Король Изумрудного города и сопредельных стран, Владыка, сапоги Которого попирают Вселенную.

Первыми услышали новый титул Топотун и Гуамоко. Простодушный медведь бурно восхищался звонкими словами королевского именованья, но филин загадочно прищурил желтые глаза и коротко сказал:

– Сначала пусть этот титул научатся произносить придворные.

Джюс решил последовать его совету. Он позвал в тронный зал Руфа Билана и еще нескольких придворных высших чинов и, трепеща от гордости, дважды произнес титул. Затем он приказал Билану:

– Повторите, господин главный государственный распорядитель!

Коротенький и толстый Руф Билан побагровел от страха перед суровым взглядом повелителя и забормотал:

– Урфин Первый, могучий Король Изумрудного города и самодельных стран, Владетель, сапоги Которого упираются во Вселенную...

– Плохо, очень плохо! – сурово сказал Урфин Джюс и обратился к следующему: – Теперь вы, смотритель лавок городских купцов и лотков рыночных торговки!

Тот, заикаясь, заговорил:

– Вас следует называть Урфин Первый, преимущественный Король Изумрудного города и бездельных стран, Которого сапогами попирают из Вселенной...

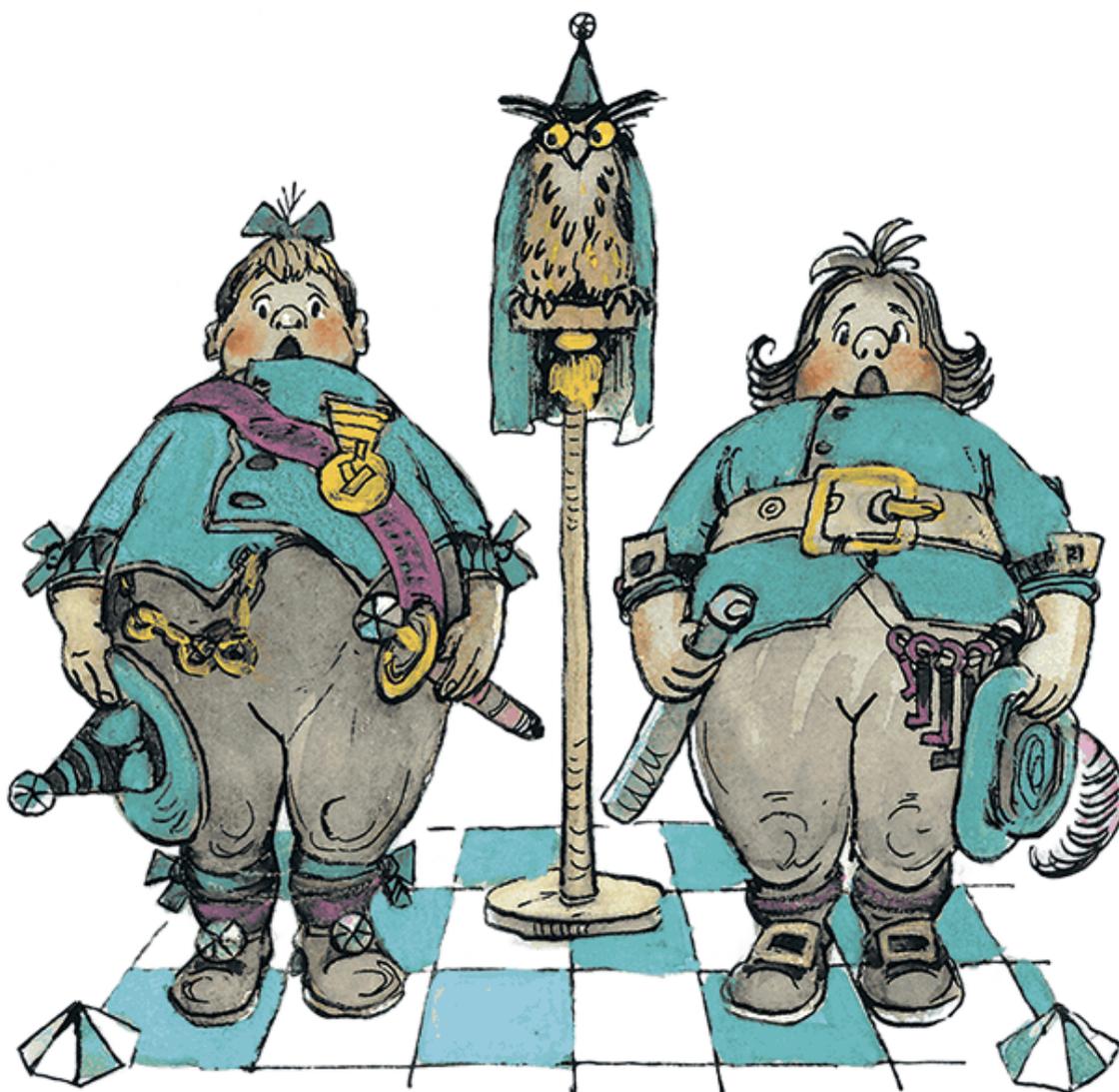
Послышался хриплый, удушливый кашель. Это филин Гуамоко старался скрыть овладевший им безудержный смех.

Весь красный от гнева, Урфин выгнал придворных.

Проведя в раздумье еще несколько часов, он сократил титул, который отныне должен был звучать так:

«Урфин Первый, могучий Король Изумрудного города и всей Волшебной страны».

Придворные были снова собраны, и на этот раз испытание прошло благополучно. Новый титул был объявлен народу, и искажение его стало приравняться к государственной измене.

По случаю присвоения Урфину королевского титула было назначено грандиозное народное торжество. Зная, что никто из жителей города и окрестностей на него добровольно не явится, главный распорядитель и генерал Лан Пирот приняли свои меры. Накануне праздника, ночью, когда все спали, по домам пошли дуболомы. Они будили жителей и полусонных тащили на дворцовую площадь. Там они могли досыпать или бодрствовать по желанию, но уйти оттуда не могли.

И поэтому, когда Урфин в роскошной королевской мантии появился на балконе дворца, он увидел на площади огромную толпу народа. Раздались жиденькие крики «Ура!», это кричали приспешники Урфина и деревянные солдаты.

Грянул оркестр. Но это был не тот оркестр, искусная игра которого славилась в стране. Несмотря на угрозы, музыканты отказались играть, и инструменты были переданы придворным и деревянным солдатам. Дуболомы получили ударные инструменты: барабаны, тарелки, треугольники, литавры. А придворным дали духовые: трубы, флейты, кларнеты.

И как играл этот созданный по приказу оркестр!

Трубы хрипели, кларнеты визжали, флейты завывали, как разъяренные коты, барабаны и литавры били не в лад. Впрочем, дуболомы так усердно лупили палками по барабанам, что кожа их лопнула, и барабаны замолчали. А медные тарелки сразу треснули и начали дико дребезжать. И тогда народом, собранным на площади, овладело необузданное веселье. Люди корчились от смеха, зажимали себе рты ладонями, но неистовый хохот прорывался наружу. Иные падали на землю и валялись в изнеможении.

Придворный летописец записал в книгу, что это народное веселье было признаком радости от восхождения на престол могущественного короля Урфина Первого.

Церемониал закончился приглашением всех желающих на пир, который состоится во дворце короля.

Урфин, несмотря на все настояния филина Гуамоко, никак не мог решиться проглотить хотя бы одну пивяку или съесть мышь – эту обычную пищу волшебников. И он задумал ловкий обман.

Накануне пира повар Балуюль был вызван к Урфину и имел с ним долгий разговор наедине. Уходя от правителя, толстяк корчил страшные гримасы, силясь подавить распивавший его смех. Повар дорого дал бы за возможность раскрыть кому-либо тайну, связавшую его с Урфином. Но увы! Это было запрещено ему под страхом смерти. Балуюль выгнал из кухни поварят, закрыл дверь и принялся застряпню.

Пир подходил к концу. Придворные осушили немало бокалов за здоровье императора.

Урфин восседал во главе стола, на троне Гудвина, который нарочно перенесли сюда из тронного зала, чтобы всегда напоминать о величии завоевателя. Изумруды были вынуты отовсюду, кроме трона, и когда на нем восседал Урфин Джюс, сияние драгоценных камней делало выражение мрачного сухого лица диктатора еще более неприятным.

На спинке трона сидел филин Гуамоко, сонно прикрыв желтые глаза. А сбоку стоял медведь Топотун, зорко присматриваясь к пирующим, чтобы наказать любого, кто не окажет должного почтения повелителю.

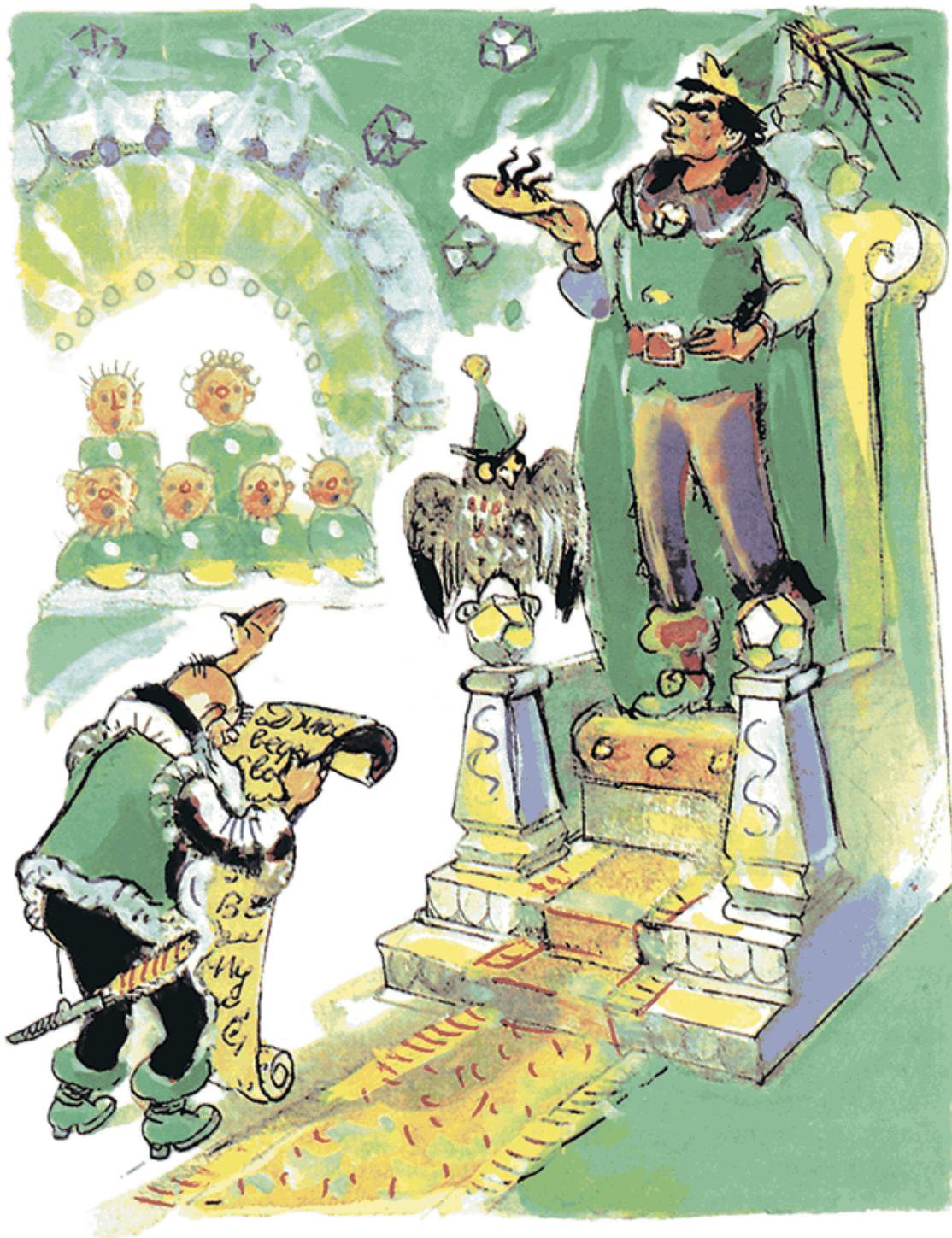
Дверь раскрылась, вошел толстый повар, неся на золотом подносе два блюда.

– Любимые кушанья вашего величества готовы! – громко возгласил он и поставил блюда перед королем.

Придворных затрясло, когда они увидели, что принес повар. На одном блюде возвышалась горка копченых мышей с хвостиками винтом, на другом лежали черные скользкие пивяки.

Урфин сказал:

– У нас, волшебников, свой вкус, и он, быть может, покажется странным вам, обыкновенным людям...

Медведь Топотун проворчал:

– Хотел бы я посмотреть на того, кому покажется странным вкус повелителя!

При гробовом молчании присутствующих Урфин Джюс съел несколько копченых мышей, а потом поднес к губам пивявку, и она стала извиваться в его пальцах.

Придворные потупили взоры, и только главный распорядитель Руф Билан преданно смотрел в рот повелителю.

Но как были бы удивлены зрители этой необычной картины, если бы узнали тайну, известную лишь королю и повару. Волшебная пища была искусной подделкой. Мыши были

сделаны из нежного кроличьего мяса. Пиявок Балуоль испек из сладкого шоколадного теста, и извиваться их заставили ловкие пальцы Урфина.

Своим фокусом Урфин надеялся убить двух зайцев: убедить филина, что он стал настоящим волшебником, и удивить и испугать своих подданных. И того и другого он добился. Гуамоко, не слишком хорошо видевший при свечах, поддался на обман и одобрительно закивал головой. Второе желание Урфина тоже было удовлетворено полностью.

Вернувшись с пира, распорядители и советники рассказали своим домашним о том, что видели, и конечно, не обошлось без преувеличений.

По стране пошла молва, что волшебник Урфин на пиру глотал живых ящериц и змей. Эта весть наполняла сердца людей ужасом и отвращением.

Через три дня после пира придворный летописец представил обширный доклад, где с неопровержимой ясностью выводил род Урфина от древних королей, когда-то правивших всей Волшебной страной.

Из этого летописец сделал два важных вывода. Во-первых, Урфин вступил на престол по законному праву, как наследник древних владык. Во-вторых, волшебницы Стелла и Виллина без всякого на то права и основания присвоили земли Урфина, и на этих наглых захватчиц надо пойти войной и лишить их владений.

В награду за свой труд летописец получил серебряный подстаканник, отобранный у одного купца и еще не попавший в дворцовые кладовые.

* * *

Для того чтобы следить за людьми и вылавливать недовольных, Урфин Джюс решил создать полицию. Солдаты были для этого слишком неповоротливы.

Джюс изготовил для образца первого полицейского, поручил работу своим подмастерьям, и полиция в короткое время наводнила город и окрестности.

Полицейские были тоньше и слабее солдат, но длинные ноги делали их необычайно прыткими, а огромные уши позволяли подслушивать любые разговоры. Для скорости подмастерья приделывали полицейским разветвленные древесные корневища вместо рук, обрубая отростки, служившие пальцами, если они оказывались чрезмерно длинными. У иного полицейского насчитывалось по семь и по десять пальцев на каждой руке, но Урфин полагал, что от этого руки будут только цепче. Правитель вооружил полицию рогатками, и она, благодаря большой практике, пользовалась этим оружием чрезвычайно ловко.

У начальника полиции были самые длинные ноги, самые большие уши, больше пальцев на руках, чем у любого из его подчиненных, и наравне с главным государственным распорядителем он имел право в любое время входить к Урфину Джюсу для доклада.

В подвале дворца день и ночь неутомимо работали бывшие солдаты, а ныне ефрейторы, зеленый и голубой, превратившиеся в искусных столяров. Они выпускали одного за другим безголовых дуболомов и складывали их штабелями в углу мастерской. Отдельными кучками лежали головы. Для каждого взвода изготовлялся капрал из красного дерева.

Урфин Джюс вечером запирался в особой комнате и там вырезал головам лица, а потом приделывал зеленые, красные, фиолетовые стеклянные пуговицы вместо глаз.

Он прикреплял головы к безголовым телам и посыпал солдат живительным порошком. Призванное к жизни пополнение дуболомной армии раскрашивалось и после просушки отводилось на задний двор, где поступало в обучение к капралам и палисандровому генералу Лану Пироту. Пробоину на голове генерала Урфин заделал и отполировал.

Взвод за взводом выходил чинным маршем из ворот дворца под командой капралов...

Армия Урфина Джюса подходила числом к ста двадцати солдатам. По городу и окрестностям постоянно ходили дозоры. Взводы солдат были посланы в Голубую страну Жевунов

и в Фиолетовую страну Мигунов, чтобы назначенные туда наместники могли держать народ в повиновении.

На помощь к друзьям

Странное письмо

Прошло около года с тех пор, как Элли вернулась в Канзас из Волшебной страны, отрезанной от мира цепью огромных гор и Великой пустыней. В Канзасе все оставалось по-прежнему: и обширная степь кругом, и пшеничные поля, и пыльные дороги, пересекавшие равнину. Только не стало домика-фургона, в котором ураган унес Элли и Тотошку в страну Гудвина. Вместо фургона фермер Джон построил домик. В нем теперь и жила семья – сам Джон, его жена Анна и дочка Элли.

Однажды летним вечером к ферме Джона подошел усталый путник с рюкзаком за плечами. Был он средних лет, широкоплеч и крепок, с длинными мускулистыми руками, а вместо левой ноги у него была прицеплена к колену деревяшка, оставлявшая в дорожной пыли круглые следы.

Шел он походкой моряка, раскачиваясь на ходу, точно ступая по зыбкой палубе. Смелые, широко расставленные серые глаза на загорелом обветренном лице смотрели так, будто вглядывались в даль океана.

Тотошка с лаем набросился на незнакомца и попытался укунить его деревянную ногу. На звонкий лай обернулась Анна, кормившая кур. Она бросилась к путнику и обняла его, заливаясь слезами.

– Братец Чарли! – всхлипывала Анна. – Ты вернулся, ты жив!
– Конечно, жив, коли вернулся, – хладнокровно согласился Чарли Блек, обнимая сестру.
– Но ведь твой капитан написал нам пять лет назад, что ты попал в плен к людоедам на острове Куру-Кусу!

Элли, стоявшая на крылечке, вздрогнула от страха: она-то ведь знала, что такое людоеды. Но почему мама никогда не рассказывала ей про дядю Чарли, который плавал на корабле и попал на людоедский остров.

Впрочем, эта загадка вскоре разрешилась.

– Элли, – сказала Анна, – поздоровайся с дядей Чарли!

Элли шагнула вперед и протянула руку, но Чарли приподнял девочку и поцеловал.

– Ты помнишь меня, малышка? – спросил он. – Хотя вряд ли: тебе было всего три года, когда я был у вас последний раз. Но мама, наверное, рассказывала тебе про меня?

Элли взглянула на мать, не зная, как ответить на этот вопрос.

Смущенная Анна призналась:

– Прости, братец: когда к нам пришло то письмо про тебя, Элли было всего пять лет. Мы с мужем решили не огорчать девочку такой ужасной вестью и ничего ей не сказали. Время шло, Элли все реже вспоминала, что у нее есть дядя Чарли... а потом и совсем позабыла про тебя.

Анна виновато опустила голову.

Чарли не рассердился.

– Ну что ж, в конце концов ведь вы оказались правы: я жив! Ну, а теперь, Элли, я думаю, мы станем друзьями?

– О да, дядя Чарли! – восхищенно ответила Элли. – Но как же тебя не съели людоеды? Ты дрался с ними и победил их?

– Нет, девочка, это было не так, – рассмеялся Чарли. – Победить людоедов я не мог: их были тысячи, а я один. Но знаешь, они оказались славными ребятами, эти людоеды. Когда я доказал, что живой принесу больше пользы, чем зажаренный на костре, обитатели Куру-Кусу охотно оставили меня в живых.

– Ты умеешь разговаривать по-людоедски? – удивилась Элли.

– Ну, милая моя, – улыбнулся Чарли, – была бы добрая воля, а сговориться всегда можно. Меня приняли в племя Куру-Кусу, я научил островитян пяти новым способам готовить рыбу и нашел на острове девять новых сортов съедобных растений... Когда я прожил у них четыре года, островитяне дали мне лодку, нагрузили ее припасами и бочонками с водой и вывели далеко в море, призывая для меня благословения всех своих богов. А богов у них немало, и, видно, поэтому после сорока дней плавания я встретил корабль... и вот я у вас, а кстати, сюда скачет Джон!

Джон, узнавший от соседей, что на его ферму прошел незнакомый путник, примчался с поля верхом на лошади и очень обрадовался, узнав в госте своего шурина Чарли Блека.

Мужчины сердечно приветствовали друг друга.

– А я к тебе по делу, брат Джон, – заявил Чарли, когда кончились рукопожатия.

– Просто в гости не мог приехать? – упрекнул моряка Джон.

– Да знаешь, у такого всесветного бродяги, как я, везде найдутся дела! – оправдался Чарли. – Есть у меня мечта – купить суденышко и навестить моих друзей на Куру-Кусу. Мне всего и не хватает-то тыщонки монет...

Фермер давно знал, что Чарли любит неожиданные затеи, и эта просьба его не удивила.

– Ладно, – сказал он, – поговорим о деле завтра, а теперь пошли ужинать.

Хозяева и гость сели за стол. Расспросы о приключениях Чарли продолжались далеко за полночь, когда усталая Элли давно уже спала крепким сном.

– А я вижу, вы разбогатели, – заметил Чарли, когда хозяйка стала готовить ему постель. – У вас новый домик, а раньше вы жили в фургоне, снятом с колес и поставленном наземь.

И только тут родители Элли, увлеченные беседой с гостем, вспомнили, что их девочка пережила еще более удивительные приключения. Но когда Анна начала рассказ о том, как ура-

ган небывалой силы подхватил фургон с Элли и Тотошкой и унес по воздуху, моряк ударил кулаком по столу.

– Стоп! Отдай якоря! – воскликнул он. – Не обижайся, сестра, но мне интереснее узнать чудесную историю из первых рук, от племянницы. И хоть меня гложет нетерпение, я все-таки хочу, чтобы Элли сама отрапортовала мне о своих приключениях...

Утром одноногий моряк и Элли уселись на крылечке, и девочка стала рассказывать о своих приключениях.

– О, дядя Чарли, – заговорила Элли, – как мы с Тотошкой перепугались, когда ураган закружил домик и понес высоко-высоко над землей. Но я струсила бы еще больше, если бы знала тогда, что ураган был не простой, а волшебный...

– Как – волшебный? – изумился моряк Чарли.

– Ну, самый обыкновенный волшебный ураган, который насылают злые феи, – пояснила Элли.

– Чем же ты провинилась перед волшебницей, что она наслала на тебя целый ураган? И ведь это так же нелепо, как стрелять из пушки по воробьям!

– Да нет, дядя Чарли, ты не понимаешь, – терпеливо возразила Элли. – Гингема хотела истребить весь человеческий род, но ей помешала это сделать добрая фея Виллина...

Девочка поведала своему удивленному слушателю, как ее домик залетел в Волшебную страну, как она, Элли, нашла там трех верных друзей, в компании которых добралась к Гудвину, а потом совершила еще более удивительное путешествие в страну злой Бастинды.

Когда Элли закончила свою необычную повесть на том, как серебряные башмачки перенесли ее и Тотошку домой, в Канзас, пораженный моряк долго не мог опомниться.

– Ну, девчушка, клянусь всеми черепахами Куру-Кусу, твой вахтенный журнал заполнен необычайными вещами!

– А что такое вахтенный журнал?

– Это – книга, куда капитан ежедневно записывает все, что случается на судне или вокруг него. И потопаи меня первый же шторм, если я теперь буду верить этим скучным умникам, которые утверждают, будто на свете нет волшебников и чудес! – в восторге вскричал Чарли. – Я отдал бы десять лет жизни, чтобы побывать в этой чудесной стране!

Смелый моряк очень жалел о чудесных башмачках: ведь они могли открыть дорогу в Волшебную страну, где на вечнозеленых деревьях в любое время года растут плоды необычайного вида и вкуса, где разговаривают животные и птицы, где живут милые и смешные племена Жевунов, Мигунов и Болтунов, у которых самый рослый мужчина чуть-чуть повыше Элли.

Рассказ о Волшебной стране и связанные с ней воспоминания расстроили Элли. Она призналась дяде Чарли, что скучает о своих верных друзьях Страшиле, Дровосеке и Льве, и ей грустно оттого, что никогда-никогда она с ними не увидится.

* * *

Чарли и его маленькая племянница крепко сдружились. Они по целым вечерам разговаривали, делясь своими историями.

Моряку Чарли тоже было о чем рассказать. Он плавал по морям с десятилетнего возраста, когда впервые ступил юнгой на палубу корабля. Но хотя Чарли сражался с белыми медведями в полярных льдах и охотился на носорогов в девственных лесах Куру-Кусу, он признался, что никогда даже не слышал про ужасных саблезубых тигров, от которых Элли спасли только находчивость и преданность верных друзей. Чарли не знал и то, что существуют на свете Летучие Обезьяны – могучие звери с сильными крыльями...

Дядя Чарли был на редкость интересный человек. Он был мастер на все руки. Элли была в восторге от удивительно разнообразного содержимого его карманов. Казалось, любой инструмент имел пристанище в карманах куртки Чарли и его широких шаровар. Огромный складной нож моряка мог выдвинуть лезвия различной формы и назначения, шило, сверло, отвертку, ножницы и еще многое другое.

В нужное время из карманов дяди Чарли извлекались мотки тонкой и прочной бечевки, шурупы и винты, стамески и долота, напильники, зубила... Порой Элли казалось, что дядя Чарли сам немножко волшебник, что он просто заставляет появиться в кармане ту вещь, которая ему нужна.

А чего только не делал Чарли для девочки в часы досуга. Из кусочков доски, из фанеры и обрезков жести он мог построить водяную или ветряную мельницу, флюгер, тележку, движимую самодельной пружиной... Чтобы сделать приятное своей сестре, он поставил на ее огороде для защиты от птиц механическое чучело, дрыгавшее во все стороны руками и ногами и дико завывавшее во время ветра.

Впрочем, через два дня Анна попросила моряка отнять у пугала голос.

– Пусть будет меньше огурцов, – сказала она, – да больше покою.

И в самом деле, чудище своим оглушительным ревом никому не давало спать. Все на ферме облегченно вздохнули, когда оно замолчало.

Под вечер, когда прекращалась домашняя суета и Элли кончала готовить уроки, Чарли отправлялся с девочкой гулять в степь.

Пыль, которую днем поднимали на дорогах телеги, ложилась на землю, даль становилась прозрачной, солнце опускалось за горизонт, отбрасывая длинные тени.

Элли и дядюшка Чарли в сопровождении Тотошки неторопливо шагали по мягкой мураве обочины дороги и разговаривали.

И вот во время одной из вечерних прогулок случилось странное событие, с которого началось новое удивительное приключение наших друзей.

Солнце село, но было еще светло, когда девочка увидела большую растрепанную ворону. То взлетая с земли, то снова опускаясь на нее, ворона явно спешила к Элли, резко и сердито каркая.

За птицей гнался Джимми, рыжий лохматый мальчишка с соседней фермы, ярый истребитель воробьев, галок и кроликов. Джимми на бегу швырял в ворону комками земли, но не попадал.

Тотошка попытался схватить птицу, но ворона сделала последнее усилие, взлетела и бросилась в руки Элли. Девочка подхватила трепещущую от боли и страха птицу и сердито крикнула Джимми:

– Уходи, гадкий мальчишка!

– Отдай ворону! – захныкал Джимми. – Это – моя добыча, видишь, как я ей ловко подшиб крыло!

– Уходи, если не хочешь получить как следует!

Джимми повернул домой, поддавая ногой камешки и бормоча себе под нос какие-то угрозы. Связываться с Элли в присутствии дяди Чарли он не решился.

– Бедненькая, – с сожалением сказала Элли, приглаживая взъерошенные крылья птицы. – Тебе больно, да?

– Кагги-карр! – хрипло каркнула птица, но крик ее был уже спокойнее.

– Конечно, я не отдам тебя этому скверному мальчишке, – продолжала Элли. – Я вылечу твое крылышко, и ты опять будешь летать на свободе.

Ощупывая ворону, Элли почувствовала, что правая нога птицы чем-то обернута. Оказалось, что вокруг ноги был обмотан древесный лист, привязанный ниткой.

Элли проворно размотала нитку, развернула лист, и ее охватило смутное и тревожное предчувствие.

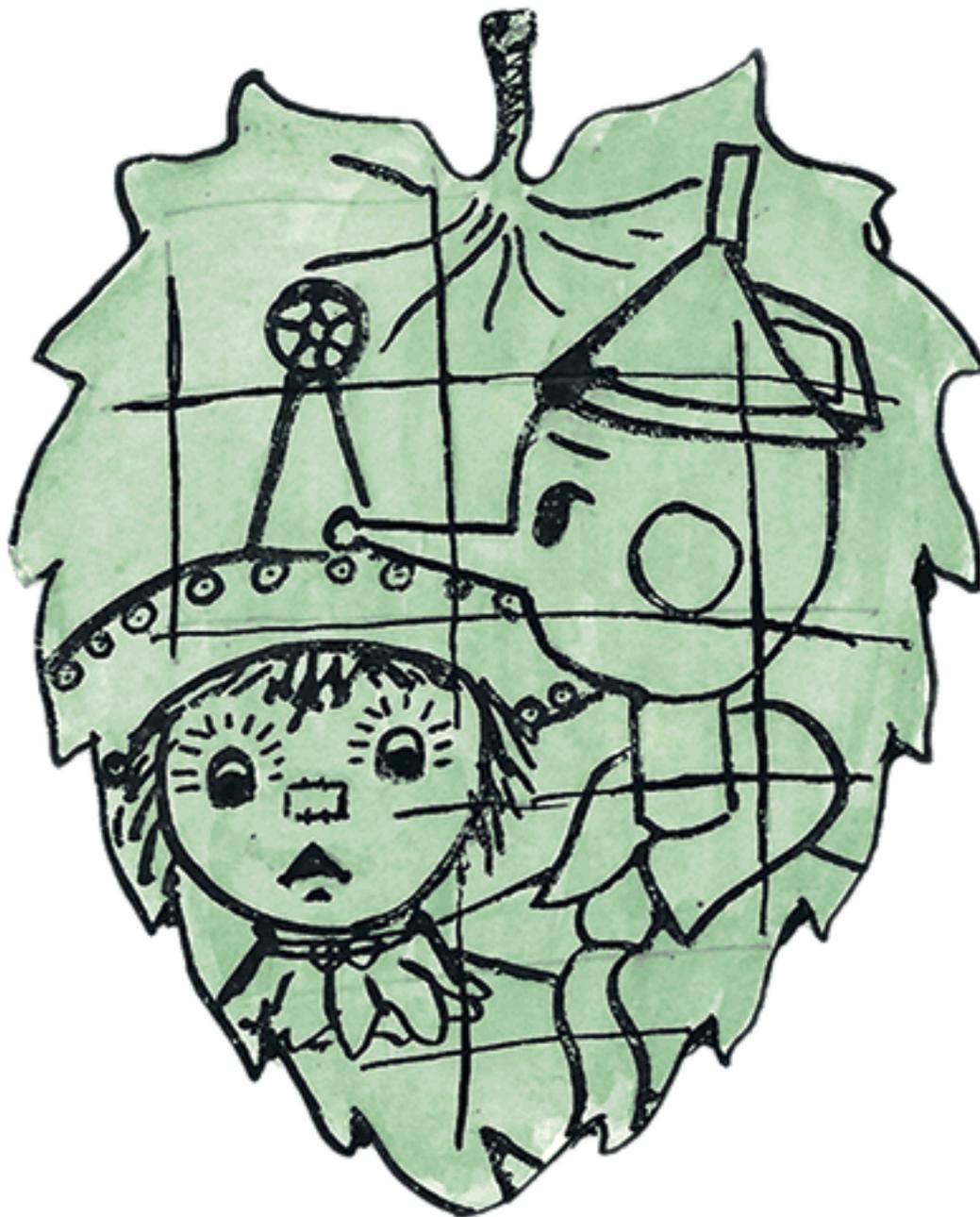
– Дядя Чарли, на этом листе что-нибудь должно быть! – воскликнула девочка.

Моряк и Элли стали рассматривать лист и при угасающем свете зари увидели нацарапанный чем-то острым странный рисунок. На нем изображены были две головы: одна в широко-

полой остроконечной шляпе, круглая, с круглыми глазами, с четырехугольным носом в виде заплатки, а другая – с длинным носом, в шапке, похожей на воронку. Рисунок был сделан немногими штрихами, но очень выразительно.

При первом взгляде на эти головы Элли чуть не лишилась чувств от изумления.

– Дядя Чарли, – воскликнула она, – да это же... это же... Страшила и Железный Дровосек!

Снова рассматривая лист, моряк и Элли обнаружили, что рисунок пересекали частые ровные линии, сходящиеся под прямым углом.

– Что бы это значило, дядя Чарли? – спросила девочка.

Опытный путешественник сразу догадался.

– Клянусь якорем! – воскликнул он. – Твои друзья за решеткой! С ними что-то стряслось, и они просят тебя о помощи!

– Кагги-карр, кагги-карр, – прокаркала ворона, и Чарли Блек готов был поклясться даже перед судом, что в переводе на человеческий язык это означало: «Да, да, да!»

– Мачты и паруса! – взревел моряк. – Если бы эта ворона могла говорить по-нашему, она рассказала бы много интересного!

Но птицы не разговаривают в Канзасе, и Элли очень нескоро узнала, что случилось со Страшилой и Железным Дровосеком и как они попали в беду.

Через пустыню

В эту ночь в доме фермера Джона почти не спали. Элли умоляла отца и мать отпустить ее в Волшебную страну, Чарли Блек вызвался сопровождать ее. Он страстно любил всякие опасности и приключения, а тут предстояло такое путешествие, по сравнению с которым поездка к островитянам Куру-Кусу была легкой прогулкой. Моряку очень хотелось увидеть своими глазами чудеса Волшебной страны, маленьких человечков Жевунов и Мигунов, соломенного Страшилу, получившего от Гудвина умные мозги из отрубей, булавок и иголок, Железного Дровосека с его шелковым сердцем, говорящих зверей и птиц, город, украшенный изумрудами...

Уговорить фермера и его жену оказалось делом нелегким – Джон и Анна ни за что не хотели расставаться с дочерью. Но в конце концов слезы Элли и красноречие Чарли Блека победили.

После того как родители Элли согласились отпустить ее, сборы потребовали немного времени. Чарли Блек и Элли съездили в соседний городок к Джеймсу Гудвину, который, уйдя из цирка, держал там бакалейную лавочку.

Бывший волшебник встретил Элли с большой радостью и очень любезно приветствовал моряка Чарли, когда узнал, что он приходится ей родным дядей.

Элли рассказала Гудвину об удивительном послании из Волшебной страны и показала ему рисунок.

Гудвин, растолстевший за время спокойного сидения в лавчонке, долго и внимательно рассматривал рисунок, а потом с гордостью сказал:

– Уверен, что этот лист додумались послать умные мозги Страшилы. А кто ему их дал? Я! Сознайся, Элли, что я был не таким уж плохим волшебником.

– Да, да, конечно, – охотно согласилась Элли и спросила: – А вы отправитесь с нами в Волшебную страну выручать Железного Дровосека и Страшилу?

Вопрос застал Гудвина врасплох, и он надолго задумался. Потом решительно сказал:

– Нет, не поеду! Хватит с меня волшебников, волшебниц и всяких волшебных дел!

Чарли Блек шепнул племяннице, что от такого трусливого помощника мало будет пользы в их рискованном путешествии, и Элли кивнула в знак согласия.

Ранним ясным утром Чарли Блек, Элли, песик Тотошка и ворона отправились на северо-восток, в том направлении, куда ураган унес домик-фургон с Элли и Тотошкой больше года тому назад. Шли пешком, ночевали в поле, в палатке, которую Чарли сам сшил из непромокаемой шелковой материи. Палатка имела двойные стенки, ее можно было надувать воздухом, и тогда она превращалась в плот. На этом плоту путешественники переплывали реки, встречавшиеся на пути.

И вот, после многих дней пути, почувствовалась близость Великой пустыни. Знойное дыхание ветра опаляло загорелые лица пешеходов. Колодцы и источники стали очень редкими, и моряк Чарли после каждой стоянки запасался водой. Начали попадаться песчаные дюны, поросшие редкой травой; в них прятались огромные ящерицы, высовывая из нор безобразные головы. Они были так страшны, что даже отважный Тотошка не осмеливался на них нападать. Дни были невыносимо жаркими, а ночи холодными.

Наконец путешественники вошли в последний лес, который рос на пути в Волшебную страну. Дальше, за лесом, начиналась Великая пустыня – необъятное море песка. Попытаться идти пешком по пустыне было бессмысленно.

Здесь, в лесу, Чарли Блек нашел подходящие материалы для постройки сухопутного корабля. А инструментов он имел достаточно.

Когда сухопутный корабль с длинной мачтой, с палубой, огражденной невысокими бортами, на широких колесах, был готов, моряк и Элли выкатили его на опушку леса. Великая пустыня раскинулась перед ними без конца, без края, грозная и торжественная в своем безмолвии, чуть волнистая, и мелкие желтые песчинки с легким шорохом катились по ней, подгоняемые ветерком.

Моряк снял шапку.

– Она напоминает мне океан... – тихо сказал он.

Элли смотрела на Великую пустыню расширенными от страха глазами. Однажды девочка уже пересекла ее в домике, летящем среди облаков, но тогда путешествие совершилось помимо ее воли, большую часть его она проспала и проснулась уже в стране Жевунов. Как-то встретит ее пустыня теперь?

– Ну что же, пустыня! – весело воскликнул Чарли. – Я боролся с океаном, поборюсь и с тобой, тем более что вы схожи, как брат и сестра!

Оставалось только ждать попутного ветра. Попутный ветер был необходим, потому что деревянная тележка под парусом не могла лавировать так свободно, как корабль в море. Чарли Блек поставил на открытом месте флюгер, и Элли, просыпаясь по утрам, первым делом бежала к нему узнать направление ветра.

Терпение путешественников испытывалось недолго. Через три дня рано утром подул юго-западный ветер, быстро усиливавшийся.

Всю поклажу, кроме вещей, необходимых для ночлега, Чарли Блек и Элли складывали на палубу своего корабля. Так было и теперь: бочонок, наполненный свежей водой из соседнего

родника, уже стоял на месте, провизия и прочее тоже были погружены. Моряк натянул веревку, и на мачте поднялся парус, сделанный все из того же шелкового полотнища.

– Дядя Чарли, это полотнище у тебя всепревращальное! – в изумлении вскричала Элли, взбираясь на палубу.

– Как ты сказала?

– Всепревращальное полотнище: ведь оно может превращаться во все что угодно.

– Очень хорошее слово, – сказал моряк. – Так и назовем его.

Ветер наполнил парус, и тележка мягко покатила по песку с развевающимся флагом – клетчатым платочком Элли на мачте. Сухопутный корабль быстро несся в нужном направлении. Туча мелкого песка кружилась вокруг корабля. Но моряк Чарли предвидел и это неудобство: он пошарил в одном из своих многочисленных карманов и достал оттуда очки для себя и для Элли. Стекла очков были окружены плотными сетками, прилежавшими к лицу: это не позволяло песку залеплять глаза. Смотреть было хорошо, но разговаривать все равно было нельзя – стоило открыть рот, как туда сразу врывалась пыль.

– А ты не разговаривай, – посоветовал Чарли девочке и все свое внимание обратил на управление парусом.

Тележка стремительно мчалась по толстому слою песка, ее широкие колеса не вязли в нем. Перекидывая парус вправо или влево, капитан сухопутного корабля слегка изменял курс и объезжал холмы и впадины.

Время перевалило за полдень, когда на горизонте блеснуло что-то похожее на серебристую гряду облаков. Но зоркий глаз Чарли не обманулся.

– Горы! – радостно воскликнул моряк. – Вижу горы!

Элли от восторга захлопала в ладоши.

С каждой минутой горы становились ближе, виднее, и уже можно было различить голые черные вершины и ослепительно сияющие снега на склонах.

– Еще час-другой, и мы будем у подножия хребта, – сказал Чарли, – лишь бы только не утих ветер...

Но ветер не стихал, тележка неслась все так же быстро, и у моряка было весело на душе.

Однако скоро его стало одолевать беспокойство: сухопутный корабль почему-то начал сбиваться с курса, упорно уклоняясь на север.

Капитан не мог понять, в чем дело. Судя по компасу, ветер не изменился, рулевое управление действовало исправно, и все-таки Чарли Блеку никак не удавалось выдерживать ранее взятое направление. Капитан озабоченно вглядывался вперед.

Внезапно за песчаным холмом показался камень величиной с дом. Он лежал на пути корабля, и Чарли Блек налег на руль, чтобы объехать каменную громадину.

Но что это? Корабль потерял управление и помчался прямо на препятствие. Капитан поворачивал руль, потом изо всей силы налег на тормоз – все напрасно. Чарли даже спустил парус, но тележка, словно взбесившаяся лошадь, неслась все быстрее и быстрее. Катастрофа стала неминуемой.

Моряк едва успел крикнуть: «Элли, держись за мачту!», как тр-рах! – корабль с треском ударился о скалу. Пассажиры и вещи, смешавшись в кучу, полетели вперед.

Сила толчка оторвала Элли от мачты, девочка стукнулась о палубу лбом и набила себе шишку. Чарли Блек упал на спину, но, к счастью, удачно. Тототка визжал, придавленный бочонком. Но, вытащив песика, Элли убедилась, что он цел и невредим. Ворона не пострадала, защищенная прочной клеткой, она только громко каркала.

Поднявшись на ноги, Чарли осмотрелся. Судно стояло, накренившись на один бок, как настоящий корабль, потерпевший крушение. Свесившись через борт, капитан убедился, что передняя ось тележки разлетелась пополам.

– Эх я, старая копченая селедка! – обругал сам себя моряк. – Не сумел справиться с рулем... И что это случилось с судном? Я готов поклясться, что чертов камень притягивал его, как магнит железо...

Проклиная и себя, и корабль, и скалу, Чарли принялся разыскивать инструменты, чтобы начать ремонт тележки. Тем временем Элли, наведя порядок на палубе, прыгнула на песок и пошла вокруг камня, надеясь укрыться за ним от ветра.

Девочка скользила взором по бокам скалы, изрытым трещинами, и... странная вещь! Элли показалось, что причудливый узор трещин складывается в буквы. Она подошла вплот-

ную к скале – ничего не разобрать в беспорядочном переплетении линий. Девочка догадалась отойти подальше и теперь совершенно ясно различила огромные кривые буквы Г... И... Н...

– Гингема! – воскликнула Элли.

– Чего ты там кричишь? – раздался голос Чарли.

– Дядя Чарли, иди скорее сюда! Смотри, что тут такое!

Моряк подошел и всмотрелся.

– Как будто буквы... Впрочем, нет, это только кажется...

– И вовсе не кажется! – сердилась Элли. – Там написано имя: Гингема! Видишь буквы?!

Чарли схватился за голову.

– А ведь и в самом деле... Теперь все понятно! Камень не простой, а волшебный, и он действительно притянул наш корабль. Ах, проклятая колдунья, ты и после смерти вредишь нам!.. – Чарли погрозил в пространство кулаком.

Чарли Блек вскарабкался на верхушку скалы. Направо в нескольких милях отсюда, среди желтых песков пустыни выделялось черное пятно. Моряк достал из кармана подзорную трубу, раздвинул ее, навел, всмотрелся. Рука его дрогнула.

Там стоял точно такой же громадный черный камень. Моряку все стало ясно: Гингема расставила камни далеко один от другого, но наделила их такой волшебной силой, что через этот заслон пробиться было невозможно...

– Но нет, мы еще поборемся с тобой, старая ведьма! – сказал Чарли, слез со скалы и, не рассказывая девочке о том, что увидел, принялся за дело. Он раскинул палатку, где Элли, Тотошка и ворона нашли убежище от зноя и песчаной бури, а сам приступил к ремонту тележки.

В плену у черного камня

Когда Чарли закончил работу, была уже ночь, над пустыней зажглись яркие звезды. В эту ночь Чарли Блек не мог спать так беззаботно, как всегда. Он ворочался с боку на бок, придумывая способ обезвредить последнее волшебство старой Гингемы.

Так ничего и не придумав, моряк задремал на рассвете и проснулся, когда Элли разбудила его завтракать.

После завтрака моряк сказал:

– Ну что же, если нашему кораблю так понравилась эта гавань, что он не хочет покидать ее, мы отправимся пешком.

– Мы оставляем корабль? – испуганно спросила Элли.

– Приходится его бросить. Но ты не бойся, девочка! До гор осталось не больше двадцати миль, и мы пройдем их за полтора-два дня.

Чарли Блек сложил в рюкзак запас провизии и воды, взял палатку и самые необходимые инструменты. Остальное бросили на палубе корабля. Оглянувшись в последний раз на корабль, путники бодро зашагали прочь от коварного камня. Шагов сто они прошли легко и свободно, но затем какая-то таинственная сила начала сковывать их движения, мешала им идти.

Каждый последующий шаг давался все с большим трудом. Похоже было, что невидимая упругая нить, растянувшись до предела, тащила пешеходов назад. И наконец, они без сил свалились на землю.

– Делать нечего, пойдем назад, – со вздохом сказал Чарли Блек.

И... чудо! Достаточно было повернуть к камню, как ноги сами понесли их, шаг их все ускорился, и к месту стоянки путники прибежали так быстро, что едва смогли остановиться.

– Похоже, что камень не отпустит нас от себя, – помрачневшим голосом сказал моряк.

Элли вздрогнула.

– Все-таки не надо падать духом, – продолжал Чарли. – Будем думать, и, быть может, нам удастся пересилить чары Гингема...

Весь день прошел в мучительных пытках. Не раз пробовали путешественники уйти от камня: то пятась, то ползком... Напрасно! Сила волшебства была неодолима, и утомленные неравной борьбой моряк и девочка возвращались в лагерь. В обед и ужин порции пищи и воды были уменьшены вдвое.

– Чем дольше мы здесь продержимся, – говорил Чарли, – тем больше возможностей, что нас выручит какая-нибудь счастливая случайность. А потому подтянем потуже пояса.

Следующее утро не принесло ничего нового. Опять бесплодная попытка перехитрить камень и унылое возвращение... Но Элли удивило поведение вороны. Птица билась в клетке и кричала так выразительно, точно хотела выговорить: «Отпустите меня на волю!»

Девочка сказала:

– Дядя Чарли, давай выпустим ворону, зачем бедняжка мучается с нами!

– Бедняжка! – проворчал моряк. – Эта бедняжка завела нас в беду, а сама хочет улепетнуть!

– Ну, дядя Чарли, не притворяйся таким жестоким, ведь ты же добряк!

Чарли, открыв клетку, подбросил ворону вверх:

– Улетай, коварное создание, если колдовской камень тебя не удержит.

Ворона села Элли на плечо и что-то каркнула ей в ухо. Потом легко взмыла вверх и исчезла вдали. Моряк удивленно молвил:

– Клянусь колдунами и ведьмами, она легко пошла по курсу! Но как же получилось, что камень ее отпустил?

Подумав, Элли сказала:

– А зачем ее удерживать, коли она жительница Волшебной страны?

Чарли невольно улыбнулся, а девочка продолжала:

– И по-моему, ворона посоветовала нам не терять надежды.

– Поживем – увидим, – грустно сказал моряк.

Съестные припасы и особенно вода убывали быстро. В сухом воздухе пустыни жажда одолевала людей невероятно. Чарли старался ограничить дневные порции, но Элли просила пить так жалобно, что сердце старого моряка не выдерживало, и он давал девочке несколько глотков воды. А когда она с великим наслаждением ее выпивала, Тотошка становился перед моряком на задние лапки, смотрел на него и слабо шевелил хвостиком. Приходилось давать воды и ему.

Увеличивая порции для Элли и Тотошки, одноногий моряк сокращал свою. Он похудел и высох, кожа на его лице обвисла складками.

Спасение

На седьмой день бочонок опустел. К обеденному часу не осталось ни капли воды. Элли впала в забытие, закаленный моряк еще держался. В один из моментов, когда Чарли силой воли стряхнул с себя оцепенение, он удивленно встрепенулся, протер глаза. Ему показалось, что вдали движется черное пятнышко. Но что могло двигаться в этой страшной мертвой пустыне?.. И однако пятнышко росло, приближалось.

– Ворона! Клянусь рифами Куру-Кусу, это возвращается ворона! – заорал Чарли с неведомо откуда взявшейся силой.

Какая им будет польза от этого возвращения, старый моряк не знал, но сердцем чувствовал, что птица возвращается неспроста. Вот она уже недалеко, моряк видел, что она летит с трудом, сильно и резко взмахивая крыльями, чтобы удержаться в воздухе.

Что-то клонило птицу к земле. Что? Зоркие глаза моряка разглядели, что это была огромная кисть винограда, которую ворона тащила в клюве.

– Виноград! – неистово взревел Чарли. – Элли, очнись! Мы спасены!

Элли не слышала, не понимала.

Ворона опустилась на песок близ тележки. Чарли схватил виноградную кисть, оторвал несколько ягод, вложил в полуоткрытые губы Элли, нажал. Прохладный сок пролился в горло девочки, и она пришла в себя...

– Дядя Чарли... Это что? Вода?

– Лучше! Это – виноград! И знаешь, кто принес его нам? Ворона!

– Кагги-карр! – отозвалась ворона, услышав, что говорят о ней.

Проглотив несколько виноградин, Элли поднялась на локте, взор ее упал на бесчувственного Тотошку.

– Тотошенька, миленький! И ты умираешь от жажды...

Три ягоды сразу оживили песика, он открыл глаза, пошевелил хвостиком.

Убедившись, что его команда спасена, капитан позволил и себе освежиться виноградом.

Крупные желтоватые ягоды так и таяли во рту, утоляя жажду и голод.

– Ну и виноград! – бормотал моряк. – Я такого не ел даже на Куру-Кусу!

Моряк взял на руки ворону, погладил ее черные взъерошенные перья.

– Умница ты наша! А я-то, старая копченая селедка, еще сердился, что ты улетела. Вот если бы ты еще научила нас, как справиться с колдовской силой камня, я бы сказал, что ты мудрейшая птица в мире.

Вместо ответа ворона клюнула ягодку винограда и лукаво скосила на моряка черный глаз.

«Она намекает на виноград, – подумал Чарли. – Но чем он нам поможет? Только продлит наши муки у этого проклятого камня...»

Ворона поскакала по песку, все время оглядываясь на Чарли и как бы призывая его следовать за собой.

Моряк встал и быстро пошел к горам. И удивительное дело! Немного он съел виноградин, а ноги его шагали так легко и свободно, точно он не голодал целую неделю, точно не лежал бессильно на песке.

– Ветер и волны! – бормотал моряк. – Вот штука похитрее всех, какие я видывал. А ну, посмотрим...

Вот и роковой рубеж, где всегда падали они с Элли без сил, без воли. И что же? Чарли продолжал шагать так же свободно!

– Ура, ура! – завопил Чарли. – Элли, сюда! Мы спасены!

Недоумевающая Элли прибежала к дяде и только тогда поняла смысл его слов.

– Дядечка Чарли, скорей, скорей отсюда!

– Да, ты права! Кто знает, сколько времени продолжается волшебное действие винограда? Надо спешить!

Наскоро побросав кое-какие припасы в рюкзаки, захватив палатку и не заботясь об оставшемся имуществе, путники покинули страшное место. Тотошка весело прыгал, а ворона летела перед ними, указывая путь.

Когда было пройдено около трех миль и заколдованного камня не стало видно, путники остановились. Они съели еще несколько ягод винограда и с новыми силами зашагали вперед. В этот день они прошли половину расстояния до гор.

Утром путники заметили, что вороны нет. Но им недолго пришлось гадать, куда она девалась. Птица прилетела с новой кистью винограда в клюве.

– Черт побери! – бормотал Чарли, оделяя свою команду сочными ягодами. – Никогда в жизни не думал, что у меня будет такой странный поставщик!

Долина чудесного винограда

Долина между двумя горными отрогами имела веселый приветливый вид: посредине протекала быстрая речка, начинавшаяся высоко в горах в области вечных снегов. По берегам ее росли фруктовые деревья. Бросившись к речке, путники вдоволь напились вкусной холодной воды, а затем ступили на зеленый луг, пестревший незнакомыми яркими цветами. И тут начались неожиданные вещи.

Ворона церемонно склонила голову набок и каким-то особым, очень ясным голосом сказала:

– Кагги-Карр!

– Слышали уж мы это! – не особенно любезно отозвался Тотошка.

– Слышали, да не понимали, – огрызнулась ворона. – Это мое имя. Имею честь представиться: Кагги-Карр, первый отведыватель блюд дворцовой кухни при дворе правителя Изумрудного города Страшила Мудрого!

– Ах, простите! Очень приятно познакомиться! Меня зовут Тото! – Песик вежливо поклонился.

Моряк Чарли, сидя на земле и слушая этот разговор, совершенно остолбенел, а Элли до слез хохотала над его изумлением.

– Дядя Чарли! Да опомнись же! – тормошила она моряка за рукав. – Ведь я тебе сто раз говорила, что в Волшебной стране разговаривают животные и птицы!

– Чужие рассказы – одно дело, а услышать собственными ушами – совсем другое, – возразил моряк. – Ну, значит, мы действительно попали в Волшебную страну. Однако как же это получается, а?

Чарли еще не мог прийти в себя от удивления. Он широко открытыми глазами смотрел то на ворону, то на Тотошку.

– Все это очень просто, – сказала ворона. – Нечему тут удивляться. Сразу видно, что вы явились из страны, где не знают волшебства.

– Ну, уж раз ты заговорила, Кагги-Карр, то расскажи нам, что означает загадочное послание, которое отправило нас в это трудное путешествие.

– Да-да, Кагги-Карр, – подхватила Элли, – открой нам тайну письма!

– Моя повесть будет очень долгой, – ответила ворона, – и я предпочла бы отложить ее до завтра. Но, чтобы успокоить вас, скажу, что Железный Дровосек и Страшила были живы и здоровы, когда я полетела к вам в Канзас. Они просто-напросто сидят в заточении на верхушке высокой башни...

– Просто-напросто! – со слезами на глазах воскликнула Элли. – Тебе, видно, их совсем не жалко!

Кагги-Карр обиделась. Она долго молчала, потом заговорила с горечью:

– Конечно, мне их ничуть не жалко! Я равнодушно оставила их в беде, я не взяла их письмо, не полетела с ним за тридевять земель, подвергаясь бесчисленным опасностям...

Элли стало стыдно.

– Милая, добрая Кагги-Карр, прости меня! Как я могла сказать такое!

Ворона сменила гнев на милость.

– Ладно уж, другой раз думай над своими словами. Так вот, я сказала, что они сидят в башне, но не договорила главного: враг, который их заточил, грозит уничтожить наших друзей, если они не покорятся его воле...

Элли вскочила.

– Так что же мы сидим! Надо немедленно спешить на выручку!

– Опять ты не дала мне докончить, – с укором молвила ворона. – Им дано на раздумье шесть месяцев, а из этого срока прошло не больше половины. Значит, времени у нас вполне достаточно.

– Но, понятно, мы не должны мешкать, – закончил разговор Чарли Блек. – Завтра же отправимся в дальнейший путь, а сегодня надо отдохнуть как следует. На ужин надо раздобыть что-нибудь существенное. В этой речке есть рыба?

– Есть, дядя Чарли, и превкусная! – откликнулась ворона. – Что касается меня, то я очень люблю сырую рыбу.

– А я – жареную! – сказала Элли.

– А я – вареную! – сказал Тотошка.

Чарли Блек принялся готовить рыболовную снасть. Из-за подкладки матросской шапки он достал леску с крючком, одним из клинков своего ножа срезал длинный прут для удилища, поплавок сделал из камышинки.

– Нужна приманка! – сказал он.

Меж деревьев летали жуки необычайно яркой и нарядной раскраски: изумрудно-зеленые с красными и золотыми пятнами. Но они были так увертливы, что моряк не смог поймать ни одного. Элли тоже напрасно гонялась за жуками. На помощь пришла Кагги-Карр. Своим крепким клювом она стукнула на лету одного жука, другого, третьего... Элли не успевала их подбирать.

Вблизи от лагеря речка разлилась широким прудком, поросшим водяными лилиями. Там, на берегу, и уселся с удочкой моряк Чарли, поручив Элли насобирать сухих веток для костра.

Клева не пришлось ждать. Поплавок сразу пошел в сторону, Чарли подсек, и на леске заходило что-то сильное, упористое. Уверенной рукой моряк вытащил добычу, и на берегу затрепыхалась большая рыба, похожая на линя, но с чешуей лазурного цвета.

– Эту рыбу у нас зовут крокс, – объяснила Кагги-Карр, с интересом наблюдавшая за ловлей.

За полчаса Чарли добыл десяток кроксов, а из лагеря уже виднелся дымок: Элли развела костер.

Зажаренные в собственном соку кроксы были съедены с большим аппетитом. На сладкое были кисти чудесного винограда и крупные орехи с тонкой скорлупой, внутри которых находилась нежная ароматная мякоть.

Покончив с ужином, путники блаженно развалились на мягкой траве.

– Кагги-Карр, – сказал моряк, – расскажи-ка нам, где ты добыла волшебный виноград, который спас нас от гибели?

Ворона приосанилась и важно начала:

– Вы, люди, чрезвычайно недогадливы. Когда вас захватил в плен заколдованный камень Гингеми, я, признаться, ужасно сердилась, что вам не приходило в голову выпустить меня из клетки. И только Элли сообразила, что камень не имеет власти надо мной, жительницей Волшебной страны...

Элли покраснела от незаслуженной похвалы и сказала:

– Об этом я догадалась потом, а свободу тебе дала, чтобы ты не погибла вместе с нами.

– Это делает честь твоему доброму сердцу. Освободившись, я полетела к горам и все думала, как вам помочь. Но что могла сделать я, простая ворона, против колдовства могущественной волшебницы? И тут мне пришла мысль обратиться за помощью к Виллине. «Виллина сильнее Гингеми, – думала я. – Это она обезвредила ураган, она бросила домик на злую колдунью. Наверно, Виллина сумеет разбить чары камня...» И я полетела в Желтую страну. Целых шесть суток летела я туда. Местные вороны указали мне путь к Желтому дворцу Виллины.

Слуги немедленно провели меня к доброй волшебнице. Взмолвенно выслушав мой рассказ, Виллина спросила:

«Элли? Та девочка, которая была здесь в прошлом году и разоблачила Гудвина?»

«Да, – ответила я, – Элли явилась на выручку своих друзей Страшилы и Железного Дровосека».

«Надо помочь Элли, – сказала волшебница, – она добрая и смелая девочка».

Виллина вытащила из складок своей мантии крошечную книжку, подула на нее и...

– И та превратилась в огромный том! – dokonчила Элли.

– Верно, – согласилась ворона. – Виллина стала перелистывать волшебную книгу.

Она бормотала:

«А... ананасы, армия, аргус... Б... баллон, бананы, башмаки... В... вазы, вафли, великодушие... Нашла: виноград! Слушай, Кагги-Карр: бамбара, чуфара, скорики, морики, турабо, фурабо, лорики, ёрики... На краю Великой пустыни в долине Кругосветных гор растет чудесный виноград. Только он может лишить силы колдовские камни, расставленные Гингемой на дороге к ее владениям».

Книга сжалась и исчезла в складках одежды волшебницы. Виллина спросила:

«Много ли воды оставалось у твоих друзей, когда ты улетала?» – «Четверть бочонка», – ответила я.

«Тогда на исходе этого дня твои друзья погибнут, – сказала волшебница. – Пустыня убьет их».

Страшное горе охватило меня.

«Неужели нет средства спасти их?» – в отчаянии воскликнула я.

«Не убивайся, такое средство есть», – спокойно молвила волшебница.

Она поднялась на кровлю своего дворца, спрятала меня под свою мантию, громко прочитала заклинание, которого я не запомнила, и, когда вынула меня из-под мантии, мы были уже в этой самой долине, у лозы, с которой свешивались кисти чудесного винограда.

Виллина предложила мне подкрепиться, я съела десяток ягод и почувствовала необычайный прилив сил. Волшебница сорвала большую кисть и подала мне.

«Теперь лети и не мешкай», – приказала она.

«А почему бы вам, сударыня, не перенестись к моим погибающим друзьям в одно мгновение ока? – спросила я. – Довершите доброе дело, которое вы так хорошо начали».

«Ты глупая птица, – возразила волшебница. – Мои заклинания не могут перенести меня за границу Волшебной страны, а если я пойду пешком, это отнимет слишком много времени».

– Я все поняла, сердечно поблагодарила волшебницу и полетела к вам. Остальное вы знаете, – скромно закончила ворона.

Пораженные рассказом Кагги-Карр, люди долго молчали. Наконец моряк произнес:

– Да, Кагги-Карр, ты настоящий друг, и я прошу у тебя прощения за злые мысли, которые приходили мне в голову насчет тебя. И клянусь компасом, если бы ты служила на моем корабле, я сделал бы тебя боцманом!

В устах моряка это была высшая похвала!

Дорога в горах

Кагги-Карр с утра приступила к рассказу о злоключениях Страшилы и Железного Дровосека. Ворона не знала в подробностях историю Урфина Джюса и не могла объяснить, как ожили созданные им деревянные солдаты.

По словам Кагги-Карр выходило, что Урфин – могучий волшебник, и борьба с ним представлялась слушателям очень трудной. Но они от всей души возненавидели завистливого и жестокого диктатора. О подлой измене Руфа Билана все узнали с величайшим презрением.

Зато отважное поведение Страшилы и Железного Дровосека вызвало у Элли слезы восхищения, а моряк сказал, что таких храбрых ребят он взял бы в любое опасное плавание. Преданность и смелость Дина Гиора и Фараманта заслужили у Чарли Блека и Элли полное одобрение.

– Вот как все это случилось, – закончила рассказ Кагги-Карр.

Элли спросила:

– А что же случилось с Длиннобородым Солдатом и Стражем Ворот?

– Я их не видела после того, как они попали в плен при взятии города. Но знакомый городской воробей говорил мне, что их держат в подвале и кормят довольно сносно. Видно, Урфин Джюс надеется переманить их к себе на службу.

– Вот уж этого никогда не случится! – убежденно воскликнула Элли.

– Я тоже так думаю, – согласилась ворона.

– Да, серьезный противник этот Урфин Джюс с его деревянным войском, – задумчиво сказал одноногий моряк.

– Мы с ним справимся, дядя Чарли? – спросила Элли.

– Ты забыла про мудрое правило: сначала одна забота, потом другая. Вот перейдем горы, тогда и будем думать о борьбе с Урфином Джюсом.

– Кагги-Карр, а как тебе удалось разыскать меня? – спросила Элли.

– Ну, могу сказать, это была нелегкая задача, – сказала ворона, раздуваясь от гордости. – Я перелетела через пустыню с попутным ветром, и тут начались главные трудности. Вы понимаете, я же не могла спросить у первого встречного: «Где здесь ворота в Канзас?» Мне приходилось подкрадываться к людям, подслушивать их разговоры, узнавать названия мест... В скитаниях прошло несколько недель. Судите же сами, какова была моя радость, когда я наконец услышала знакомое слово «Канзас». С тех пор я с каждым днем приближалась к цели. И вот я издали заметила и узнала тебя, Элли, хоть и видела только раз, когда ты снимала Страшилу с кола. От восторга я потеряла обычную осторожность и подпустила к себе этого противного мальчишку с камнями...

– Кагги-Карр, ты совершила необычайный подвиг! – горячо воскликнула Элли. – Недаром именно тебя послали Страшила и Дровосек.

– Может, и так, – с притворным равнодушием согласилась ворона и добавила: – Теперь вы отдыхайте, а я полечу искать дорогу через горы.

Она поднялась и улетела. Чарли Блек велел Элли набираться сил, а сам начал готовиться к трудному переходу.

Одноногий моряк наловил десятка два кроксов, вычистил их и повесил вялиться на жарком солнышке. На другую бечевку он нанизал сочные кисти винограда, чтобы они превратились в изюм.

Затем он принялся за обувь: свой сапог и башмаки Элли он подбил шипами, чтобы они не скользили на скалах и на льду, а в деревяшку вбил крепкий гвоздь острием вниз. Для Тотошки моряк сделал прочные башмачки из мягкой древесной коры: лапки песика не будут зябнуть, когда он пойдет по леднику.

Все эти заботы и хлопоты отняли у моряка целый день. Кагги-Карр вернулась поздно вечером, совершенно измученная.

– Ну и горы, – устало прохрипела ворона, опустившись на траву. – Недаром говорят, что через них никогда не переходил человек! Но они от меня не увернутся, нет! Сегодня я летела на запад от лагеря, завтра отправлюсь на восток.

Путники заснули под шум водопада, низвергающегося с гор.

Элли всю ночь снились солдаты Урфина Джюса, гулко стучавшие деревянными ногами по кирпичам желтой дороги.

На следующий день ворона опять исчезла в горах.

Бродя по долине, Чарли нашел дикие тыквы, по форме похожие на большие груши. Моряк очень обрадовался находке. Он срезал у нескольких спелых плодов верхушки, выскреб из них мякоть и семена, подсушил плоды на солнышке, и из них получились прекрасные фляги для воды, легкие и прочные. Чарли выстрогал пробки из коры пробкового дерева, и теперь фляги с водой можно было класть в рюкзаки.

Кагги-Карр вернулась, когда солнце стояло еще высоко над горизонтом. Вид у нее был торжествующий.

– Нашла, нашла! – еще издали кричала она. – Напрасно горы хитрили со мной, я оказалась хитрее!

С жадностью глотая большие куски жареного крокса, ворона рассказывала:

– Тропинка, конечно, не из самых лучших, но пробраться по ней можно. И хорошо то, что она проходит через перевал, который намного ниже главной цепи. Скажу, не хвастаясь, дядя Чарли, не всякая птица нашла бы этот перевал среди нагромождения вершин и хребтов...

– Клянусь всеми воронами мира, я с первого взгляда на тебя, Кагги-Карр, понял, что ты необыкновенная птица, – сказал моряк.

Элли добавила:

– Ведь недаром именно ты подала Страшиле мысль добывать мозги.

Кагги-Карр осталась очень довольна похвалами и сказала:

– Завтра в путь, едва рассветет, потому что дорога дальняя и трудная.

У Чарли не было специального снаряжения для восхождений на горы: крючьев, чтобы вбивать в скалы, веревочных лестниц и тому подобного, но это и не понадобилось. Под водительством вороны они огибали склоны, не взбираясь на них, минуя осыпи, обходили бездны, на дне которых глухо шумели потоки.

В опасных местах Блек и Элли связывались веревкой, и девочка брала на руки Тоттошку.

Была пройдена значительная часть пути, когда встретилось неожиданное препятствие: глубокая щель в скале. Ширина щели была такова, что ее не смогла бы перепрыгнуть и Элли, не говоря уже о Чарли с его деревянной ногой.

Смущенные путники остановились. Кагги-Карр расстроилась больше всех: ведь это она была виновата – пролетая над горами, она не обратила внимания на эту щель, которая сверху казалась тоненькой ниточкой. Что делать?

– Посмотрю, нельзя ли обойти кругом, – сказала ворона и полетела на разведку.

Через полчаса она вернулась разочарованная.

– Кругом такие скалы и пропасти, что невозможно пробраться, – доложила она.

Элли молвила с грустной улыбкой:

– Мой друг Страшила сказал бы: «Вот глубокая яма, через которую не перепрыгнешь. Ямы переходят по мостам. Значит, надо построить мост».

Моряк Чарли вскочил с просветлевшим лицом.

– Элли, ты подала мне превосходную идею! Мы построим мост!

– Дядя Чарли, здесь нет ни одного дерева! Неужели ты хочешь вернуться в Долину чудесного винограда?

– Ты забыла, что у меня в рюкзаке всепревращальное полотнище? Сегодня оно у нас превратится в мост!

Чарли достал моток прочной бечевки, отделил длинный конец и, сложив вдвое, перекинул через щель, стараясь зацепить за выступ скалы. Когда это ему удалось, он туго натянул оба конца бечевки и закрепил на своей стороне. Операция была повторена несколько раз, и через пропасть пролегли сильно натянутые шнуры.

Элли смотрела с недоумением.

– Дядя Чарли, по такому шнурку пройдет только воробей!

– Не спеши, девочка, это у нас только опора моста, а сам мост – вот он!

Моряк достал всепревращальное полотнище, туго надул его, и огромная твердая подушка легла на шнуры, образовав надежный переход. Элли даже запрыгала от восхищения.

Чарли осторожно переполз через мост, помог перебраться Элли и Тотошке. Воздух из полотнища был выпущен, оно убралось в рюкзак, моряк потянул шнур, хитро рассчитанные узлы развязались, и Чарли смотал бечевку.

Компания двинулась дальше.

Скоро они перешли перевал, местность сделалась более приветливой, склоны не были такими скалистыми и крутыми, и на них даже начали появляться деревья. Здесь путники переночевали.

На следующее утро они спустились к подножию гор. Перед ними расстилалась Голубая страна.

Элли с первого взгляда узнала прекрасную страну Жевунов.

Да, это были ее зеленые лужайки, окаймленные деревьями со спелыми, сочными плодами и покрытые клумбами красивых белых, голубых и фиолетовых цветов. С деревьев Элли приветствовали высокими странными голосами золотисто-лазурные красногрудые попугаи. В прозрачных потоках резвились серебристые рыбки.

Пейзаж необыкновенной красоты был знаком Элли и Тотошке, но Чарли пришел в неописуемое восхищение. Много стран посетил он, много видел прекрасных мест, но такого великолепия нигде не встречал.

И как и в прошлый раз, из-за деревьев показались самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Элли узнала Жевунов, одетых в голубые бархатные кафтаны, узкие панталоны и ботфорты. На головах Жевунов были остроконечные шляпы с хрустальными шариками на макушке и нежно звеневшими бубенчиками под широкими полями.

Жевуны дружелюбно улыбнулись Элли, поставили на землю шляпы, чтобы бубенчики своим звоном не мешали им разговаривать, и старший из них сказал:

– Приветствуем тебя и твоего спутника в нашей стране, Фея Убивающего Домика! Мы рады, что ты снова посетила нас. Но на чем же ты прилетела в этот раз?

– Я перешла пешком через горы и очень рада видеть вас снова, мои милые друзья!

Один из Жевунов недоверчиво спросил:

– Разве Феи ходят пешком?

Элли рассмеялась:

– Но я же вам еще тогда говорила, что я самая обыкновенная девочка!

Старший Жевун убежденно возразил:

– Обыкновенные девочки не прилетают в Убивающем Домике и не садятся – крак! крак! – на голову злым волшебницам. Обыкновенные девочки не улетают в неизвестный нам Канзас на чудесных серебряных башмачках!

– Я вижу, вам хорошо известны все мои приключения, – удивилась Элли. – Ну, ладно, вас не убедишь, пусть я буду Фея. А вот мой дядюшка Чарли. У него нет левой ноги, но он все равно самый лучший, самый милый дядюшка на свете!

Жевуны, уже успевшие надеть шляпы, низко поклонились моряку, и бубенчики мелодично зазвенели.

Маленькие человечки смотрели на Чарли Блека с некоторым страхом; в сравнении с ними моряк казался настоящим великаном, а ведь он был нормального среднего роста.

Чарли теперь только понял, почему этих человечков называли Жевунами.

Нижние челюсти их все время двигались, как будто что-то пережевывая. В таком же движении были их губы и щеки. Впрочем, Чарли Блек скоро привык к этой особенности гостеприимных человечков и перестал ее замечать.

– Как вы живете, милые друзья? – спросила Элли.

– Плохо! – ответили Жевуны и горько зарыдали.

А чтобы бубенчики своим звоном не мешали им плакать, они снова сняли шляпы и поставили их на землю.

– Ты освободила нас от коварной Гингемы, но на смену ей явился злой волшебник Урфин Джюс, – сказал старший Жевун. – Он оживил медвежью шкуру и ужасных деревянных солдат. Урфин Джюс свергнул избранного нами правителя Према Кокуса и даже захватил власть над Изумрудным городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.